

КОНАН ПРОТИВ ЗОГЛР-САГА

САЈА О КОНАЊЕ

КОНАН И ЧЕТВЕРЫЕ СТИХИИ 1	КОНАН И БОГИ ТЬМЫ 2	КОНАН И МЕН КОЛДУНА 3	КОНАН БРОСАЕТ ВЫЗОВ 4	КОНАН И ПОВАЛЕНЫЙ ПЕЩЕР 5	КОНАН И ПЕСНЯ СНЕГОВ 6	КОНАН И НЕБЕСТАЯ СЕКИРА 7	КОНАН НА ДОРОГЕ КОРОЛЕЙ 8	КОНАН ПРИНИМАЕТ БОЙ 9
КОНАН И КАРУСЕЛЬ БОГОВ 10	КОНАН И ДАР МИТРЫ 11	КОНАН И НОРНЫЕ КАНКИ 12	КОНАН И ГРТОТ ДАНОМЫ 13	КОНАН И ЗЕРКАЛО ГРДАЩЕГО 14	КОНАН И МИРМЯ ЖАЛАЦИХ СТРЕЛ 15	КОНАН И ПСЫ БОГИНЬ 16	КОНАН И ТАНЦМАН ЗАЛ 17	КОНАН И БИЧ НЕРГАЛА 18
КОНАН И ГОРОД ПЛАНЕННЫХ ЛУШ 19	КОНАН И ИСТОЧНИК СУДЕЙ 20	КОНАН И СЕРАИЕ АРИМАНА 21	КОНАН И БАТРОВОЕ ОКО 22	КОНАН И ПРИВАЛЫ ПРОШАГО 23	КОНАН И ВОИНСТВО МРАКА 24	КОНАН И ВАРГИИЗ КИММЕРИИ 25	КОНАН И РЫЖИЙ ЯСТРЕБ 26	КОНАН И ПАДАНИКИ ВЕЗДЫ 27
КОНАН И ЗАГОВОР ТЕНЕЙ 28	КОНАН И КОПЬЕ КРОМА 29	КОНАН И ВРАТА ВЕЧНОСТИ 30	КОНАН И АЛМАЗНЫЙ ЛАБИРИНТ 31	КОНАН И РАСКОЛОМЫ ИДОЛ 32	КОНАН И ЧАША БЕССМЕРТИЯ 33	КОНАН И АДАЙНОЙ СТРАЖ 34	КОНАН И ГОЛОВНЫ ГРЕЗАМИ 35	КОНАН И АЛАТЫР ПОБЕДЫ 36
КОНАН И БИТВА БЕССМЕРТНЫХ ПЛОТИ 37	КОНАН И ПОКИРАЛАМ ПЛОТИ 38	КОНАН И БЕРЕГ ПРОКЛЯТЫХ 39	КОНАН И ОКОВЫ БЕЗМОЛВИЯ 40	КОНАН И ГЛАВЛЫЦА НЕБЕС 41	КОНАН И ДРЕВО МИРОВ 42	КОНАН И КОЛЬЦО ВЛАСТИ 43	КОНАН И ЗОВ ДРЕВНИХ 44	КОНАН И ПРОРОК ТЬМЫ 45
КОНАН И ГНЕВ СЕТА 46	КОНАН И ХРАМ НОЧИ 47	КОНАН И КОРОЛЬ ВОРОГ 48	КОНАН И ПОДИМНЫЙ ОГОНЬ 49	КОНАН И МЯТЕЖ ЧЕТЫРЕХ 50	КОНАН И КЛЕИМО ЗМЕЯ 51	КОНАН И ХОЗИН ОКЕАНА 52	КОНАН И КОРОНА МИРА 53	КОНАН И ПОСЛАНИК СВЕТА 54
КОНАН И СЛЯЩЕ ЗЛО 55	КОНАН И ЗВЕЗДЫ ШАДИЗАРА 56	КОНАН И СКАЛЫ ХАОСА 57	КОНАН И ЖРЦ ТАРИМА 58	КОНАН И СЛЯЩИЕ ПЛЮКТОВ 59	КОНАН И ПОВАЛЕНЫЙ МОЛНИЙ 60	КОНАН И ТИТРЫ ХАЙБОРН 61	КОНАН И ГЛАДНИКИ БУРИ 62	КОНАН И САД ИСПОЛНИЯ 63
КОНАН И СЛУГА ТУМАНА 64	КОНАН И АНК ЗВЕРЯ 65	КОНАН И ОБИТЕЛЬ ДРАКОНОВ 66	КОНАН И НАСАЛАМЕ МЕРТВЫХ 67	КОНАН И ЗАКАТ АРТОСА 68	КОНАН И АЛАЯ ПЕЧАТЬ 69	КОНАН И ТАНЦЕЦ ПУСТОТЫ 70	КОНАН И ПОСЛАНИК МРАКА 71	КОНАН И ГОДОС КРОВИ 72

Керк Монро, Олаф Локнит

КОНАН ПРОТИВ ЗОГАР-САГА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»
МОСКВА • Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)

ББК 84 (7Сое)

М77

Серия «Конан» основана в 1993 году

Авторские права защищены.

Запрещается воспроизведение этой книги
или любой ее части, в любой форме,
в средствах массовой информации.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

Подписано в печать 21.12.06. Формат 84x108 1/32.
Усл. печ. л. 21,84. Тираж 6 000 экз. Заказ № 5137 Э.

Монро, К.

М77 Конан против Зогар-Сага : [сборник] / Керк Монро,
Олаф Локнит. — М.: АСТ; СПб.: Северо-Запад Пресс,
2007. — 414, [2] с. — (Конан).

ISBN 5-17-042194-X (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-93698-394-3 («Северо-Запад Пресс»)

Конан-киммериец скитаются по свету в пописках приключений. Он
охотится на загадочных чудовищ, воюет с колдунами и некромантами
от Венали до Хитая и восстанавливает справедливость по всей
Хайбории, спасая невиновных и карая Зло.

УДК 821.111(73)

ББК 84 (7Сое)

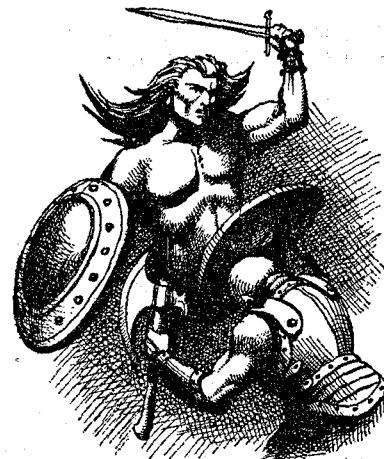
© Д. Вяземский, серийное оформление, 1999

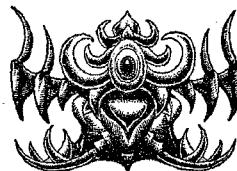
© «Северо-Запад Пресс», составление и

подготовка текста, 2007

Керк Монро

ХРАНИТЕЛЬНИЦА ЖИЗНИ

Глава первая

В которой Охотники встречают
странную торговку, приобретают
резную фигурку демона,
а потом раздумывают
как поступить с очень ценным предметом

Полуночная Бритуния, герцогство Райдор,
Лето 1285 года по календарю Аквилонии.

ыночная площадь Райдора решительно ничем не отличалась от рынков в иных маленьких городках Бритунии или полуночной Немедии. Заходульство, оно и есть заходульство, нет здесь размаха великих столиц и блескательности Золотого Восхода — одинаковые деревянные лавки, повозки кмейтов, привезших на продажу зерно, криклиевые и грубоватые тетушки с корзинками, вечно недовольная рыночная стража. В меру шумно, в меру скучно и донельзя привычно.

—... Базар в Султанапуре или Хоарезме — я уж не говорю про такой замечательный город как Шадизар! — это центр городской жизни, — увлеченно рассказывал Конан.

Сопровождавшая варвара Асгерд слушала и кивала, нордхеймской воительнице не приходилось бывать в соседних странах за исключением Пограничного королевства, которое, впрочем, никем не воспринималось всерьез и даже в отдаленных областях Бритунии почиталось медвежьим углом, каких поискать.

— Между прочим, за Вилайетом, в Туранской империи и Иранистане торговля спокон веку почитается делом благим и чуть ли не самым добродетельным. У нас в Райдоре базар один-единственный, а в Шадизаре торговых площадей целых пять: отдельно для ремесленников, отдельно для продажи скота и лошадей... Эх, видела бы ты шадизарские ювелирные ряды! Три или четыре сотни купцов со всех краев света, зазывали орут, каждая лавка украшена самыми дорогими коврами, обязательно воскуривают благовония, чтобы покупателю было приятнее! Немыслимая роскошь!

— Судя по твоим рассказам о временах проведенных в Шадизаре, лавками золотых дел мастеров или гравильщиков ты интересовался больше всего, — усмехнулась Асгерд. — Неужели ни разу не попадался, скажи честно?

— Если мы сейчас разговариваем — значит не попадался, — веско ответил Конан. — Шадизар хоть и называется «городом воров», но когда тебя прихватили на горячем, пощады не жди. На первый раз оттяпают правую руку. Поймают заново — пиши пропало, или повесят, или башку снесут. Двадцать зим прошло, а месьор Рекифес, начальник дознавательной управы, мне доселе в кошмарах снится: жуткий был тип, настоящий монстр. Этот немедиец почему-то решил, что сумеет навести в Шадизаре порядок.

— И как, навел? — Асгерд вздернула бровь. — Никогда бы не подумала, что в знаменитом на весь свет городе можно установить некое подобие законности!

— Смеешься? Его с самого начала считали сумасшедшим хотя бы потому, что Рекифес не брал взяток и отказывался договариваться со старейшинами кварталов. Через полтора года он ненароком свалился с лошади и сломал хребет. Подозреваю, это случилось из-за того, что попerek улицы была натянута медная проволока, конь споткнулся, сбросил всадника...

— Неужто твоя работа?

— У Рекифеса хватало врагов, — покачал головой варвар. — А я тогда был... э... маленьким, кроме того Аластор Кайлиени командовавший нашей шайкой считал убийство непозволительным грехом. Воровать — воруй, особенно у бога-

тых, но убивать нельзя категорически, золото не стоит выше человеческой жизни.

— Только не говори, что ты всегда придерживался этого правила. Сколько раз с тех пор твой клинок обагрялся кровью?

— Они все были плохими, — убежденно ответил Конан. — Давай посмотрим блошиные ряды? Иногда там можно найти кое-что интересное...

* * *

... Случилось так, что Конан несколько седмиц назад оказался в одной из самых захолустных провинций Закатного материка — герцогстве Райдор, что расположено на самой полуночи Бритунии, на стыке границ с Пограничьем и Гипербореей. Никакой особой цели в данном путешествии у варвара не было — желая заработать несколько десятков золотых на дорогу до Аквилонии, где король Нумедидес и герцог Пуантена Троцеро собирали большую наемничью армию для войны с пиктами, Конан нанялся в охрану крупного торгового каравана, проводил купцов из Немедии в Райдорское герцогство и собрался было в дальнюю дорогу до боссонских топей, что граничат с безбрежными лесами Пущи Пиктов.

Однако планы резко изменились. Причиной сего изменения явилась маленькая компания охотников на монстров, попросивших киммерий-

ца помочь (за хорошее вознаграждение, разумеется) в трудном деле поимки упыря, внезапно объявившегося во владениях эрла Ронина.

Охотники показались Конану людьми симпатичными, вознаграждение достаточным, а работа нетрудной, хотя в последнем варвар ошибался — недаром считается, что все Ночные Стражи, как один, скорбны головушкой, ибо никакой нормальный человек никогда не возьмется за столь опасное и тяжелое ремесло с напрочь непредсказуемыми последствиями. Конан, который и прежде водил мимолетные знакомства с Ночными Стражами, отлично знал, что редкий охотник выдерживает хотя бы пять зим непрерывных походов и опасностей, а в абсолютном большинстве случаев погибает через год-полтора. Бессспорно, этим умалишенным платят огромные деньги (в том варвар убедился, когда ватага Гвайнарда истребила ронинского вампира), но ни за какое золото невозможно купить себе ни здоровье, ни жизнь...

Можно сколько угодно удивляться, однако командир небольшого отряда, Гвайнард, которого чаще звали просто Гваэм, трудился на поприще Ночной Стражи аж целых девять зим — с двадцати! — и ранен был всего однажды. Его верные соратники, а именно Астерд из Нордхейма и Эйнар-броллайхэн тоже оставались безоговорочно верны странному ремеслу и искренне

гордились столь необычным родом занятий. Следует заметить, что Эйнар вообще никаким боком не относился к человеческому роду, являясь самым настоящим Духом Природы воплотившимся в облике молодого говорливого парня с русыми волосами и вечной привычкой спорить по любому поводу.

Конан, всегда относившийся к не-людям с искренней симпатией (в числе его друзей числились и гномы, и гули Рабиров и даже самый настоящий дракон, с которым варвар раззнакомился во время недавних приключений на Полуденном побережье) поначалу не поверил, что Эйнар принадлежит к почти сказочной расе броллайхэн, народу духов-хранителей обитаемого мира, но вскоре убедился, что его никто не обманывает. Эйнар владел всеми достоинствами и недостатками броллайхэн — телесным бессмертием, даром магии Алого Пламени Равновесия и характером плохо воспитанного деревенского мальчишки: Эйнар совал нос в каждую щель, куда таковой нос пролезал, был невероятно любопытен, одновременно с этим ленив и слаб на желудок: беднягу начинало тошнить при виде единственной капли крови.

Астгерд, нордхеймская воительница и дочь асирского военного вождя, сбежавшая из дома ради приключений, именовала Эйнара «неубиваемым балбесом» и шпанила броллайхэн как

могла: заставляла седлать лошадей, готовить на привалах еду, гоняла по поручениям, частенько совершенно бессмысленным, но перевоспитать существа, порожденное щедрым лоном природы много тысяч зим назад не могла. Эйнар упорно не желал меняться — за столь долгий срок жизни появляются навсегда устоявшиеся привычки. Астгерд, как девица решительная, в чем-то суровая (как и все нордлинги...) и нетерпимая к чужим недостаткам, мириться с разгильдяйством броллайхэн не собиралась, отчего Эйнар полагал ее своим личным проклятием. Гвай, наблюдая за постоянными стычками своих подчиненных только посмеивался, зная, что в любом случае его ватага является одним из лучших отрядов Ночной Стражи действующих на полуночи материка.

Когда отряд, после краткого, но весьма насыщенного событиями пребывания в землях эрла Ронина изрядно отяготил свои кошельки весьма крупной суммой в серебряных слитках, неспешно возвратился в столицу герцогства, варвар совсем было решил следовать прежним планам и немедля отправляться в Аквилюнию — дорога-то неблизкая! Не хотелось попасть в осеннюю распутицу, когда тракты Пограничья, Гандерланда и Боссонии превращаются в непроходимое болото. Лето, однако, было в разгаре, а компания Гвайнарда сотоварищи Конану вполне подходи-

ла, ибо киммериец прежде всего ценил в людях искренность, честность и верность, каковыми качествами вся троица выгодно отличалась от большинства прочих людей. Посему Конан решил задержаться в Бритунии, желание уехать в Аквилонию постепенно иссякло. Конан остался в ватаге Гвайнарда по меньшей мере до осени.

А дальше видно будет.

* * *

На базар киммериец и Асгерд отправились поутру — домашние припасы следовало пополнить раз в седмицу. Кладовка почти опустела и домоправительница, госпожа Тюра, сказала, что вскоре на обед останется одна солонина. Гвайнард пускай работает в кузне, Эйнара отпустить на рынок бессмысленно — бестолковый броллайхэн только деньги лишние потратит и не купит ничего толкового, а вот хозяйственная Асгерда и pragmaticичный Конан позаботятся и о сохранности кошеля, и о хлебе насущном.

Чтобы не таскать покупки на руках, одолжили у соседа-шорника грустного серенького ослика, и нагрузили на него две объемистые корзины закрепляемые ремешками. Купили муку, свежую баранину, овощи, Конан настоял на приобретении трех кувшинов с красным зингарским вином — в Райдоре предпочитали употреблять

эль, пиво и ягодные настойки, а варвар соскучился по виноградному напитку. Асгерд не возражала — безусловно, вино стоило дорого, его доставляли в Бритунию за тысячи лиг с побережья Полуденного океана, однако Ночные Стражи никогда не испытывали трудностей с серебром: за их работу платили щедро и охотно.

Варвар, как человек опытный, редко обходил вниманием блошиные ряды где торговали всякой всячиной, от треснувших горшков до якобы магических травок и фальшивых оберегов. Среди множества бесполезных предметов непременно отыщется настоящая жемчужина — не далее как десять дней назад Конан за бесценок купил здесь невзрачнейший медный амулет в действительности оказавшийся уникумом: он защищал владельца от мороков, наводимых мамунами, неприятными полуразумными тварями обитавшими в глухих чащобах. Кто и когда сделал амулет осталось неизвестным, но его сразу же присоединили к принадлежащей Охотникам обширной коллекции магических предметов.

Старое тряпье и поношенные сапоги киммерийца не интересовали, он сразу направился к «ведьминому углу» как на Райдорском базаре именовалось место под глухой стеной огромного амбара, облюбованное знахарками, травницами, шаманами-самозванцами и просто подозрительными личностями, торговавшими приворотными

зельями и талисманам от сглаза. Далеко не все здесь являлись шарлатанами: Конан отлично знал, что в глухих деревнях можно встретить сильных ведьм хранящих древние и забытые традиции.

Между прочим Охранитель Короны, начальник тайной службы Райдора месьор Атрог из Гайарны, присматривал за здешними «колдуна-ми» с особой внимательностью — с магией шутить не следует.

— Вон те двое — точно шпики, у меня глаз наметенный, — варвар указал Асгерд на сереньких типчиков выставивших на продажу какие-то невзрачные корешки. — Не понимаю, чего так боится его милость? Порчу на герцогское семейство наведут? Чепуха, здесь традиционно относятся к верховной власти как к чему-то святому и неприкосновенному, установленному волей богов. Все-таки мы не в Аквилонии, Туране или, упаси Иштар, не в Стигии!

— Осторожность никогда не помешает, — заметила Асгерд без особого интереса оглядывая дощатые прилавки. — Сколько неприятностей происходит из-за ошибок магов-самоучек или неправильного использования колдовских предметов! Возьми хоть месьюра Аделарда!

— Неудачный пример, — фыркнул Конан. Речь шла об алхимике его светлости, давно и прочно считавшемся умалишенным. Настоящим

магом он, разумеется, не был но шарлатанствовал вполне талантливо иногда вызывая в замке настоящий переполох: в «магической лаборатории» Аделарда вечно что-нибудь взрывалось. — Взгляни, настоящая разрыв-трава... Купим? Гвайнард жаловался, что у нас ее почти не осталось.

Молодая девица с изумрудно-зелеными глазами лесной ведуньи торговалась отчаянно и уступила пучок редкостной травки за целых восемь полновесных шеллинов столичной чеканки. Впрочем, покупка того стояла — высущенная особым образом разрыв-трава при произнесении краткого заклятья могла открыть любой замок, в Шадизаре она ценилась на вес алмазов. Больше ничего интересного Охотники на «колдовском» рынке не обнаружили и засобирались домой.

— Подожди-ка, — сказала Асгерд, остановившись и натянув уздечку, за которую вела ослика. — Какие любопытные игрушки... Давай подойдем.

Лучницу из Нордхейма заинтересовала лавка находившаяся на самом краю блошиного ряда, ближе к прилавкам кожевенников и скобяных торговцев. В прежние дни кособокая будка склоненная из грубых досок пустовала, это место никто не хотел занимать из-за ветхости и неудачного расположения — лавочонку почти закрывала коновязь. Однако сейчас Асгерд углядела яркое пятно и решила взглянуть, что за

товар предлагают достопочтенным подданным герцога Райдорского.

Точно, игрушки. Деревянные куколки раскрашенные кричащими красками, детские луки из прутиков, лошадки, попрыгунчики на ниточках. На каждой поделке можно рассмотреть крошечное клеймо: заключенный в ромб трилистник клевера. Конана больше всего озадачил облик торговки — своему собственному ребенку у эдакой страшили бы игрушку ни за что не купил!

Восседавшая за прилавком старуха выглядела преотвратно, самая настоящая ведьма из страшной сказки. Лицо коричневое и морщинистое, как запеченное яблоко, кривой нос, будто перешि�блиенный в трех местах. Волосатая бородавка на щеке, бельмо на левом глазу, синюшный безгубый рот, грязно-серые волосы выбивающиеся из-под заношенной черной накидки. Ногти на пальцах больше похожи на когти птицы. Киммериец поморщился — пахло от старицы тоже не ахти, угольным дымом и почему-то жженой костью. Очень скверная старуха, говоря откровенно.

Впрочем Конан редко доверял первому впечатлению от человека — на его памяти один ми-лейший юноша, всеобщий любимец и душа компании, ночами насиловал и душил юных девиц, а старый прокаженный, собиравший подать возле шадизарского храма Митры Солнцевеликого,

всю выручку (и немалую) отдавал в детский приют, оставляя себе всего пару медяков на черствую лепешку и глоток дурного разбавленного вина. Кто знает, вдруг эта карга является любящей бабушкой огромного выводка ясноглазых внуков и правнуоков, а вырученные за свои поделки деньги тратит им на сладости? В жизни всякое бывает и нет ничего обманчивее человеческой внешности!

Возможным покупателям старуха ничего не сказала, только посмотрела на варвара единственным пронзительно-карим глазом и сразу отвернулась. Похоже, ей было безразлично, купят товар или нет — расхваливать его она явно не собиралась.

— Довольно странно, — проворчала Астгерд, осмотрев разноцветные фигурки. И почему-то неожиданно перешла с привычного бритунийского наречия на язык нордхеймцев, видимо не хотела чтобы ее поняла торговка. — Конан у тебя в детстве были куклы?

— Чего?!

— Я так и думала. Во что ты играл с другими мальчишками у себя в Киммерии?

— В основном, — Конан насупился, — я помогал отцу в кузне. Для игр было слишком мало времени. В войну с аквиilonцами, конечно, играли. Кидали камни в цель, из пращи и просто руками, из лука стреляли. Тебе зачем?

— Затем, что я родилась в Асгарде, стране тоже вполне варварской, игры мои братьев ничем не отличались от ваших. Но у девочек были куклы — их делали из соломы, деревяшек, отец, помню, вырезал мне одну из китовой кости... И все они были добрыми. Добрьими, понимаешь? Посмотри внимательно на этих уродцев.

— Ничего себе, — киммериец взял несколько фигурок, повертел в пальцах и побыстрее поставил на место. Почему-то захотелось вытереть руки об одежду, едва сдержался.

Лошадки, зверюшки и человечки по ближайшему рассмотрению выглядели вовсе не безобидно — на кривых зубастых физиономиях застыло выражение невыносимой свирепости, некоторых тупорылых ублюдков Конан даже не сумел опознать: не то люди, не то человекоподобные демоны. Краска непонятная, будто отсвечивающая — кажется будто крошечные глазенки горят огнем.

— Такое нельзя давать в руки детям, заикаться начнут, — уверенно сказал киммериец, и вдруг получил от старухи отповедь на чистейшем асирском:

— Кто тебе, верзила, сказал, что эти вещи предназначены для детей? — Конан аж отступил на шаг назад от неожиданности. — Не хочешь — не покупай, иди своей дорогой! Чего уставился? Ты бы еще на гиперборейском заговорил, дуболом! Выучил два слова на языке нордлингов и

решил, что ты здесь самый умный? Давай-давай, топай отсюда вместе со своей мужеподобной мерзавкой!..

И так далее — паскудная старуха скандала умело и привычно, не давая варвару вставить и единого слова. По большому счету Конан мог пристукнуть кривоглазую легким тычком кулака, но руки пачкать не хотелось, да и не пристало мужчине связываться с полуумными старухами — нет в этом чести для воина.

Астгерд, побледневшая от ярости после незаслуженной «курвы» запустила руку в пояс, царственным жестом бросила на темный от времени и влаги прилавок тяжеленный золотой немедийский аурей (Конан мельком подумал, что за его стоимость можно скупить всю лавку вместе с нехорошой бабушкой. Только куда ее девать потом?) и ледяным тоном произнесла:

— Беру вот это. О сдаче не беспокойся, тебе на бедность...

Астгерд не глядя выбрала одну из куколок и ловко закинув ее в корзинку, висевшую на спине ослика. После чего развернулась на каблуке и гордо зашагала прочь. Конан громко сплюнул и отправился вслед. В спину ударил скрипучий старушечий смех — как показалось, злорадный.

* * *

— Зачем обращать внимание на какую-то сумасшедшую? — удивлялся Гвайнард, командир ватаги охотников. Выслушав рассказ Конана о неприятном происшествии на базаре он только руками развел и посоветовал меньше расстраиваться из-за сущей ерунды.

Конан вовсе и не расстраивался, но вот Асгерд злилась доселе: нордлинги очень серьезно относятся к словам и считают человеческую речь таким же оружием, как арбалет или клинок. За малейшее словесное оскорбление в Нордхейме убивают не раздумывая. Бывало, что сочиненная известным скальдом обидная виса давала повод к многолетней кровной вражде между кланами. А подразумевающее ужасную неприличность слово «мужеподобная» по отношению к девице или женщине и вообще никогда не прощается, за него положено мстить даже потомкам оскорбителя.

Гвайнард поинтересовался: что мол за старуха? Конан дал развернутое описание, не забыл упомянуть даже о желтом обломанном клыке торчащем из-за губы. Нет, раньше такую не видел, иначе бы обязательно запомнил, очень уж приметная. Откуда я знаю, почему она понимает асирский?! Нет-нет, она точно не из Нордхейма, уцелевший глаз черный, а все нордлинги светлоглазые. И вообще, очень странная бабка. Амулет Ночной Стражи молчал, никакой магии...

Последний вопрос особенно занимал Гвайнарда — если женщина выглядит как ведьма и торгует необычным (мягко говоря!) товаром, значит с большой долей вероятности она ведьмой и является. Однако, висящий на шее Конана талисман Охотников, призванный предупредить хозяина о возможной магической опасности легким подрагиванием и чувством холода остался неподвижным. Ну а если нет магии, особенно темной, следовательно и беспокоиться не о чем.

Купленную за целый аурей безобразную игрушку Асгерд хотела выкинуть в выгребную яму, но киммериец этому решительно воспротивился и порадовал боевую подругу красочным рассказом об одном из шадизарских приключений — в те полузабытые времена один из приятелей юного варвара совершил страшную ошибку, похоронив в нүжнике волшебный жезл. В результате столь необходимая дворовая пристройка ожила, обзавелась восемью паучими ногами и начала бродить по двору проповедуя о великих силах Света и Тьмы. Асгерд желает повторения этой истории? Копать вторую яму Конан не будет! Хватит, в Шадизаре накопался!

Тут Асгерд наконец-то улыбнулась, швырнула игрушку в ягодные кусты у забора, пообещала, что если встретит старуху еще раз, то прирежет собственноручно и отправилась в конюшню чистить лошадей — заботы по хозяйству прежде

всего. Разумеется, в те дни когда Охотники не трудились на своем главном поприще.

Конан поразмыслил и решил, что этого дела он так не оставит. Врожденное варварское любопытство, как и всегда, перевесило — надо было выяснить, откуда взялась на базаре ведьмоподобная старица и что означали ее слова о том, что «эти вещи предназначены не для детей». Варвар маялся от безделья — работы не было уже целую седмицу, а беспокойный нрав не позволял варвару сидеть на месте и заниматься скучными домашними обязанностями. Если появилась маленькая тайна, то почему бы ее не разгадать?

Приняв решение Конан вздохнул и полез в колючую малину за злополучным деревянным уродцем. Нашел, выбрался на свет и внимательно осмотрел.

Н-да, ничего не скажешь — красавчик. Фигурка была не слишком большой, в половину ладони взрослого мужчины. Тяжеленькая, значит сделана из бука или дуба. Работа не самая тонкая и изящная, но в неряшливости резчика упрекнуть нельзя. На пальчиках сине-зеленого существа напоминающего горного гоблина видны даже крохотные коготки, морщинки на рожице выполнены вполне правдоподобно, харя агрессивная и пучеглазая, ушки крупные, острые. В правой лапке сжимает некий предмет,

познать который Конан не сумел. В целом статуэтка ничуть не напоминала детскую игрушку, скорее некий волшебный тотем. Только выкрашена очень ярко.

— И что же ты такое? — вслух спросил киммериец более у самого себя, чем у несуразной куклы. Излишне «зловещим» деревянный уродец ему не показался. Страшноватый — это да, но реальной опасности в нем не замечалось. Варвар, как человек дотошный и способный предусмотреть любые мелочи извлек из-за ворота амулет Охотников и приложил серебряный медальон к игрушке. Как и ожидалось ничего не произошло.

— Дай глянуть, — Гвайнара подошел незаметно, будто лесной кот. Конан поморщился, не любил когда его застают врасплох. — Из-за этой пакости весь переполох?

— При чем здесь переполох? Асгерд купила фигурку поддавшись первому порыву, обиде — швырнула старой ведьме аурей. Кстати, у нордлингов есть обычай: когда видишь недоброжелательного человека, отдай ему золото или серебро, ты словно бы откупашься от направленного на тебя зла. Надо бы спросить, может ее поступок связан со старинной приметой асиров?..

— Непременно спрошу, — уверенно кивнул Гвай. — Сам знаешь, я человек излишней скромностью не отличающийся и предрассудкам не подверженный. Ты сейчас очень занят?

— Очень, — мысленно извинившись перед Гвайнардом соврал Конан. Киммериец не без оснований предполагал, что тот попросит помочь с новыми подковами для лошадей — с кузнецным делом Конан был знаком с детства. Но предводитель охотничьей ватаги лишь пожал плечами, сказал что сам управится.

Зеленую куклу варвар на всякий случай спрятал за одной из балок в сарае. Незачем ей глаза людям мозолить, мало ли что? После чего Конан вышел со двора и направился к старому приятелю, десятнику рыночной стражи Сигизвульфа, жившему на соседней улице — пожилой седоусый десятник знал в городе чуть не каждого человека и сегодня был не на службе.

После Сигизвульфа целеустремленный киммериец заглянул в замок короны. Навестил придурочного алхимика, затем поговорил с помощником Охранителя Короны, пухленьким и доброжелательным месьором Винитаром из Корбы, отвечавшим в тайной службе за надзор за всеми приезжими. Конана, как Ночного Стража, пропускали через все караулы беспрепятственно — Гильдия Охотников везде пользуется большим уважением.

Потом варвар спустился с замкового холма, попетляя по узким улочкам городской окраины, вошел в боковую дверь одного из дешевых кабаков, но впоследствии оттуда не вышел — выйти

пришлось из подземного хода за стенами города. В подземных катакомбах, где угнездились «ночные цирюльники» Райдора, Конан имел встречу со здешним королем воров, Эламом по прозвищу Змеиная Рука — благообразным старцем повелевавшим невеликой гильдией грабителей.

Вежливо побеседовали (варвар отлично знал, как именно следует общаться с такими личностями и уважал Элама как человека ухитрявшегося проворачивать свои авантюры не вызывая у Охранителя Короны ненужных отрицательных эмоций), затем Конана вывели из лабиринта в четверти лиги от ворот Райдора — сейчас мол вечерняя стража зверствует, ихний сотник очень «ночных цирюльников» недолюбливает. Так что, месьор Конан Канах, извольте проследовать за нами — секретным лазом пройти оно вернее.

Киммериец не возражал, сам знал, что такое раздраженная и обозлившаяся стража. У него-то охранная грамота от самого Великого герцога, Ночного Стража тронуть не посмеют, а вот остальные могут и повязать — подвал замка, допрос с пристрастием, рудники в Граскаале...

Пройти всего ничего. Вынырнул из леска на большой тракт ведущий в сторону Пайрогии, столицы королевства, прошел по наезженной дороге, увидел квадратную башню Закатных ворот — и пожалуйста, ты снова в городе. Остается найти усадьбу на Волчьей улице, но и это не

трудность: Конан за последние две с лишним луны изучил Райдор наизусть, знал каждый закоулок.

Начинало темнеть, госпожа Тюра готовила ужин. Бравые соратники встретили киммерийца недовольно: все работали, а он исчез незаметно куда посреди дня. Чем оправдаешься?

— Новости такие, — Конан непринужденно уселся на свое место за общим столом в главной комнате дома, именовавшейся «Арсеналом», — Ведьму, которую мы сегодня встретили на базаре, раньше в городе никто и никогда не видел. Никто, ясно вам? Стража присматривающая за рынком, тайная служба, даже воры которые знают все и про всех! Я еще успел забежать на бazaarную площадь, посмотрел — лавка пуста, никто из торговцев никакой безобразной старухи не помнит! Равно как и ее игрушек. Загадочка?

— Загадочка, — согласился Гвайнард. — И что дальше?

— Задача Ночной Стражи — отгадывать загадки!

— Но только не такие. Кому эта старая карга причинила вред? Привадила чудовищ? Демонов? В каком преступлении кроме злозычия ее можно обвинить?

— Ох, дружище Гвай, сердце мне отчего-то вещает, что с торгующей игрушками бабулей мы еще столкнемся!

— Не уверен. Давайте лучше ужинать. Замечательная баранина с кислой брусничной подливкой!

* * *

— Что мы знаем о различных магических статуях? — когда окончательно стемнело Эйнар приволок в арсенал неподъемную рукопись Орибазия Достопочтенного, знаменитого аквилонского хрониста, историка и бытописателя, между прочим интересовавшегося волшебством и сочинившего на эту тему несколько подробнейших трактатов. — Орибазий утверждает, будто некоторые древние боги могут быть воплощены в каменные образы...

— Ничего нового ты мне не сообщил, — Конан потянулся и зевнул. — Был у кхарийцев такой божок, Дагот. Хайборийские боги навеки усыпили его, вырвав рог Дагота, средоточие силы, а сам он превратился в мраморную статую прекрасного юноши. Если рог приставить обратно, то Дагот проснется и устроит всем живущим крупные неприятности. Помню, одна спящая кофийская принцесса отыскала рог, а я в это самое время...

— Опять начинается, — вздохнула Асгерд. — Конан, у тебя нет чувства меры. Давай договоримся на будущее: рассказывай за день не больше трех историй о своих похождениях.

— Но я только хотел...

— Знаю, знаю. Принцесса наверняка приставила рог статуе, статуя ожила и превратилась в жуткое чудовище, а ты чудовище убил... Так? Все твои невероятные байки заканчиваются одинаково, никакого разнообразия!

— Хорошо, — Конан пожал плечами. — Статуя действительно ожила и убила меня. Разорвала в клочки. Нравится?

— Так гораздо лучше, — фыркнула Асгерд. — Хоть что-то новое.

— Вернемся к Орибазию, — Эйнар постучал по столу костяшками пальцев. — Сильные маги иногда изготавливают големов, которые охраняют их сокровищницы — это просто глиняные или деревянные чурбаны способные двигаться благодаря вложенному в них волшебству и заклинаниям.

— На Вилайете есть такой остров Железных Идолов, — авторитетно заметил киммериец. — Зим эдак восемь назад...

— Конан!

— А что — Конан? Это были статуи, которые бродили по ночам и приставали к мирным путникам. Асгерд, не смотри на меня так — ни одного тамошнего идола я не убил, пришлось уносить ноги.

Разговор не клеился — Эйнар с головой погрузился в изучение книги Орибазия, Гвайнард

возился с поломанным механизмом натяжки стрелы на своем арбалете, Асгерд отправилась спать. Варвар, поразмыслив, забрал масляную лампу и наведался в сарай, проверить как поживает сегодняшнее приобретеньице. Игрушка мирно лежала на широкой балке и признаков жизни не подавала — в этот момент на башне замка короны как раз отбили полночь и варвар подсознательно ожидал, что сине-зеленый гоблиненок уподобится Даготу и устроит какую-нибудь пакость.

Ничего подобного не случилось, деревяшка осталась всего лишь деревяшкой. Конан успокоился, вернулся в дом, улегся на широченную лавку в комнате, которую делил с Эйнаром, заснул в мягкие звериные шкуры и почти сразу задремал. Пригрезился железный идол с одноглавым вилайетского острова пивший пиво с давешней ведьмой, которая жаловалась на то, что детстве ей не давали играть с куклами.

Проснулся варвар внезапно, как от толчка в плечо. Темнотища — хоть глаз выколи. На лежанке напротив посыпывает Эйнар, слышно как за прикрытыми ставнями стрекочет сверчок. Конан никак не мог понять, что именно его разбудило. Посторонний звук? Ощущение, будто в доме находится кто-то чужой? Киммериец машинально ощупал амулет Охотников — вроде бы не холодный...

Встал, на ощупь отыскал сапоги, набросил любимую безрукавку. Пошарил ладонью по столу, нашел огниво и затеплил фитиль лампы. В комнатке ничего не изменилось, только возле лавки Эйнара валяется том Орибазия который броллайхэн забыл положить в «книжный сундук». Конан шагнул в коридор, тихонько пошел к «Арсеналу». Пусто. Отбросив засов киммериец выбрался на крыльцо.

Самое темное время ночи, уходит Час Волка, настает предрассветный Час Быка. Луна давно зашла, светят только звезды — по небу разлита сияющая дорога, молоко из грудей Иштар. Чиркают полоски метеоров. Красиво.

Отвлекшись от звездного неба Конан прислушался. Вокруг все спокойно, лошади в конюшне не беспокоятся, следовательно рядом нет никакой нечисти, которую животные чувствуют гораздо острее любого человека.

— Старею, — признался себе киммериец. — Вскакиваю по ночам, чудится незнамо что... Зим пятнадцать назад меня из теплой постели и дракон бы не вытащил. Вместе со всей армией Кхарии!

Конан покачал головой и собрался было назад, досыпать, но его внимание привлек неясный отсвет мелькнувший откуда-то справа, со стороны сарая. Светлячок? Нет, чересчур ярко для светлячка!

Оружия варвар с собой не взял, пришлось ухватиться за прислоненный к стене дома сосновый кол — вполне грозное оружие в умелых руках.

Осторожно подошел поближе. Точно, через щель в двери сарая пробиваются желтоватые луники, будто свеча горит, да только свет не колеблющийся, а до странности ровный.

«Так и знал, — подумал Конан. — Надо было выкинуть эту проклятую куклу в реку и дело с концом!»

Киммериец перебросил кол в левую руку, правой толкнул дверь и сразу сложил пальцы в охранный знак отпугивающий нечисть — Гвайнард научил.

— Кто здесь? Выходи!

По застеленному соломой полу сараюшки в которой хранились упряжь, седла и всякий хозяйствственный хлам клубился золотистый светящийся туман. А на стоящем у дальней стены ящике восседало призрачное существо ростом с пятилетнего ребенка — тварь отчасти напоминала игрушечного монстра, но лишь отчасти: если деревянную фигурку можно было смело называть «уродливой», то призрак выглядел сравнительно безобидно и более всего походил на детеныша горного кобольда с чересчур крупными заостренными ушами.

— Чего хочешь? — Конан едва не вздрогнул заслышив тонкий, с привизгом, голосок существ-

ва. — Одна ночь — один предмет! Долго жду, ты не идешь. Говори.

— Ты кто такой? — осведомился варвар, не решаясь подойти поближе.

— Это вопрос. Надо желание. — упрямо сказал призрак. В его речи, отрывистой и не слишком правильной, замечался странный акцент: существо шепелявило, словно житель Кхитая или Пагана. — Решай. Ночь кончается. Быстрее.

— Ты меня не подгоняй, — прикрикнул на призрака Конан. — Какое еще желание?

— Желание ночи. Любое. Выполню. Принесу любую вещь.

— Луну с неба достанешь? — усмехнулся киммериец.

— Нельзя. Сфера богов. Другое выбери.

— Тащи-ка сюда... Например, корону Сета, — Конан сказал первое, что подвернулось на языке. — Или тоже нельзя? Потому что Сет — бог?

— Можно, — внезапно согласился призрак. — Корона — холодный металл. Иди спать. Принесу.

Призрак и свечение мгновенно исчезли, будто их и не было никогда.

— Что за бред? — озадачился варвар. — Одна ночь, желания какие-то дурацкие? Ничего не понимаю!

Конан не поленился, сходил в дом за лампой и тщательно осмотрел сарай. Все на месте, вещи никто не двигал.

Одна беда: игрушка исчезла. Не упала с балки и не закатилась в угол. Просто исчезла. Может, кто-то из друзей выбросил? Нет, варвар никому не говорил, куда спрятал фигурку!

— Чтоб вас всех демоны зеленые забрали, — шепотом выругался Конан запирая дверь дома. — Ни днем, ни ночью покоя нет! С вами, господа Охотники, соскучиться невозможно!

Киммериец решительно задул лампу и рухнул на лавку. Скрипнули доски. Заснул Конан моментально и нелепых снов больше не видел.

* * *

— Просыпайся! Вставай, забери тебя Нергал! Вставай!

Эйнар был так настойчив, что варвар буквально подпрыгнул на лежанке, протер глаза пальцами и вопросительно уставился на броллайхэн.

— Пожар? Чего орешь как ошпаренный?

Выглядел Эйнар взъерошенно, он сам только что проснулся. Смотрит ошалело.

— Откуда ты это взял? Сто раз просил — никакой посторонней магии в доме! А от этой штуковины так и шибает колдовством! Разве что искры не летят!

— Какой еще «штуковины»? — не понял Конан. — Ты вообще о чем?

— Вот об этом! — Эйнар ткнул пальцем в... в... Словом, оно лежало на столе возле окна.

Лучи восходящего солнца пробивавшиеся из-за ставень отражало причудливое конусообразное сооружение из тускло горящего густо-желтого золота, высотой около пяти-шести пальцев, усеянное мельчайшими алмазами и рубинами. Вершину короны или тиары украшала свернувшаяся в тройное кольцо серебряная змейка с изумрудными глазками держащая в пасти собственный хвост.

Хватило единственного взгляда для того, чтобы понять: этот венец бесценен, он является самым выдающимся творением ювелирного искусства; купить его невозможно за все золото мира ибо нельзя оценить истинное совершенство...

Конан внезапно почувствовал, что амулет Ночной Стражи неприятно холодит грудь. Ледяным он не был и не вздрагивал, но холод оказался вполне ощутим. Темная магия?

— Именно, темная магия! — причитал Эйнар. — Как ты догадался? Я воплощенный Дух Природы владеющий магией Равновесия! Для моего племени истекающий от этой... этого предмета поток магии — примерно то же самое, что для тебя тугая струя жидкого свиного навоза! Откуда оно здесь взялось? Что это такое?

— Прекрати вопить, оглушишь, — поморщился Конан. И тотчас вспомнил о ночном разговоре к которому отнесся абсолютно несерьезно. — Боги всеблагие, Эйнар... Только не это!

На крики броллайхэн примчались Гвайнард и Асгерд, которая сразу осведомилась у Эйнара о том, кто подбросил ему в постель черную гадюку и за какое место она его укусила. Перебудил весь дом, между прочим!

— Один момент, — Гвай, отодвинул Асгерд в сторону и разинул рот так, что туда вполне могла залететь весьма упитанная летучая мышь. — Конан, где ты это стащил? В сокровищнице герцога? Я слышал, как ты ночью выходил из дома!

— Если ты полагаешь, что в сокровищнице светлейшего можно найти такие вещи, то сильно переоцениваешь возможности нашего достоуважаемого повелителя, — мрачно ответил варвар. — Просто я неудачно пошутил. Кто бы мог подумать!

— Давайте поговорим в «Арсенале», — взмолился Эйнар. — Я не могу находиться рядом с этой короной! Магия...

Расселись за столом, принялись за завтрак приготовленной госпожой Тюрой. Броллайхэн вздрагивал, потел и плохо кушал, а когда варвар закончил свою краткую повесть о ночном приключении Эйнар закатил глаза так, что все решили что он наладился повалиться в обморок.

— Корона Сета? — потрясенно выговорил Гвай. — Настоящая? Судя по всему, настоящая... Спасибо тебе большое, Конан. Удружили. Хранители Гильдии нас теперь не защитят. Договори-

ться с Конclaveм Черного Круга они еще в состоянии, но с богами?..

— Откуда я мог знать, что у этой твари нет чувства юмора?! — воскликнул киммериец.

— Тихо, тихо, — поднял ладони Гвайнард. — Давайте подумаем, какие волшебные существа исполняют желания? Нам надо выяснить, с чем конкретно мы столкнулись!

— Джинны, — моментально отозвался Эйнар. — Но они встречаются очень редко и только на Восходе, у нас в Бритунии о джиннах и слыхом не слыхивали.

— Лепреконы, — подсказала Асгерд. — Тоже не подходит, лепреконы обитают в полых холмах Темры, Гибернии и Киммерии, минимум полторы тысячи лиг отсюда... Говорят, если пленить горного духа, в обмен на свободу он принесет тебе золото и самоцветы.

— Это выкуп, а не исполнение желаний, — отрицательно покачал головой Конан. — Надо видеть разницу. Кстати, желания выполняют демоны, которых вызывают из Нижней Сфера чернокнижники, но эти всегда что-нибудь просят взамен — обычно жертву. Вот помню...

— Заткнись!.. — хором сказали Охотники, а Гвай добавил: — Между прочим, игрушка ничего не попросила у Конана, заметили? Или ты о чем-то умолчал?

— Призрак всего лишь спросил, чего я хочу.

Я и брякнул сдуру про корону... Он сказал, что принесет и немедля сгинул.

— Корона Сета... — вздохнул Эйнар. — Боги хранят свои сокровища в чертогах, которые находятся вне времени и пространства, значит маленький демон способен проникать через границы мира видимого и мира невидимого, путешествовать между Сферами! Серьезные умения...

— Аично мне очень не хотелось бы принимать у нас в гостях Сета Змеенога, — серьезно сказал Гвайнард. — Великие магические предметы не принадлежат Универсуму людей, мы не вправе их использовать. Следовательно, очень скоро начнутся розыски похищенного, если уже не начались! Как вернуть корону законному владельцу, у кого какие соображения?

— Подбросить в храм Сета, а дальше жрецы разберутся, — разумно предположил Конан.

— Очень смешно! Ближайший такой храм — в Стигии. Две луны конного хода при самых благоприятных обстоятельствах! Я не поеду, и не просите.

— Попросим Рэльгонна, — сообразил Эйнар. — Этой же ночью! Отличная мысль, кстати! Каттакан перемещается в пространстве мгновенно прыгая через Ничто, ему никакие замки и запоры не преграда. Оставит корону на алтаре Большого Храма Птейона и сразу обратно!.. Пусть Тот-Амон со своими дружками гадают, откуда

взялся такой подарочек и сами отвечают перед господином за разбой!..

— Молодец, — похвалил Эйнара Гвай. — Это самый разумный выход! Остается дождаться темноты.

... Рэльгонн, самопровозглашенный эрл замка Рудна, упырь, вампир и каттакан, владелец чудовищного набора острейших белоснежных зубов, обладатель лысого черепа, острых ушей и язвительного характера был лучшим другом Охотников.

Это удивительное существо, по большому счету являвшееся самым натуральным вампиром из страшных легенд, давным-давно помогало отряду Гвайнарда в тягостном ремесле охоты на настоящих монстров. Как утверждал сам Рэльгонн — он делал это от скуки, однако Гвай крепко подозревал, что упырю сие занятие чрезвычайно нравится.

Одна незадача: как всякий порядочный вампир, Рэльгонн мог действовать только в ночное время, а днем отсыпался в подземельях своего замка, расположенного в нескольких лигах к полуночному восходу от Райдора. Впрочем, сей недостаток компенсировался способностью рудненского упыря моментально перемещаться на любые расстояния в пределах Хайбории, врожденными магическими умениями и острым логическим умом.

Когда и при каких обстоятельствах Гвай познакомился с упырем Конану было не известно, однако помочь Рэльгонна в весьма затруднительных ситуациях, коими была богата жизнь Ночных Стражей, всегда оказывалась неоценимой. И потом, киммериец отлично знал, что упырь является таким же живым существом, как и человек (в противовес кошмарным сказкам о живых мертвецах, сосущих кровь у людей) и прибыл из другой Сфера в Универсум Хайбории много столетий назад через портал Врат Миров, который затем внезапно захлопнулся, лишив Рэльгонна и нескольких его сородичей возможности вернуться домой.

Каттакан не раз вытаскивал Ночных Стражей из крупных неприятностей и сейчас настало время снова обратиться к нему за помощью — все Охотники прекрасно понимали, что шутить с могучими божествами Хайборийского мира весьма и весьма чревато, от короны следует немедленно избавиться!

— Надеюсь, один вопрос мы решили, — проговорчал Гвайнард. — Теперь следует разобраться с проклятущей игрушкой и старой ведьмой, которая нам ее всучила.

— Ничего она не «всучала», — напомнил точные обстоятельства происшедшего Конан. — Благодарить следует Асгерд.

— Где ты оставил куклу?

— В сарае. Однако, ночью она куда-то пропала. Может быть демон исполняет только одно желание и потом исчезает? Возвращается к своей законной владелице?

— Бессмыслица, — не согласился Гвай. — Зачем ведьме заниматься такой странной благотворительностью? За куклу она получила один аурей, а мы приобрели вещицу, которую можно обменять на все королевства Заката и Туран впридачу вместе с городами, замками и сералем императора Илдиза! Конан, принеси игрушку.

Как варвар ни надеялся, а зеленоватый гоблин лежал на месте — вернулся послеочных странствий. Обычная бессловесная деревяшка, никогда не подумаешь, что в ней заключена колдовская сила, причем весьма немалая!

— Магия, безусловно, чувствуется, — покивал Эйнар, осмотрев фигурку. — Сейчас она дремлет и я не могу распознать какой из Великих Сил принадлежит заклятие — Свету, Тьме или Равновесию. Хотите интересную версию? Только что пришло в голову. Призрак не говорил «исполню любое желание» — то есть, если бы Конан возждал стать аквилонским королем, ничего бы не получилось! Демоненок четко заявил: «принесу любую вещь». Вдруг это не обычный исполнитель желаний, а демон-вор? Который таскает для хозяина чужие вещи просто ради собственного удовольствия?

— Разве такие бывают? — усомнился Конан. — Никогда не слышал о подобных демонах, в Шадизаре о них знали бы обязательно! Из великих воровских инструментов я сталкивался только с Отмычками Бела-Обманщика, которые могут открыть любые замки и позволяют проникнуть в любую сокровищницу, в том числе и ту, откуда нам доставили корону... Но я точно знаю: эти Отмычки сейчас находятся у Бела и он ими не пользуется, а если и пользуется, то крайне редко. Появление демонов-воров перевернуло бы нашу жизнь! Представьте, какие возможности!

— Не увлекайся, не в Шадизаре, — поморщился Гвайнард. — А насчет «перевернуло нашу жизнь», ты попал в яблочко. Еще как перевернуло. Предлагаю следующее: игрушку на время за прем в железный ящик, корону спрячем в чулан и навесим на него замок, а сами отправимся в город — искать ведьму или любые сведения о ней. Представляете что может произойти, если продано несколько таких игрушек?

— Единственная надежда на то, что у жителей Райдора не такая богатая фантазия как у Конана, — откровенно рассмеялся Эйнар. — Простому обывателю не нужны великие талисманы, они ограничиваются сундучком серебра, туранским ковром или возом сена...

— Уверен? — хмыкнул Гвайнард. — Человеку только дай волю и он луну с неба потребует!

— Ничего не выйдет, — уверенно сказал Конан. — Я пробовал ночью, это было первое желание. Демон отказался.

— Хвала богам, хоть этого он не может! Хватит рассиживаться, собирайтесь! Обращайте внимание на любые необычности, странности, на кажущиеся нелепыми слухи. Не мне вас учить, как проводить дознание!

* * *

Поиски не увенчались успехом, равно как и вчерашние похождения киммерийца, пытавшегося найти ведьму самостоятельно. Создавалось впечатление, что старуха возникла из воздуха, а затем провалилась сквозь землю.

Отличавшийся въедливостью и цепкой хваткой Гвайнард, однако не терял надежды. Когда Охотники встретились в таверне «Черный бык», перекусить и поделиться безрадостными новостями, предводитель ватаги решил, что действовать придется нестандартно. Если опрашивать стражу и рыночных торговцев не имеет смысла, значит следует перенести внимание на...

— Для кого обычно покупают игрушки? — задал Гвай риторический вопрос. — Правильно, для детей. Дети гораздо наблюдательнее, кроме того, они часто видят то, что человеку взрослому незаметно.

— Ага, например буку в чулане, самого страшного монстра Хайбории которого так и не удалось изловить Ночной Страже! — уныло отзывался Эйнар. — Но попробовать можно, главное — ухватиться за любую возможную ниточку! Человек не может появиться ниоткуда и пропасть в никуда!

— Это смотря с какой стороны посмотреть, — сказал киммериец. — Однажды в Хауранде, когда я служил в гвардии королевы Тарамис...

Охотники дружно встали из-за стола, Гвайнард даже пиво не допил, что с ним случалось нечасто.

— Мы ведь умные, — сказал он, выходя из таверны. — И этот непреложный факт доказан неоднократно нами же самими! Думайте! Как найти человека которого никто никогда не видел и которого, возможно, вообще не существует?

— Старуха была вполне материальна, — проговорчал Конан. — От нее пахло! От привидений как правило не воняет!

— Постой... Пахло? Чем?

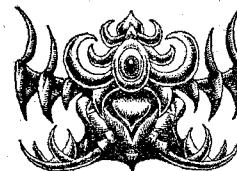
— Жженая кость. И дым. Древесный уголь, если мне ничего не почудилось.

— Та-ак... Бегом на рыночную площадь! Возьмём за глотку все постоянных торговцев «ведьминого угла», пригрозим что сдадим их всех Атрогу Гайарнскому, пряником в пыточный подвал!..

— Не слишком ли?

— Тайная служба Райдора всегда помогала нашей Гильдии, если понадобится привлечем к расследованию его милость! Пока мы с Конаном занимаемся ведуньями и шарлатанами, Асгерд с Эйнаром проверят всех углежогов, которые привозят на рынок свой товар. Руки в ноги и вперед! Кажется, это шанс!

Глава вторая

В которой Ночные Стражи
принимают у себя в доме гостей,
как приятных, так и не очень,
а потом Конан развлекается
с удивительными монетами

райне необычная история, — восхищенно говорил Рэльгонн, устроившийся в «гостевом» кресле «Арсенала». На столе перед упырем сияла тысячами алмазов и рубинов Корона Сета (на всякий случай ее положила на чистый пергамент, вдруг испачкается?). — По-моему, это самая чудесная переделка, в которую вы попадали с начала этого лета! Я очень люблю и ценю красивые вещи, но столь выдающегося шедевра не видел ни разу. Какая безупречность!

— Лучше бы эту безупречность побыстрее отправить туда, где ей самое место, — плаксивым голосом сказал бледный Эйнар. Корона действо-

вала на броллайхэн скверно, от магии Тьмы его мутило. — Рэльгонн, умоляю, забери ее и доставь в Птейон!

— Почему в именно Птейон? — зубасто улыбнулся каттакан. — У меня в Рудне прекрасная коллекция, я был бы не против...

— Даже не думай! — взвился Гвайнард. — Нельзя оскорблять богов! Представляешь, какой ужасной может оказаться месть Сета?

— Пошутить нельзя, — тяжко вздохнул упырь. — Как вам откажешь? Будьте столь любезны подождать четверть квадранса. По возвращении продолжим нашу занимательную беседу.

Рэльгонн аккуратно взял корону в левую руку, упрятал под традиционно-черный плащ и прыгнул через Ничто.

Ждать пришлось гораздо дольше четверти квадранса, самое меньшее — полколокола. Охотники уже начали беспокоиться, обычно каттакан был пунктуален и чрезвычайно аккуратен. Если в Птейоне случилось что-то нехорошее, вытащить Рэльгонна оттуда не будет никакой возможности. Главный храм Сета неприступен и проникнуть туда не сумел ни один человек, кроме магов Черного Круга высочайших ступеней посвящения.

«Полагаю, — подумал Конан, — проникнуть в святилище наверняка можно, а вот выйти точно никому никогда не удавалось. Знающие люди

рассказывают, будто Бел-Обманщик, поспорив с Деркето, сумел пройти через все одиннадцать кругов колдовской защиты и с трудом унес оттуда ноги. А ведь Бел — бог!»

Опасения оказались напрасными: Рэльгонн благополучно вынырнул из Ничто в углу комнаты и широко развел руками:

— Извините за задержку. Очень уж интересно было посмотреть на поднявшийся переполох, давно так не смеялся!

Оказалось, что упырь объявился в Храме Птейона в самый разгар церемонии — пылают факела и огненные чаши, разносятся под сводами торжественные песнопения, жрецы в черно-золотых одеждах...

— ... Влекут на заклание белокурую шестнадцатилетнюю девственницу? — невиннейшим тоном подсказал Конан.

— Нет, шестидесятилетнего распутника с провалившимся от дурной болезни носом, — огрызнулся Рэльгонн. — Не сбивай, было очень красиво и пышно, у стигийцев есть своеобразное чувство прекрасного, что бы там не сплетничали недоброжелатели и завистники. Я решил добавить в церемонию загадочности и лишнего блеска — появился из Ничто на одно мгновение за спиной всем нам хорошо знакомого Тот-Амона, возложил венец на его бритую голову и тотчас скинул, спрятавшись в отдушине под потолком

храма. Вы отлично знаете, что магия вашего мира на меня не действует. Там такое началось — вы не поверите!

— Я на месте старика за такую шуточку убил бы тебя на месте, — фыркнул киммериец. — Его удар не хватил?

— Живехонек, что с ним станется... Но паника поднялась изрядная. Давайте, однако, вернемся к теме разговора. Точнее, к волшебным куклам за бесценок продающимся на Райдорском рынке. Покажите игрушку.

Конан извлек из под стола окованный железными полосками сундучок, снял замочек и выложил предмет всеобщего интереса на стол. Рэльгонн взял фигурку длинными тонкими пальцами, поднес к своим золотистым глазам без зрачков, изучил и только плечами пожал:

— Ничего особенного, точно такую же сможет вырезать любой плотник. Поиски ведьмы, насколько я понял, никаких результатов не дали?

— Только косвенные, — ответил Конан. — Гвай был прав, ее несколько раз видели дети, но близко подходить побоялись. Видели не только на базаре, но и в других частях города — возле купеческой управы, рядом с таверной «Свинья и котел», у Закатных ворот. Мы решили, что она пришла в город именно с Заката, до самой Пайрогии тянутся густые леса которые славятся обилием нечисти.

— Можно сделать вывод, что ведьма отводит людям глаза, существует множество простейших заклинаний морока доступных даже слабенькой колдунье, — сказал Гвайнард. — Она показывается на глаза только когда этого захочет. Причем я не исключаю что Конан и Асгерд увидели ведьму благодаря охотничьюму амулету — заключенная в нем магия способна противодействовать заклятью отвода глаз. Кстати, на детей оно тоже не действует или действует частично, что подтверждает наши предположения.

— Ничего необычного или из ряда вон выдающегося в городе не случалось, — дополнила Асгерд. — Никаких проявлений колдовства никто не видел.

— Кстати, торговцы в «блошином углу» все отрицают, — недовольно проворчал киммериец. — Мы и ругались, и страшали пыточным подвалом тайной службы, даже подкупить пытались! Затем поговорили со шпиками месьора Атрога — ни сном, ни духом. Пришлось навестить лично Охранителя Короны, как самого осведомленного человека Райдора. Ничего не скажу, хватка у него как у матерого волка: моментально приказал прошерстить архивы и разыскать любые упоминания о вредоносном колдовстве за последние десять зим.

— Судя по недовольному выражению на твоем лице Атрога так же постигла неудача? —

предположил Рэльгонн. — Н-да, интересная задачка. Таинственная колдунья торгующая призраками-грабителями? Которые, вдобавок, ничего не требуют за свои услуги? Очень странно, я бы даже сказал — невероятно. В малоприятной ситуации с короной я сумел помочь, но дальнейшее расследование вам придется вести самостоятельно. Не вижу никаких способов оказать вам содействие — я не понимаю с чего начать и кого именно искать! Не сомневаюсь, что в герцогстве Райдорском отыщется несколько сотен похожих на ведьму старух с бельмом на глазу, кривым носом и бородавкой на щеке! Какая из них — та самая?

— Никаких зацепок, — сокрушенno вздохнул Гвайнард. — Если только обхехать все хижины углежогов в округе, но их тоже не один десяток...

— При чем здесь углежоги?

— Конан учゅял запах древесного угля исходящий от ведьминой одежды. Это единственный след, очень сомнительный. Времени многое потратим.

— Вы — да, потратите, — кивнул упырь. — Отправлюсь в Рудну, подниму на крыло всех родственников. До утра мы сумеем обследовать все деревеньки в радиусе тридцати лиг. Ждите перед рассветом, надеюсь принести хорошие новости...

Рэльгонн встал с кресла и шагнул в пустоту.

— А что нам делать? — задал глуповатый вопрос Эйнар.

— Ждать, — Гвайнард невозмутимо пожал плечами. — Я не исключаю, что игрушка снова оживет посреди ночи и снова начнет...

— Уже начала, — Конан на всякий случай отскочил в сторону от стола. — Смотрите!

Валявшийся на столе деревянный гоблин начал источать знакомый киммерийцу оранжево-золотой свет, по полу расстелился невесомый туман, появился слабый аромат грозы — так пахнет магия. Спустя несколько мгновений появился лопоухий призрак.

— Никогда ничего подобного не видел, — заинтересованно проговорил Эйнар. — Это какое-то неизвестное волшебство — я не чувствую Света, Тьмы или Равновесия! Но, определенно, магия принадлежит нашему миру, Хайбории...

— Тихо, — буркнул Гвайнард и ступил вперед. Усевшийся посреди столешницы призрак поднял на него взгляд:

— Одна ночь — одно желание, — шепеляво сообщила бесплотная тварь. — Любая вещь. Вас трое, желание одно. Выбирай.

— Ты достался нам от старой женщины, — отрезал Гвайнард. — Скажи, кто она?

— Нельзя вопросы! — возмутился призрак. — Только желания! Принесу, что хочешь!

— Приведи сюда свою бывшую хозяйку, — нащелся Конан.

— Живых людей нельзя, только вещи.

— Надо же... — хмыкнул Гвай и опять совершил ошибку: — Тебе говорили о том, что воровать нехорошо?

— Снова вопрос! Нужно желание! Будет третий вопрос — больше не приду. Вопросы нельзя!

— Не торопитесь, — зашептал Эйнар. — Давайте попросим его принести что-нибудь невозможное, несуществующее! Или очень громоздкое, например королевский замок Тарантии!

— Ты еще Великую пирамиду Луксура предложи, — оборвал Эйнара киммериец. — Она же весь город собой накроет! Невозможное или несуществующее? Ну ты озадачил... Чего на свете не бывает?

— Птичьего молока, — фыркнула Асгерд.

— Не выдумывай всякие глупости, — язвительно отозвался варвар. — Он принесет нам целое блюдо туранских сладостей с таким названием! Вспомним легенды, сказки! Нордхеймские мореходы рассказывают легенды о морском великане Эгире, который на дне океана якобы варит удивительное пиво — закажем бочонок?

— Эгир существует, как и другие боги, — уверенно сказала Асгерд. — Не подходит...

Призрак терпеливо наблюдал за спором и не вмешивался.

— Корова, которая доится пуантенским вином? — продолжал фантазировать Конан. — Птица-феникс? Гусыня, несущая золотые яйца? Неразменная монета?

— А что, неплохой вариант. По крайней мере не такой идиотский, как все остальные, — Гвайнард посмотрел на ушастика и отдал четкий приказ: — Принеси монету, которая никогда не потеряется и не исчезнет из моего кошелька, даже если я ее отдам другому человеку.

— Наконец-то, — проворчал призрак. — Утром. Ждите.

Золотистый свет померк, туман рассеялся. Игрушки на столе не было — исчезла.

— По-моему, — медленно сказала Асгерд, — он знает где можно раздобыть неразменную монету. Отличное подспорье к хозяйству, не находите?.. Эт-то что еще такое? Кого принесло среди ночи?

Крепкая входная дверь вздрогнула под тремя тяжелыми ударами.

* * *

Открывать пошел Конан. Он даже не спросил кто ломится, просто сбросил засов — разбойников в Райдоре отродясь не водилось, кроме того никакой пребывающий в здравом уме разбойник не осмелится напасть на Ночных Стражей.

Едва киммериец толкнул притвор, охотничий амулет заледенел и начал вздрогивать, точнее колотиться в грудь. На пороге дома стояла самая настоящая и, никаких сомнений, очень опасная нечисть. Конан попятился и машинально зашарил ладонью по поясу, но посеребренный кинжал остался в комнате. Дома ведь никто не носит боевое оружие!

— Я ненадолго, — гость был очень высок, на полголовы выше длинного варвара. Существо, в полуумраке сеней кажущееся сгустком абсолютной первородной тьмы, шагнуло вперед, наклонилось чтобы не ударится о притолоку и вытеснило Конана в «Арсенал». Почувствовавшие неладное Охотники успели вооружиться, схватив украшающие настенный ковер клинки. Эйнар вздрогивал всем телом, понимал насколько могуч нежданный гость. — Прошу извинить за поздний визит...

Выставив перед собой обнаженное лезвия Ночные Стражи сгрудились у дальней стены. В доме стало очень холодно, при дыхании появлялся густой пар. Опасный незнакомец, поступивая каблуками высоких сапог прошел к середине комнаты и отбросил глубокий капюшон. В свете нескольких ламп и свечей его стало возможно хорошо рассмотреть.

Это был кто угодно, но только не человек — в присутствии обыкновенного темного мага аму-

леты молчат, реагируя только на его колдовство. Однако, этот монстр сам был воплощенным колдовством. Фигура вполне обычна — две руки, две ноги, голова. Лицо и лысый череп покрывает чешуйчатая желто-коричнево-черная кожа покрытая замысловатыми узорами, зеленые глаза с вертикальным зрачком, пальцы заканчиваются когтями. Из полуоткрытого рта изредка показывается раздвоенный змеиный язык. Одет в черный с золотом колет и узкие штаны, поверх — необъятный плащ. На груди золотая цепь со знакомым символом: раздувшейся капюшон кобрий.

«Надеюсь, это не тот, о ком я подумал», — Конан, что с ним бывало очень редко, испугался всерьез. Не за себя, за друзей.

— Не тот, разумеется, — кивнул змееподобный визитер. Он что, мысли читает? — Великий Господин редко общается со смертными. Я был избран посредником. Называйте меня... К примеру, месьор Арунатеп. Я уполномочен задать вам несколько вопросов, отвечать на которые прошу искренне и прямо. В противном случае я могу перестать быть вежливым.

Конан и Гвай переглянулись. Это демон Тьмы, никаких сомнений. По сравнению со своими собратьями, происходящими родом из Черной Бездны — существо вполне безобидное, ибо Тьма Сета и Хаос Бездны отличаются друг от

друга так же, как день от ночи, но все-таки... Такой убьет не задумываясь, а что еще хуже — заберет человеческие души к себе, в обитель Мрака. Придется быть хоть чуточку гостеприимными.

— Не скажу, что мы рады тебя видеть, месьор Арунатеп, — Гвайнард опустил меч и аккуратно положил его на лавку стоявшую возле очага. Взглядом приказал всем остальным сделать то же самое. Конан подчинился неохотно, хотя и понимал: в возможной схватке с Арунатепом у Охотников нет ни единого шанса. — Мы готовы тебя выслушать.

— Вы понимаете от чьего имени я говорю?

— Лучше, чем хотелось бы, — в переговорах с иномировыми силами всегда участвовал только Гвай, как самый рассудительный и дипломатичный. Встревать в разговор с демонами или духами всем остальным по общему договору Ночных Стражей было запрещено категорически. — Не ошибусь, если скажу, что ты входишь в свиту могучего бога, известного людям под именем Сет, Змей Ночи? И твой визит вызван неприятным инцидентом, который...

— Крайне неприятным инцидентом, — прохладно сказал Арунатеп. — Настолько неприятным, что Господин пришел в ярость, хотя и понимал, что виной всему нелепая случайность. Ваша неоригинальная шутка в Храме Птейона

только добавила масла в огонь. Понимаю, что вы хотели вернуть... хм... украденный предмет законному владельцу, но зачем было святотатствовать? Ваше счастье, что Господин стоит выше чувства мести и обиды...

— Мы очень сожалеем, — нейтральным тоном сказал Гвайнард. — И приносим свои искренние извинения. Можно вопрос?

— Пожалуйста.

— Как вы нас выследили?

— Тьма Вековечная! — гость соизволил тихо рассмеяться, сунул руку в складку колета, вытащил огромную золотую монету сразу опознанную Конаном: редчайший стигийский тилль с отчеканенной змейкой, обвивающей цветок лотоса. Арунатеп бросил монету на столешницу и сказал: — Представьте, что стол — это тварный мир, объемлемый разумом и взглядом Господина. Разве Господин не отыщет на этом столе принадлежащее ему сокровище, которое блестит так ярко? Впрочем, я излишне увлекся. Месьоры и уважаемая дама, мне поручено узнать, каким образом корона Господина оказалась в вашем доме. Как вы ее отправили в Птейон нам известно — драгоценность принесло чудовище, прибывшее в Хайборию из других миров и не подвластное божествам этого Универсума...

«Сам ты чудовище», — подумал Конан и тотчас перехватил ледяной змеиной взгляд Аруна-

тепа. Точно, ему доступны мысли человека! Надо быть поосторожнее!

— Итак? — напомнил демон Тьмы. — Я слушаю.

Гвайнард вздохнул и коротко изложил всю историю — начиная от похода на рынок и заканчивая шуточкой Конана, в результате которой символ власти Сета на некоторое время покинул упрятанную в лабиринтах Тьмы сокровищницу.

— Где сейчас находится игрушка? — Арунатеп, это было хорошо видно, напрягся и подался вперед. — Вы можете отдать ее мне?

— Продать — можем, — чуть более развязно чем следовало сказал Гвайнард. — Не за деньги, разумеется Мы просто хотим узнать, откуда она взялась. Что это такое, ты можешь рассказать?

— Сначала отдайте фигурку, — упрямо сказал демон. — Потом, клянусь Бесконечной и Великой Тьмой, я отвечу на ваш вопрос.

— Э-э... Дело в том, что мы решили проверить, исполнит ли это существо невыполнимое желание. Сейчас его здесь нет, вернется к утру.

— Я готов подождать, — усмехнулся Арунатеп, обнажив змеиные клыки. — Но вижу, что вы против... Позвольте узнать, что пожелали?

— Неразменную монету, — буркнул Конан, нарушив уговор. Гвай посмотрел на варвара неодобрительно.

— Я всегда знал, что воображения у смертных нет никакого, — теперь порождение Тьмы

расхохоталось. — Видите тилль на столе? Забирайте. Неразменный. Считайте это подарком. Давайте договоримся так: сейчас я уйду, а вы сохраните деревянную безделушку до следующего вечера. Чтобы она не оживала, возьмите... — демон сдернул с левого запястья браслет. — Положите рядом с фигуркой, этого будет вполне достаточно чтобы ограничить свободу маленького вора. Вижу, что вы чувствуете себя неуютно в моем присутствии, да и мне не слишком приятно находиться в мире смертных. Надеюсь, Господин будет удовлетворен... Надолго не прощаюсь, месьоры.

Монстр чуть поклонился, зашагал к двери. Громко хлопнул притвор.

— Ну и дела... — Гвайнард вытер пот со лба и бессильно опустился на табурет. — Говорил же: влипнем! Как мухи в мед! Представляете, что будет, если наш добытчик сокровищ не вернется? Этот Арунатеп нас в лоскутки порвет!

— Демон точно знает, с чем мы столкнулись, — отозвался Конан. — Мы хотели разгадать загадку? Разгадаем. Только весьма необычным способом. Заметили, как насторожился Арунатеп, когда Гвай упомянул о старухе? Мы ему не нужны — корона Господина потерялась меньше чем на сутки, ее вернули, пускай и с небольшим скандалом. Сета и его прихвостней заинтересовала ведьма!

— Что же это за бабушка такая, если она стала предметом очень пристального внимания свиты Змеенога? — потрясенно выдавил Гвайнард. — Поверьте моему опыту, ведьма торговала очень непростыми игрушками! Настолько непростыми, что боги решились напрямую вмешаться в дела смертных! Пускай и через посредников!

— Есть вполне разумное предложение, — Конан подобрал со стола золотой тилль, подбросил, прихлопнул на ладони. — Орел. Вернее — змея. Все равно к удаче... Дождаться утра и посмотреть, что будет дальше.

— А кто дождется Рэльгонна с докладом? И маленьского демона с его подарочком?

— Я пока спать не хочу. Эйнар, у тебя есть книжка с картинками?

— С неприличными картинками — нету, — проворчал броллайхэн. — А сочинения великих мудрецов ты, варварская душа, читать не будешь.

— Почему же не буду? Бестиарий Беренгария из Галпарана — очень интересное чтиво. Повадки чудовищ, каким оружием с ними бороться...

— С повадками или с чудовищами? — хмыкнул Эйнар, однако Конан не понял щутку броллайхэн. — Хорошо, принесу тебе бестиарий. Как только взойдет солнце, буди всех. Посмотрим, что получилось.

* * *

Получилось следующее. Рэльгонн появился всего на несколько мгновений, смущенно извинился и сказал, что разыскать ведьму не удалось, как упыри ни старались. Варвара, как не трудно догадаться, заумный аквилонский бестиарий услышал не хуже, чем порошок серого лотоса. Конан сказал себе: подремлю квадранс или другой, засунул многомудрый том под голову и растянулся на лавке в «Арсенале». Проспал, разумеется — только когда на сомкнутые веки упал пробившийся через ставни первый лучик солнечного света Конан осознал, что новый день наступил и немедленно бросился к столу — узнать как дела.

Дела обстояли так: рядом со стигийской монетой лежал другой золотой кругляш; аквилонский чеканки. Судя по надписи и профилю короля Сигиберта Великого, ему было зим сто или сто двадцать. Рядом лежала игрушка.

— Интересно, — зевнул Конан. Быстро сунул фигурку и оставленный Арунатепом браслет в сундучок, оделся, выглянув на крыльце (рассвело только что, значит доблестные соратники будут дрыхнуть еще как минимум полтора колокола) и спорым шагом отправился на рынок.

Охотники на монстров считались в Райдоре людьми не просто обеспеченными, а весьма бога-

тыми, поэтому им дозволялось спать долго. Ночные Стражи отсыпались как за прошлое, так и за будущее — бывало, что Охотникам во время серьезной работы не удавалось прикорнуть ни разу за двое или трое суток.

«Пускай спят, — решил варвар, — а я привычный, в могиле отдохну. Когда-нибудь потом, желательно зим через сорок-пятьдесят...»

Кметы, привозившие в столицу герцогства свежие овощи, зерно, битую птицу и охотничьи трофеи, включая сочное кабанье мясо, перепелов и медвежатину, поднимались среди ночи — надо успеть довезти продукты на городской базар и занять хорошее место. Купцы из других бритунийских городов, Немедии, Пограничья и Заморы тоже не ленились: открывали лавки с рассветом. Райдор, конечно, город не самый большой, но богатый — иноземные товары пользуются здесь хорошим спросом.

Следует заметить, что Конан оделся в лучший свой наряд. Дорогая кожа с тиснением, рубахи из самого тонкого льна, шикарный суконный плащ, такие делают только в Аквилонской Темре, позолоченная фибула, шапка соболиного меха, на ножнах меча серебряные накладки с вкраплениями аметистов. Для провинциального Райдора варвар выглядел человеком с хорошим достатком — захолустный граф или барон, владеющий серебряными рудниками. В крайнем

случае — удачливый наемник. Поэтому Конан сперва начал обходить самые богатые лавки.

— Сколько стоит? — киммериец прищенивался к совершенно не нужным ему вещам. Осматривал иранистанские кальяны, дорогие безделушки, женские украшения. — А вот это сколько? Да-да, вон та статуэтка богини Иштар из слоновой кости! Хочу подарить... гм.. знакомой девушке.

— Прекрасный выбор! — восторженно взывал купец. — Аргосская работа, взгляни, почтенный, какие восхитительные формы, как тонко мастер обработал материал! Это бивень настоящего дарфарского олифанта, огромного зверя видом сходного с...

— Сколько? — уточнил Конан, отлично видевший, что статуэтка сделана всего лишь из оленевого рога.

— Всего-навсего тридцать серебряных шеллиннов!

— Беру, — пренебрегая обычаями сказал варвар, вызвав у купца некоторое замешательство. Не торгуется? Почему?

Конан бросил на прилавок золотой тиль — тяжеленную стигийскую монету чистейшего, самого высокопробного золота.

— Сдача будет?

Купец оказался подозрительным. Вначале позвал собратьев по цеху, проверить редкую дे-

нежку. Затем послал за рыночной стражей, которая должна была привести с собой назначенного герцогом оценщика, следившего за подлинностью денег ходивших в Райдоре. Оценщик незамедлительно подтвердил: монета самая настоящая. С тебя, почтенный, два медяка за беспокойство.

В иной ситуации Конан давно возмутился бы недоверчивостью купца, но сейчас предпочел снисходительно молчать до поры, пока герцогский чиновник не подтвердит его правоту. А уж затем с душой взялся за торговца.

Стигийское золото ценится невероятно высоко — в нем никогда нет примесей, кроме того монета в один тилль настолько тяжелая, что больше похожа на небольшой слиток. У собирателей редкостей она будет оценена троекратно против стоимости драгоценного металла!

В результате Конан получил статуэтку Иштар, а к ней четыре аквилонских золотых кесария и семь бритунийских серебряшек сдачи. Чистая прибыль оказалась преизрядной, особенно если учитывать, что тилль волшебным образом материализовался в кошеле варвара как только он отошел от прилавка — киммериец вытянул монету на свет и только ухмыльнулся. Теперь Шадизар показался Конану глухой деревенской. Опыт мог оказаться неполным, если бы Конан не удостоверился в истинной «неразмен-

ности» стигийского тилля. Если монета появляется у тебя в кошеле, значит она исчезает у того, кто ее получил? Проверим, иначе не избежать скандала на весь Райдор!

Киммериец снова подошел к купцу, продавшему ему костяную фигуру Иштар. Торговец расплылся в самой приветливой из доступных ему улыбок — уникальная монета принесла ему двухдневную выручку! Конан, сжимавший в кулаке исходный неразменный тилль, захотел взглянуть на отданную купцу монету. Тот с радостью предъявил, а значит монет уже две...

— А можно, — спросил Конан, — разменять его по полной стоимости у соседа, который торгует драгоценностями? Вот в той лавке?

Купец отказался. Не хотел расставаться с редкостью. Да и ладно, главное, что неразменный тилль всегда остается при хозяине!

Киммериец развлекался два колокола подряд, испытывая как тилль, так и аквилонский кесарий. Накупил множество безделиц, впору самому лавку открывать — прихваченный из дома кожаный заплечный мешок оказался заполнен доверху.

— Сорим деньгами? — варвара тронули за плечо. Голос знакомый. Обернувшись, Конан увидел его милость Атрога Гайарнского, которого сопровождали два медведеподобных телохра-

нителя. — Я наблюдаю за тобой уже полтора квадранса и только диву даюсь: зачем скромному Ночному Стражу понадобились отделанная жемчугом шкатулка или перстень с необработанным рубином?

— Подарю девицам из «Синей розочки», — легкомысленно ответил Конан упомянув название единственного на весь Райдор «веселого дома». — После истории с упырицей из Ронина мы неплохо заработали, я имею полное право тратить свои деньги так, как пожелаю!

— Эрл Ронин заплатил за услуги Охотников на монстров стигийским золотом и кесариями времен короля Сигиберта? — углом рта улыбнулся месьор Атрог. — Я расспросил некоторых купцов... Впрочем, меня совершенно не интересует где ты раздобыл такое количество редчайших монет. Я решил лично проверить «ведьмин угол», очень уж любопытную историю вы мне вчера рассказали. Давно хотел прикрыть этот колдовской вертеп и разогнать тамошних шарлатанов.

— И каковы результаты? — поинтересовался киммериец.

— Никаких. Разве что троим жуликам продававшим репу под видом корня мандрагоры придется денек-другой постоять в колодках у позорного столба на площади. Ничего, переживут... Я не ошибусь, предположив, что ты пришел сюда

не только ради подарков потаскухам из заведения госпожи Альдерры?

— Не только, — согласился Конан, но истинную причину своего появления на базаре предпочел не открывать. — Ночная Стража не любит загадки связанные с колдовством...

Месьор Атрог и Конан медленно шли вдоль скобяного ряда, провожаемые взглядами ремесленников — грозного Охранителя Короны узнавали с первого взгляда. Внезапно варвар почувствовал, как охотничий амулет легонько стукнул его в грудь, предупреждая о том, что где-то рядом есть источник магии, причем вовсе не обязательно темной.

Киммериец незаметно огляделся. Да, знакомое местечко — слева расположены лавки кожевников, впереди коновязь за которой прячется кособокая будка...

— Надеюсь, месьор Гвайнард известит меня о результатах дознания? — спросил Атрог и вопросительно поднял брови увидев, как варвар решительно направился в сторону ничем не примечательного сооружения сколоченного из потемневших досок. Двинулся вслед, махнув рукой своим мордоворотам шедшим позади.

Конан сразу понял, что Атрог ведьму и ее разноцветный товар не видит. Равно как и все остальные. Остановившись в десяти шагах от лавки и оглядев треклятую старушенцию с не-

возмутимым видом восседавшую за прилавком Конан решил проверить свою догадку:

— Мы встретили старуху здесь, на этом самом месте, — громко сказал варвар и указал на будку. Ведьма и ухом не повела, продолжала смотреть куда-то в сторону. — Ничего подозрительного не замечаешь, месьор Атрог?

— Ровным счетом ничего, — недовольно дернулся щекой Охранитель Короны. — Позволь раскланяться, меня ждут в замке короны. Держите в курсе дела...

Охранитель вместе с сопровождающими скрылся за углом, а Конан целеустремленно зашагал к лавке. Остановился, посмотрел на ведьму сверху вниз и сказал:

— Хочешь, обрадую тебя, старая? Твоим поделками очень заинтересовались неприятные господа. Чешуйчатые такие, со змеиными зрачками...

— Пользоваться покупкой надо с умом, — недружелюбно прокрипела ведьма, — а не молоть языком что попало! Бестолочью ты был, бестолочью и останешься!

— Почему я тебя вижу, а другие нет?

— Может, тебе еще рассказать в чем истинный смысл бытия? Голова не лопнет? — старуха пожевала беззубым ртом и все-таки ответила: — Амулет. В нем магия Равновесия рассеивающая чары... Меня способны видеть только те, кому нужно. Или те, кто может.

— Кто, например?

— Не твое собачье дело, верзила. Уходи, я не хочу с тобой говорить.

— Зато я хочу, — разозлился Конан. — Ты хоть понимаешь, что за тобой охотится демон из свиты самого Сета-Змеенога?!

— Поохотится и перестанет. Руки коротки. Давай, убирайся...

— Ответь на последний вопрос и я уйду: кто ты такая?

— Ишь чего захотел! — ведьма затряслась от смеха. — Хочешь постичь непостижимое жалким человечьим умишком?.. О, гляди, опять Атрог пришел!

Конан оглянулся и, конечно же, никакого Атрога не обнаружил. А когда снова обратил взгляд к лавке, выяснилось что ведьма и ее странный товар исчезли, как ветром сдуло!

— Ненавижу магию! — киммериец шарахнул кулаком по доскам, одна из них треснула. — По крайней мере совесть у меня чиста — я эту каргу честно предупредил!

* * *

— Ну и дела, — Гвай только руками развел, выслушав рассказ варвара. — По крайней мере тебе удалось выяснить, что ведьма ничуть не боится Арунатепа и предлагает свои поделки только посвященным...

— Каким еще посвященным? —
— Откуда мне знать? Магам, к примеру.
— Неубедительно. В Райдоре нет и никогда не было сильных магов. Аделард не в счет. Конклавы Алого, Белого и Черного почти не обращают внимания на Британию, кому может быть интересно это дремучее захолустье? Могучие колдуны предпочитают жить в блестательных королевствах, при дворах богатых государей, а не прозябать в медвежьих углах наподобие Райдора! Мы можем сколько угодно именоваться «великим герцогством», но глубинная суть от этого не изменится: Райдор всего лишь большущая деревня! Хуже только Пограничье. Я слабо представляю себе Тот-Амона или Пелиаса Кофийского поселившихся в деревянном доме наподобие нашего, жующих на обед кислую капусту с жесткой олениной и выходящих до ветру на двор!

Выслушавший эту весьма эмоциональную tirаду Эйнар откровенно фыркнул и сразу зажал рот ладонью. Нехорошо смеяться над Великими, даже за глаза.

— Словом, пусть ведьма выпутывается без нашего участия, — заключил Конан. — Она нас втравила в эту историю, мы ей ничем не обязаны! У меня нет никакого желания общаться с демонами Тьмы — этот Арунатеп вполне способен расшвырять весь город по бревнышку, если разозлится...

— Отдадим ему игрушку и дело с концом, — поддержала Конана Асгерд. — Лично я никакого сочувствия к старухе не испытываю и разгадывать ее тайну не желаю. Мало ли чудес на свете? В конце концов, Ночная Стража должна охотиться на монстров, а не выяснять, что за куклами торгует какая-то злозычная колдунья!

— Хотите сдаться? — огорчился Гвайнард. — А как же знаменитое упрямство Ночной Стражи? Честь Гильдии?

— Для чести — никакого ущерба, — справедливо ответил Конан. — Разве мы нарушили заключенный договор? Не выполнили соглашение? Замечу, что и договора-то никакого не было! Вот если бы старуха попросила нас принести ей голову Арунатепа и заплатила при этом деньги, а мы отпустили демона с миром, тогда пришлось бы отправляться в Бельверус, на суд Хранителей. Аранутеп может считаться монстром? Правильно, вполне может!

— Конан, однажды ты дошутишься! — простонал Эйнар. — Мало тебе истории с короной Сета? Хочешь повоевать с его демонами?

— Не хочу, — согласился киммериец. — Поэтому давайте поступим так, как решили: рас прощаемся с Арунатепом и навсегда забудем о невидимых бородавчатых ведьмах! У нас своих чудовищ хватает! Я на базаре слышал краем уха, будто в замке Бальдес опять появился вампир!

— Этого еще не хватало, — нахмурился Гвай. — Там что, медом намазано? Третий раз за год! Придется съездить взглянуть. Завтра и отправимся, а то мы совсем одурели от безделья!

— До завтра еще дожить надо...

— Не накаркай!

* * *

Всякому известно, что чудище чудищу рознь. Вплоть до нынешнего лета Конан нечасто задумывался, в чем же состоит отличие между сотнями разновидностей клыкастых и когтистых тварей, обладающих несимпатичным видом, скверным характером и дурной привычкой доставлять людям множество самых разнообразных неприятностей. Только после недавнего знакомства с разудалой ватагой под водительством Гвайнарда, киммериец начал понимать, что далеко не всякий монстр опасен, что мир чудовищ состоит из тварей как живых, так и не-живых, что существуют весьма значительные отличия между демонами воплощенными и не воплощенными, что Хайборию населяет как минимум два десятка видов самых разнообразных вампиров, каждый из которых ничуть не похож на остальных...

И так далее, до полной бесконечности. «Демонология», как именовал науку о чудовищах предводитель ватаги охотников, являлась исклю-

чительно обширной областью знаний, причем настолько обширной, что у варвара частенько ум за разум заходил.

Сами подумайте, каким образом обычный человек отличит пресноводную гронгаду от гронгады болотной? Скажете, что одна обитает в пресной воде, а другая в болотах, где, по большому счету, вода тоже пресная? Глупости! Гронгада — это огромное и очень редкое насекомое, сохранившееся доселе со времен едва ли не Валузии, она действительно обитает в воде, является опасным хищником, да вот только болотная гронгада никогда не нападает на людей, предпочитая добычу помельче, а обитающая в проточных водах озер и рек полуночной части материки тварь, частенько утаскивает в пучину неосторожных купальщиков, либо просто зазевавшихся и неосторожных обитателей прибрежных селений. При условии, что пресноводная гронгада смахивает на гигантскую личинку стрекозы, выросшую до размеров теленка, обладает жуткими челюстями, умеет прекрасно маскироваться и атакует со стремительностью коршуна, то ее присутствие возле обжитых человеком мест становится истинным проклятием — Конан ссыпал, будто одна подобная чуда может за лунный месяц похитить до полутора десятков людей. Ночные Стражи вносят гронгад в десятку главных врагов человека. Однако же следует добав-

вить, что гронгада никакой не демон, она не обладает врожденными способностями к волшебству, не владеет даже зачатками разумности, а просто охотится за пищей, как и всякий другой хищник.

И это только один пример из тысяч подобных. Ремесло охотника на монстров подразумевает, что оный охотник обязан помнить повадки если не всех, то большинства чудищ, обитающих в землях, оберегаемых Ночной Стражей, должен уметь отличить совершенно безобидных, но жутковато выглядящих тварей от действительно опасных существ, владеть хотя бы частичным знанием магического искусства (или нанять в свою ватагу волшебника, способного управиться с порождениями колдовства), неплохо действовать как оружием, так и собственной головой, благо лишь весьма небольшая часть трудов Стражи заключается в самой охоте — выслеживание добычи отнимает гораздо больше сил и времени...

Впрочем, чудовища из плоти и крови особой опасности не представляют, гораздо страшнее воплощенные демоны наподобие Арунатепа. Но и порождения Тьмы Сета покажутся невинными детишками по сравнению с монстрами Черной Бездны, мира первородного хаоса и зла, изредка прорывающимися через установленные богами рубежи между Сферами — остановить этих чу-

довищ возможно только с помощью магии, которой Ночные Стражи не владели. Эйнар-броллайхэн, разумеется, обладал кой-какими способностями, но Духи Природы отнюдь не всесильны.

Вывод можно было сделать только один: поскорее закончить с этой историей и навсегда забыть о том, что Арунатеп вообще существует!

* * *

Спать этим вечером не ложились долго, ждали гостей — во-первых Арунатепа, во-вторых Рэльгонна, которого варвар еще прошлой ночью предупредил о том, что встречаться с демоном Сета каттакану нежелательно. Что бы не говорил Арунатеп о нежелании Господина мстить или обижаться на вызывающую шутку с короной, порождениям Тьмы киммериец не доверял — благо опыт был.

На башне герцогского замка отзвонили полночь, или, как говорят в Аквилонии настал «час Ингитегиум»: все добропорядочные горожане обязаны погасить свечи и лампы и отойти к ночному отдыху. Это правило не касалось только людей служилых: городской стражи, тайного ведомства Атрога, гвардии его светлости и, конечно же, Охотников на монстров, для которых ночь — самое урожайное время. Никто не спорит, было бы гораздо удобнее если б многораз-

личная нежить и нечисть орудовала светлым днем, но природу не изменишь, не в человеческих силах.

Игрушка благополучно лежала в сундучке стоящем под столом. Призрак, скованный магией браслета Арунатепа, не появлялся. Сам Арунатеп, впрочем, тоже — демон изволил задерживаться и охотники от нечего делать строили весьма смелые предположения о том, какие насущные дела заставили его опоздать. Что-то он поделяет у себя во Тьме?

— Ничего не понимаю, — озадаченно сказал Конан, уставившийся на доверху наполненную кружку с черным элем. По гладкой поверхности расходились быстрые круги, словно в кружку падали капли. — Мне показалось, или пол дрожит? В Райдоре бывают землетрясения?

— Иногда, — ответил Эйнар. — Рядом Граскальские и Кезанкийские горы... Но это никакое не землетрясение! Боги всеблагие, магия! Там, снаружи! Слышите?

В дом проник низкий гул, похожий на громовой раскат. Потом снова. Гроза?

Всей компанией выскочили на крыльцо, осмотрелись.

Самая обыкновенная летняя ночь, восходит ущербная луна, серебрятся ледники на вершинах Граскааля. Никакой грозы нет и в помине, небо чистое.

— На Закате! — воскликнул Эйнар вытягивая руку. — Ничего себе представление! Это магический поединок, руку даю на отсечение!

— И очень серьезный поединок, — медленно проговорил Конан. — Я видел нечто похожее в Стигии, сходство полнейшее!

В синеватых и багровых вспышках четко вырисовывались силуэты надвратной башни, откуда начинался торговый путь на Пайрогию, и верхушки огромных сосен — выйдя за городские стены путник сразу попадал в вековой лес простиравшийся на сотни лиг, вплоть до границ Немедии и горных хребтов окружавших Райдор. Горизонт полыхал — набухали и лопались золотистые сферы, мелькали тонкие молнии, взлетали над лесом фонтаны искр. Земля мелко подрагивала, грохот разносился над древними чащобами. Зарево разлилось на полнеба.

— Примерно десять-двенадцать лиг, — оценил расстояние Гвайнард. — Для нас не опасно, слишком далеко. Как полагаете, что это может быть?

— Мы совсем недавно рассуждали о том, что в Райдоре нет сильных магов, — напомнил киммериец. — Если это действительно поединок двух колдунов, значит в лесу сцепились самое меньшее Тот-Амон и Лоухи из Халоги!

— Не буду спорить, — отозвался Эйнар. — Я чувствую истечение магических потоков огром-

ной моци, как бы дело Бурей Перемен не закончилось...

— Только этого нам не хватало!

Магические штормы, также именуемые «Бурями Перемен», появляются нечасто. Случаются они у побережья Стигии, но Черный Круг тщательно следит за выбросами неподчиненной никому магии и старается по мере сил таковые предотвратить. Стигийцы знают: случись что-нибудь поистине жуткое и грандиозное, никакой Сет не поможет. Не будет больше Стигии, ибо Буря может разразиться не только в небесах и на море, но в глубинах недр, вызывая землетрясения. Последствия окажутся фатальны — разрушения городов, запечатанных гробниц, в которых тысячелетиями скрываются самые невероятные твари, хаос и разорение. Конан однажды видел такую Бурю и понимал, что бесконтрольная магия может запросто стереть Райдор с лица земли...

— Все равно мы ничего не можем поделать, — покачал головой Гвайнард. — Остается лишь наблюдать. Если обойдется — завтра же куплю барабан и принесу в жертву Иштар-Избавительнице!

Грохотало и сверкало больше трех квадрансов, в городе поднялся изрядный переполох, но страже удалось успокоить герцогских подданных и разогнать по домам. Охранитель Короны от-

правил к Ночным Стражам гонца — узнать мнение Охотников о происходящем, и получил довольно краткий ответ: не знаем, поутру съездим проверить.

Арунатеп этой ночью так и не пришел...

Глава третья

В которой тайна разъясняется,
Ночные Стражи выслушивают
весьма древнюю легенду,
а Конан лишается обеих заветных монет

Ланное слово Гвайнард сдержал и вечером отвез барабашка в храм Иштар, да только церемония жертвоприношения получилась отчасти смазанной — Охотники смертно устали. Жрица приняла дар благосклонно и традиционно пообещала, что великая богиня будет благосклонна к Ночным Стражам.

... Сразу после рассвета Охотники оседлали лошадей, вооружились до зубов и отправились на Закат. Конан уверял, что выступать против сильного колдуна, а тем более демона, с обычными мечами и арбалетами — это сущее безумие, а традиционные обереги Стражи способны

помочь только в столкновении с «обыкновенной» нечистой силой, наподобие вурдалаков или вампиров.

— Мы не собираемся ни с кем воевать, — сказал в ответ Гвайнард. — Просто глянем, что произошло, расскажем все Охранителю Короны и...

— А если мы встретим там какого-нибудь зубастого монстра, который не захочет, чтобы мы на него смотрели? — перебил киммериец. — Меня терзают смутные подозрения, что Арунатеп неспроста позабыл о назначенней встрече!

— Никогда не поверю, что демон Сета нашел в райдорских чащобах противника, равного ему по силе! В кого он мог лупить молниями и боевыми заклинаниями? В болотного ящера? Серого медведя? Росомаху? Какого-нибудь здешнего мамуна, кокатриса или голодную башни? В Райдоре не встречается чудовищ страшнее этерканов, а если у нас объявляются демоны Черной Бездны, то это скорее казус, чем обыденность!

— Хватит спорить, — поморщилась Асгерд. — Разберемся! Лучше подумайте, как поедем, по тракту на Пайрогию или через лес?

Охотники выехали из города и миновали мост через реку. Наезженная дорога уводила на полуденный закат, к бритунийской столице, а колдовская битва происходила чуть севернее. Поэтому было решено свернуть в чащу. — лес был светлым, без подлеска и бурелома, лошади

шли уверенно, а ездовой монстр Конана шевелил ноздрями, принюхиваясь к незнакомым запахам.

... Во время недавней и далеко не самой удачной охоты на лесного мантикора погибла лошадь Конана, буквально растерзанная взбешенным чудовищем. Разумеется, долго оставаться в пехоте киммериец никак не мог, и отправился на рынок города Чарнины, чтобы прикупить себе достойного скакуна. Таковой отыскался довольно быстро: гнедой длинноногий красавец, стать — залюбуешься, иной король позавидует, скакет быстрее ветра, умница... Словом, всем был хорош гнедой, кроме одного: лошадью он не являлся. То есть, вообще никак не относился к конской породе.

Гвайнард, узрев приобретеньице варвара, сначала опешил, потом пришел в легкий ужас, а когда Конан начал выяснять, в чем же дело, рассказал, что гнедой есть ни что иное, как сартак — хищное животное, очень похожее на настоящего коня. Водятся такие сартаки на Аурусе — в соседнем мире, находящимся за природным порталом, расположенным в предгорьях Граскаала. Оказалось, что предприимчивые представители рода человеческого давным-давно разнюхали о том, что Врата Миров скрывают незаселенный человеком мир и мигом навели торговый путь за портал. Туда завозились товары для

переселенцев, решивших оставить Хайборию, оттуда везли редких животных и золото.

В целом, Конана не особо волновало, что у купленного под видом лошади сартака во рту имелся целый арсенал острых клыков — зверь быстро привык к новому хозяину и честно выполнял все обязанности ездового животного. Но после крайне неприятного события в чарнинской таверне «Золотое Солнце», когда голодный сартак (варвар позабыл покормить его вечером...) выпотрошил прямо в стойле любимого осла хозяина постоянного двора, пришлося подумать о том, что зверя лучше бы содержать отдельно от других животных. Следует заметить, что чудовище в лошадином облике, сожрало несчастную скотинку на глазах остолбеневших постояльцев, сбежавшихся на вопли конюхов. Скандал едва удалось замять с помощью непременных золотых кругляшков и большого количества дорогого красного вина.

Жаловаться на сартака варвару не приходилось — Гнедой был полуразумен, хозяина слушался беспрекословно и был вполне способен в одиночку противостоять даже крупным хищникам.

А если учитывать невероятную сообразительность Гнедого, острый слух и возможность видеть в темноте, сартак стал незаменимым помощником в трудном деле охоты на монстров —

такая вот лошадка сама любое чудовище насмерть зажрет!

... Поиски затянулись — солнце поднялось к зениту, близился полдень, а Ночные Стражи пока не обнаружили ничего интересного кроме брошенного гнезда катоблепаса, обитающего в заболоченных низинах крупного зверя обладающего гипнотическим взглядом. Эти неприятные существа в большинстве хайборийских королевств давно вымерли, но в отдаленных областях наподобие Райдора, Пограничья или Гипербореи еще встречались.

— По-моему, Гнедой взял след, — сказал Конан, заметив, что сартак заинтересованно повел мордой и скосил лиловый глаз на хозяина. — Проверим, что он унюхал?

— Поехали, — Гвайнард безнадежно махнул рукой. — Мы даже сами не знаем, что ищем!

Вскоре Охотники сами почувствовали запах гарни, как после лесного пожара. Гнедой оправдал надежды: сартак уверенно вышел к обширной прогалине, остановился и громко фыркнул.

— Ничего себе... — Конан озадаченно почесал в затылке. — Что же здесь произошло?

— Лучше об этом не думать, — серьезно сказала Асгерд. — Не хотела бы я оказаться в этом месте прошлой ночью!

Поляна была выжжена — трава сгорела до корней, песок кое-где оплавился. Выворочено с

корнями три десятка деревьев, сосен со стволами в два охвата и столетних елей, иглы на ветвях опалены. От небольшого строения, когда-то находившегося у самого края полянки остались лишь покривевшие бревна. Конан заметил несколько глубоких воронок которые могли появиться только в результате попадания магических огненных шаров, некоторые деревья расщеплены молниями...

— Очень впечатляет, — тихо сказал Эйнар. — Никого нет, по крайней мере живых. Давайте осмотримся, вдруг найдем что-нибудь интересное?

Первым делом обследовали горевший домик. Он был небольшим, сруб длиной в восемь и шириной двенадцать шагов. Ничего интересного, только пепел, угли и обломки. Затем Охотники разбрелись по поляне.

— Как думаете, что это такое? — Гвай позвал остальных и поднял ничуть не пострадавший в огне охотничий лук с оборванной тетивой. — Я имею в виду, волшебный это лук или нет? Эйнар, кто у нас главный знаток магии?

Броллайхэн подошел, забрал у Гвайнарда находку, сосредоточенно осмотрел и отчаянно затряс головой:

— Нет, этого быть не может!

— В чем дело?

— Это лук Зеленого Охотника! Настоящий! Понимаете, самый настоящий. Да ему цены не-

Видите накладки из серебра и вкрапления изумруда? Все как в сказках!

— Кто такой Зеленый Охотник? — поинтересовался киммериец.

— Это изначальный Дух Природы, почти как броллайхэн, только гораздо сильнее! Хранитель лесов Полуночи, он обитает здесь едва ли не с момента сотворения мира! Только увидеть его почти невозможно! Легенды о Зеленом Охотнике крайне смутны и противоречивы, даже мы, воплощенные духи, встречали Охотника крайне редко! Фактически, это бог леса, повелевающий тайной жизнью полуночных чащоб... Стрелы из лука Зеленого Охотника всегда попадают в цель, для них нет преград, им могут противостоять только доспехи иных божеств!

— Дай-ка мне посмотреть, — варвар отобрал предмет у Эйнара, смахнул тонкий слой пепла и ткнул пальцем в едва заметный значок на излучине. — Астгерд, тебе этот трилистник ничего не напоминает?

— Листок клевера, заключенный в ромб, — проговорила Астгерд. — Во имя Доннара Громоверхца! На игрушках ведьмы точно такой же символ! На каждой! Ничего не понимаю!

— ...эй, эй, а ну прекрати! — Конан вприпрыжку сорвался с места и направился к Гнедому — сартак нашел что-то напоминавшее пищу и увлеченно начал рвать падаль на куски своими

жуткими клыками. — Брось я сказал, нельзя подбирать всякую гадость!

Гнедой возмущенно заржал, но все-таки отошел в сторону. Киммериец обратил внимание на добычу сартака и шарахнулся в сторону. Затем присел на корточки, всмотрелся и замысловато присвистнул:

— Потрясающе... Глазам своим не верю!

— Что такое? — подошедший Гвайнар посмотрел через плечо варвара и раскрыл рот. Эйнар выругался, Астгерд охнула.

— Очень хорошо, что ты не позволил Гнедому это сожрать, — деревянным голосом сказал Гвай. — Наверняка отправился бы... Нет, друзья мои, жизнь все-таки очень интересная штука, каждый день узнаешь нечто новое и увлекательное! Кто бы мог подумать!

У ног охотников лежал Арунатеп, демон Тьмы. Вернее то, что от негосталось — телесное воплощение Аранатепа было жутко изуродовано пламенем, но узнать его труда не составляло. Сохранились половина лица, кисть левой руки, да и золотая цепь с изображением кобры оплавилась лишь отчасти.

— Демоны, занимающие настолько высокую ступень в иерархии Тьмы, умереть не могут, — выдавил Эйнар. — Их можно только развоплотить, то есть изгнать дух из телесной оболочки. Это очень трудно, но вполне возможно, особенно

если обладаешь божественной силой. Говоря откровенно, у меня колени дрожать начинают — мертвый Арунатеп, брошенный лук Зеленого Охотника... Вам не кажется, что мы ввязались в скверную историю, а? Смертным лучше не участвовать в конфликтах богов и их приближенных!

— Ты ведь кажется бессмертный? — усмехнулся Конан.

— Да, но я тысячелетиями живу среди людей, кроме того легенды о силе броллайхэн преувеличены! Если я вызову на поединок Зеленого Охотника, он меня одним пальцем раздавит. И никакого последующего воплощения, я навсегда останусь бесплотным!

—... Не надо считать меня таким кровожадным, — Охотники дружно обернулись, Конан положил ладонь на рукоять клинка. — Пожалуйста, верните то, что вам не принадлежит.

Зеленый Охотник стоял всего в трех шагах от Ночных Стражей. Настоящий гигант — ростом в семь локтей, узловатые, похожие на древесные корни ручищи, пышная рыжая борода, глаза цвета малахита. Как и откуда он появился было неизвестно.

— Мне пришлось оставить здесь лук, — пробасил Охотник. — А в следующий раз купить новый я смогу только через много-много столетий, даже волшебное оружие имеет свойство изнашиваться...

— Он нам не нужен, — Гвайнард шагнул вперед и протянул лук Зеленому Охотнику. — Возьми. И, если позволишь...

— Не позволю, — решительно сказал Хранитель Лесов. — Существуют тайны, которые смертным знать не положено. Прощайте.

Охотник забрал лук и тотчас превратился в зеленую смазанную полосу исчезнувшую среди деревьев.

— Мне наконец-то объяснят, что происходит в старом добром Райдоре? — только и сказал киммериец. — Ребята, вам не кажется, что загадок стало слишком много? Равно как и чудес? Ничуть не удивлюсь, если завтра на берег реки выбросит левиафана или кракена, а к нам в гости заглянет сам Митра и попросит кружку пива!

* * *

Домой вернулись в унынии. Гвайнард не скрывал, что злится, а разозлить его всерьез удавалось редко. Конан принял на себя непривычную роль миротворца:

— Между прочим, Зеленый Охотник был совершенно прав, — втолковывал киммериец командиру отряда. — Поверь, некоторые тайны не приносят ничего, кроме неприятностей. Боги не зря разделили мир на три Сфера, Верхнюю, Среднюю и Нижнюю — в каждой из них своя

жизнь, свои законы и особенности... Я так думаю: по большому счету, принадлежащая богам Сфера не должна интересовать людей, в противном случае мы наживем крупные неприятности! Когда мы путешествовали с Белит на «Тигрице» и поднимались вверх по течению Ахерона в сторону Кеми...

— Конан, перестань! — взмолился Гвай. — Ты хоть представляешь, что случилось бы, разразилось магическое сражение не в глухом лесу, а посреди города?

— Здания в Райдоре деревянные, лето жаркое, половину столицы могло запросто спалить. Я знаю, что Ночная Стража должна предотвращать любую магическую опасность грозящую людям, находящимся под нашим покровительством. Но ты видел убитого Арунатепа?

— Собственными глазами. Так же ясно, как и ты.

— Задай себе несложный вопрос: кто мог уничтожить демона из свиты Сета?

— Нет ничего проще: существо, обладающее божественной силой. Тот же Зеленый Охотник, к примеру!

— Эйнар уверяет, что Охотник могуч, но биться один на один с великим демоном Тьмы? Очень сомневаюсь!

— Не хочешь ли ты сказать, что в битве участвовала старуха? — ошеломленно сказал Гвайнард. — Что за нелепость!

— Помнишь, я недавно говорил про обманчивость внешности? Давай разберемся и разложим по полочкам все, что мы знаем. Как говорил один мой знакомый ученый муж из тарантийской Обители Мудрости, используем логику. Начнешь сам или подскажешь?

— Пожалуйста, — фыркнул Гвайнард. — На рынке Райдора появляется очень похожая на ведьму старая женщина, которая торгует удивительными игрушками. Обычные люди ее не замечают благодаря наведенному мороку. Исключение составляют маленькие дети способные видеть невидимое и Ночные Стражи владеющие амулетами рассеивающими заклинание.

— Хорошее начало, — согласился киммериец. — Из этого сразу проистекает вопрос: кому продает свои поделки наша ведьма? Мы купили маленького гоблина случайно, но разумно предположить, что старуха явилась на базар не просто для того, чтобы поскушать за прилавком и провести время наблюдая за суетой подданных герцога Райдорского! Она ждала покупателей!

— Каких покупателей?

— Гвайнард, ты глупеешь на глазах! Сколько волшебных тварей обитает в нашем Универсуме? Хранители лесов и озер, горные духи, покровители болот и священных рощ! Существа, обитающие за гранью видимого и материального! Самые древние обитатели этого мира, появившие-

ся здесь задолго до человека! Да что там человека! Задолго до ктулху, земееногих, ха-рийцев и вообще всех известных разумных рас!

— Рациональное зерно в этом есть, — Гвайнард был готов согласиться. — Мир пронизан магией, которая не имеет никакого отношения к волшебству человека, к Тьме, Свету и Равновесию, это магия живой природы. Вот почему Эйнар не сумел отнести ее к трём Великим Краскам. Существует Черное, Алое и Белое, однако изначальное волшебство Универсума заложенное при Сотворении цвета не имеет — Сет и Митра появились уже потом, спустя тысячелетия!

— Назовем это «Зеленым волшеством», — предложил Конан. — Давай, однако, продолжим. Вспомни слова Охотника: «купить новый лук я сумею только через многое столетий». Что это означает? Верно: старуха торгует вещами предназначанными для изначальных, перворожденных Духов Природы! У нее на прилавке были не только куколки, я заметил маленькие луки, молоточки, несколько фигурок животных — напомню, что большинство легендарных богов-хранителей появляются перед людьми в сопровождении удивительных зверей. Огромные козлы запряженные в колесницу Доннара, два волка и два ворона принадлежащие Вотану, единорог богини Дайны, мудрый змей лекаря Аслепиуса... Разумно?

— Вполне разумно, — кивнул Гвай. — Что же получается? Ведьма появляется в нашем мире один раз за несколько веков и продает богам и духам нужные им товары? Волшебные товары? А вы с Асгерд ненароком прихватили куклу, вполне подошедшую бы Белу-Обманщику, призрака-грабителя... Как теперь прикажешь поступать? Я бы отнес фигурку обратно на рынок и положил на прилавок, если ведьма еще в Райдоре, она ее непременно заберет.

— ...именно это я собираюсь сделать прямо сейчас, — послышался скрипучий голос. Конан резко обернулся. У входа в комнату стояла древняя как сам мир карга, с берестяным коробом висящим на плече.

— Ты как сюда попала? — вскочил киммериец. Гвайнард остался спокоен, будто ожидал этого визита.

— Через дверь, как же еще, — прошамкала ведьма. — Было открыто. Почему бы тебе верзила, не предложить усталой женщине кружечку черного эля?

* * *

Киммериец старался быть сдержаным и предпочитал молчать — характер старухи за минувшие два дня ничуть не улучшился, она была сварлива, вздорна и груба, но при этом вовсю

пользовалась гостеприимством охотников. На столе громоздились деревянные тарелки с холодным мясом и домашними соленьями, а кувшин с элем был готов показать дно. Ведьма оказалась на редкость прожорливой, причем ела неаккуратно, роняла крошки и расплескивала пиво из кружки. Выглядело это противно, но Охотники терпели — очень уж интересный гость заглянул в дом! Одна только Асгерд увидев в «Арсенале» свою обидчицу, стиснула зубы, забрала плащ и процедив «я пойду погуляю по городу» громко хлопнула дверью. Неопрятная колдунья не обратила на это никакого внимания.

Зато Эйнар вокруг ведьмы едва только не плясал. Не изволишь ли, почтенная, еще кусочек копченого окорока? А вот горячий хлеб, только-только испекли. Может, налить душистого зингарского вина?

Тут Конан посмурнел — это было его собственное вино! Старуха не отказалась, будто хотела еще больше досадить. Наконец странная гостья вытерла подбородок костлявой ладонью и повернулась Гвайнарду. Знала, кто здесь главный.

— Побаловались невиданной игрушкой? — скривилась ведьма. Видимо, это должно было изображать улыбку. Положила на стол немедийский аурей. — Заберите ваш золотой и верните куклу. А равно и все то, что от нее получили.

Да-да, киммерийский варвар, неразменную монету тоже придется отдать. Не по вашему уму забава.

— А если не отдадим? — лучезарно улыбнулся Гвайнард. — Говоря откровенно, эта глупая история мне смертельно надоела. Ты, любезнейшая можешь сколько угодно презирать смертных, но ты находишься в Сфере, которая принадлежит нам, людям. И мы вправе потребовать ответа.

— Ответа за что? — ведьма устремила жгучий взгляд единственного глаза на Гвая. — Завашу глупость? Кто начал безобразничать с демоном-воришкой? Корону Сета им захотелось, ничего себе! Что-нибудь поумнее выдумать не могли?

— Я просто пошутил, откуда мне было знать... — оправдывающимся тоном сказал Конан.

— Голова, она предназначена не только для того, чтобы шлем носить, — огрызнулась старуха. — С магией нельзя шутить! И тем более нельзя шутить с Тьмой! Тебе ли этого не знать, Конан из клана Канах?

— Откуда ты знаешь мое родовое имя? — варвар нахмурился.

— Я знаю все и про всех, киммериец. Вернее, почти все... Хочешь услышать как зовут меня? Пусть будет госпожа Юттия, это имя мне привычнее. Где кукла, покажите!

Гвайнард вздохнул, наклонился и извлек из под стола сундучок. Открыл. Поставил перед ведьмой.

— Фу, гадость какая... — назвавшаяся госпожой Юттией старица двумя пальцами извлекла браслет Арунатепа. С отвращением бросила на столешницу, провела над массивным золотым кольцом ладонью, произнесла краткое заклинание на неизвестном цокающем языке и браслет исчез в зеленой вспышке. — Не бойтесь, хозяин за ним еще долго не вернется, демон разволошен на срок значительно превышающий человеческую жизнь, а вырваться из Тьмы не обладая материальным телом невозможно...

Ведьма с кряхтением поднялась с лавки (роскошное гостевое кресло ей не предложили из принципа), притащила к столу выглядевший довольно тяжеленьkim короб, откинула крышку. Внутри лежали разноцветные фигурки, игрушечное оружие и несколько вырезанных из дерева украшений на простых кожаных шнурках.

— Чего смотрите? — проворчала госпожа Юттия, заметив любопытные взгляды Охотников. — Не надейтесь, ничего не подарю. И не продам, я торгую не за деньги...

— Зачем тогда продала нам этого гоблинянка? — Конан указал на злосчастную игрушку.

— Вы его сами забрали. Мне что в драку кидаться? Да и хотелось посмотреть, как распоря-

дятся люди предметом, о ценности которого не имеют никакого представления! Вы снова доказали, что ваше безмозглое племя ни на что не способно!

Гвайнард и Конан дружно вздохнули. Да кто она такая, чтобы так судить о людях?

— Поймите же, что мир был сотворен идеальным, — голос госпожи Юттии внезапно подобрел и стал даже немножко мечтательным. Она словно бы вспоминала прекрасное прошлое, как это делают многие старые люди. — Совершенство, равновесие, безукоризненность в каждой, самой мельчайшей детали... А потом Большое Творение начало разрушаться. Человек лишь продолжает дело сыновей Тьмы, ктулху, которые решили переделать Универсум на свой лад. Потом пришли другие, но и они со временем исчезли. Кхарийцы едва не погубили Срединную Сферу открыв врата в Бездну, а ведь подданные Пифона были людьми, такими же как и вы! Новое человеческое племя, хайборицы, тоже катится в пропасть, попомните мои слова... Вы, смертные, способны только разрушать.

— Неправда, — возмутился Конан. — Посмотрите на наши города, на книги, на прекрасные вещи которые человек делает своими руками!

— Сделать бездущную вещь нетрудно, — парировала загадочная госпожа Юттия. — А сможешь ли ты создать новую жизнь? Не сойтись с

женщиной, зачав ребенка — это чересчур просто! — а сотворить новую, невиданную прежде жизнь? Или возродить уже погубленную?

— Не уверен.

— Вот-вот... Хотите расскажу вам историю?

— О чём? — не понял Гвай.

— Очень давно, когда не было времени, мир не разделялся на Сфера и был населен бесчисленными духами, которые пестовали и возвращали сотворенную жизнь — в этом было их главное предназначение. Один из самых великих духов, по имени Сет, однажды решил, что Творение отнюдь не идеально и решил переделать его по своему вкусу. К сожалению у него не получилось создать ничего нового, а только испортить изначальную безупречность мира. Так появилась Тьма — Сфера, в которой обитают духи помогавшие Сету извращать сотворенное. Во Тьму ушли и его детища, которые прежде были совершенны и прекрасны, но после вмешательства Сета превратились в чудовищ... Иные бесплотные духи, возмущенные бесчинствами Сета, пытались вернуть миру его красоту и поддерживать Универсум в неизменном состоянии — тогда родился Свет и появилась Верхняя Сфера. Мир окончательно разделился на три составляющих и так будет до конца времен...

— А откуда взялась Черная Бездна? — заинтересовался киммериец.

— Бездна была всегда, еще до Сотворения. Она не принадлежит никому и ничему, ее стихия хаос, а стихия Творения — упорядоченность. Наш мир, вместе с Тьмой, Светом и Равновесием надежно отделен от Бездны, чудовищ хаоса смертельно боится даже Змееног — Сет знает, что если тварная вселенная однажды соприкоснется с пламенем первородного хаоса, погибнет все, включая Тьму... Впредь не перебивай меня, верзила! На чем я остановилась?

— На разделении Сфер.

— Правильно. Когда Универсум приобрел нынешний облик, появилось время, а значит и разрушение — нет монстра беспощаднее и настойчивее времени, нет убийцы страшнее! Чёрное и Белое сосредоточились на борьбе за Сферу Срединную — Сет и его подручные продолжали переделывать сотворенное, а боги Света им противодействовали. Эта война не окончится никогда... Однако, некоторые духи отказались участвовать в битвах Тьмы и Света не примкнув ни к одной из сторон. Они помнили о своем предназначении: хранить и беречь жизнь. Возникло Алое Пламя Равновесия, спустя тысячелетия оно породило броллайхэн, Духов Природы, — ведьма указала на Эйнара. — Ты ведь рожден, а не сотворен, я права?

— Разумеется, — кивнул Эйнар. — По сравнению с изначальными духами я сущее дитя,

— Что ты знаешь об изначальных? О первосотворенных?

— Мало знаю. Как, собственно и все прочие.

— Так вот, запомни: они не принадлежат к трем Великим Краскам. Ближе всего для них, ясное дело, Равновесие — их нелюбимое детище.

— Почему — нелюбимое? — обиделся Эйнар.

— Да потому, что последователи Алого Пламени однажды возгордились и решили, что могут бороться за право первенства и главенства наравне с Белым и Черным!

— Неправда! — искренне возмутился Эйнар. — Равновесие потому и называется равновесием, что мы хотим держаться золотой середины! Мы равно признаем права Света и Тьмы!

— Балбес! Что будет если смешать молоко с пивом? В ваших душах продолжается извечное столкновение Великих Красок! Поэтому Тьма вас презирает, а Свет — жалеет. Нельзя быть немножко беременной, равно как нельзя сочетать несочетаемое! И при этом говорить о том, что только Алое Пламя способно уберечь Универсум от бед!

— Значит, ты отказываешь Равновесию в праве на существование? — проворчал Эйнар.

— Нет. Вы уже стали частью тварной вселенной, это невозможно изменить... А мы, изначальные, постепенно вымираем. Когда уйдет последний, начнется великая битва Света и Тьмы.

— Ты хочешь сказать, что родилась... гм... появилась вместе с этим миром? — опять встрял в разговор Конан. — Ты — перворожденная? Духхранитель? Но вы же бессмертны!

— Какой догадливый! Сказал тоже, бессмертны.. Подумай своей тупой варварской башкой! Люди вырубили лес, который давал силу и жизнь его хранителю — что станется с этим хранителем? Осушки болото, разрушили гору, перегородили реку плотиной... Когда вы истребите всех серых медведей, их хранитель тоже умрет! Уяснил? Жизнь тварная, дает жизнь нам! И мы вынуждены защищаться. Никто не хочет погибать из-за безумия человека которого взяло в союзники безжалостное время...

— Я начинаю понимать, — медленно сказал Гвайнард. — Изначальным надо защищаться, значит им требуется оружие... Ты создаешь оружие для первородных духов-хранителей?

— Близко, однако не совсем верно. Я умею вкладывать великую магию Сотворения, еще оставшуюся в этом мире, в бездушные игрушки. Магию не Черную, не Белую и не Алую. Каждому из нас требуется помощник — волшебное существо которое будет исполнять приказы хозяина. Вот, глядите...

Ведьма извлекла из короба лошадку, маленького дракончика и амулет с изображением паука.

— Кажутся страшненькими? — усмехнулась госпожа Юттия. — Нарочно делаю их такими, чтобы никто чужой не польстился. Этот конек будет пасти стада диких лошадей в Гиркании. Бескрылый змей обязан защищать детенышей драконов Кхитая. Паук присмотрит за рудными жилами в Кезанкайских горах — люди прорубили там столько ненужных шахт, что в один прекрасный день своды рухнут... Оружие? Да, есть и оружие. Только обороняться им приходится не от людей. Тьма ненавидит нас. И никогда не сможет победить.

— Постой-постой, — подался вперед варвар. — Значит, это ты убила Арунатепа? Что от тебя хотели демон и его Господин?

— Что и обычно. Раскрыть секрет изначальной магии. Она им недоступна, поскольку непознаваема... Более того, магия Створения способна противостоять волшебству Великих Красок, наши заклятые преодолеют любое заклинание Тьмы и Света.

— Но почему тогда вы не уничтожите своих врагов? — озадачился Конан.

— Первозданные хранят и оберегают, а не уничтожают. Изменить мир мы уже не сумеем, равно как и вернуть ему совершенство. Можно было бы попытаться, но противостоять разрушительному времени не способен никто... Время погубит всех, включая ваш человеческий род,

который почему-то считает себя воистину бессмертным. Надеюсь, я удовлетворила ваше любопытство?

— Вполне, — согласился Гвайнард. — Ты часто посещаешь тварный мир?

— Я и есть тварный мир, — сказала ведьма. — Воплощение его волшебства, если угодно... А что нос кривой и бельмо на глазу — не обращайте внимания, чем страшнее выглядишь, тем меньше на тебя обращают внимания. Что ж, смертные, увидимся зим через пятьсот по вашему счету. Хотя я не уверена что кто-нибудь кроме Эйнара доживет до этого срока. Варвар, где монета?

Конан вздохнул, развязал шнурки на кошеле и отдал хранительнице золотой кесарий.

— Прощайте, — госпожа Юттия встала, взяла короб с игрушками за ремешки и вдруг передумала и снова отбросила крышку. Вынула же лудь, закрепленный на сурою нити. — Отдайте это Асгерду, я сказала ей обидное. Пусть Зерно Жизни будет вирой за необдуманные слова. Только не говорите, что это подарок от меня, не возьмет. Гордая слишком.

— Зерно Жизни? — нахмурился Гвайнард. — Подарки богов могут быть опасны для смертных. Что это такое?

— Не бойтесь, Асгерд мечтает о хорошем муже? Будет ей муж. Сильный, красивый и доб-

рый. Они проживут вместе пятьдесят шесть лет, до глубочайшей старости. У Асгерд будет девять детей, пять мальчиков и четыре девочки... Это хороший подарок. Изначальные не обманывают.

Ведьма забросила короб за спину и вышла из дома. Больше в Райдоре ее никто не видел.

* * *

— Никакой выгоды эта история нам не принесла, — развел руками Гвайнард, когда закрылась дверь ведущая на двор. — Зато и убытков никаких. Конан, надеюсь ты перестал скучать?

— Много интересного в своей жизни видел, но с магией изначальных еще не сталкивался, — согласился киммериец. — Жаль игрушку, озолотились бы... Кстати, Арунатеп оставил мне еще один неразменный золотой, господа Юттия, наверное, о нем не знала и не потребовала отдать.

Варвар бросил на стол стигийский тилль.

— К вам можно?

Гвайнард вздохнул. Слишком много гостей за минувшие дни приходилось принимать!

Охранитель Короны, месьор Атрог прошел в «Арсенал» и привычно разместился в гостевом кресле. Бросил мимолетный взгляд на золотую монету валявшуюся прямо перед ним. Эйнар машинально налил главе тайной службы герцогства черного эля.

— У меня, собственно, вопрос к уважаемому Конану Канах, — сказал Охранитель. — Нехорошо получилось, купцы жалуются...

— На что жалуются? — осторожно уточнил варвар.

— Вот на это, — Атрог поднял монету и подбросил в руке. — Ты намедни расплачивался тилями чеканки Птейона? Не отпирайся, я сам видел.

— Я и не собираюсь отпираться!

— Отлично. Тогда как ты объяснишь, что монеты на следующее же утро рассыпались в пыль при первом же прикосновении? Магия? Я не возражаю против магии, если она не приносит беспокойства моему ведомству, но теперь, после стольких жалоб... Купленные товары придется вернуть. Если, конечно, ты не раздарил безделушки девкам из заведения господи Альдерры! В этом случае придется компенсировать убытки золотом.

— Ненавижу Тьму, — рыкнул киммериец. — Вот мерзавец, все-таки обманул!

— Кто тебя обманул? — насторожился Охранитель Короны. — Фальшивомонетчики? Рассказывай!

— Тут такое дело... — замялся было Конан и остолбенел, увидев, как тилль лежавший в ладони Атрога начал превращаться в песок, который просочился сквозь пальцы любимца его светлости.

— Понятно, — невозмутимо кивнул Атрог. — Будем признаваться?

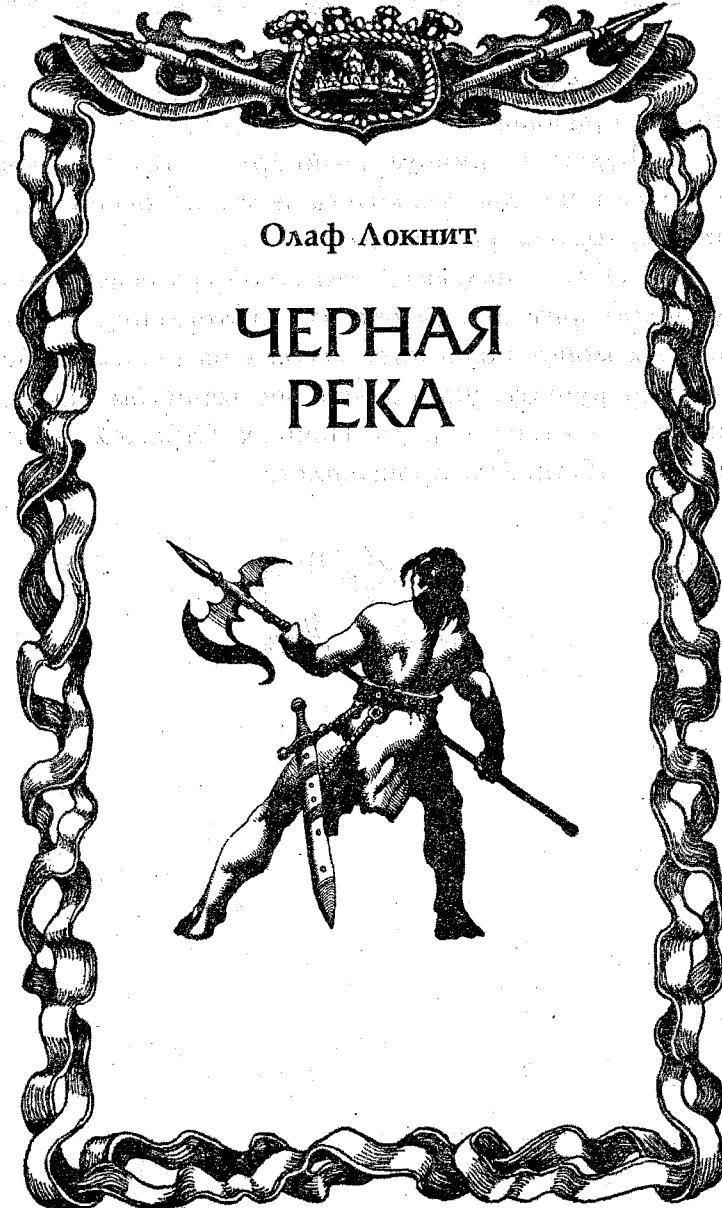
— Будем, — кивнул Гвайнард. — Если у тебя есть лишние два квадранса и ты не очень спешишь, мы все расскажем.

— Очень надеюсь, что твой рассказ меня удовлетворит. В Райдоре за изготовление фальшивых монет полагается ссылка на рудники. Не хочу нарушать установленный герцогом закон, но и лишаться отряда Ночных Стражей я не вправе. Итак, что произошло?..

Олаф Локнит

ЧЕРНАЯ РЕКА

Глава первая Форт Тусцелан

*Форт Тусцелан, граница с Пущей Пиктов
Ранняя весна 1286 года по основанию Аквилонии.*

онану здесь не нравилось. Настолько не нравилось, что киммериец с огромным удовольствием плунул бы на эту бессмысленную и нескончаемую войну, на пиков, на Аквилонию, на герцога Троцера вместе с его неуемным наследником и на их безумную затею, собрал дорожный мешок и отправился бы на Полдень, к побережью океана — по крайней мере там тепло, сытно, да и по морю варвар соскучился...

Конан с юности установил для себя обязательное правило: доводить до конца любое дело, за которое взялся. Пускай даже самое безнадежное.

Это было не упрямство, а всего лишь одна из черт варварского характера: негоже бросать начатое, люди уважать перестанут. А к мнению друзей и соратников Конан относился трепетно, поскольку сражался с ними плечом к плечу — нет братства более крепкого, чем братство клинка. Поэтому киммериец останется на Черной реке вплоть до победы. Или смерти.

Так или иначе Конан не любил Пущу. Ему опротивела вечная сырость, из-за которой даже отлично выдубленная зингарская кожа покрывалась плесенью. Раздражали липкий желтоватый туман, вечерами наползающий со стороны реки, черные скелеты деревьев поднимающиеся над волнами зыбкого марева и странные звуки доносящиеся с другого берега — жалобные крики неизвестных птиц, зловещее потрескивание ломающихся сучьев и еще какие-то совершенно непонятные взвизгивания, стоны и хрипы.

Надоело бледное и холодное солнце, здесь казавшееся не золотистым, а сероватым, будто кожа пиктских дикарей. Словом, варвар почитал забытую людьми и богами Пущу истинным проклятием всей своей жизни — доселе Конан не встречал более скверных земель. По сравнению с древним лесом, простершимся от Черной реки до закатного побережья Великого океана, даже мерзлые тундры Ванахайма и вересковые пустоши Гипербореи покажутся вполне гостеприим-

ными и, отчасти, привлекательными своей дикой красотой.

Дурная слава Пиктской Пущи подтверждалась — если между Черной и Громовой реками располагались сравнительно обжитые пространства, земли Великого герцогства Боссонского, то далее к Закату тянулись бесконечные топи, лесистые холмы и непролазные чащобы, населенные не только своими истинными хозяевами, пиктами, но и самой невероятной нечистью и нежитью, в королевствах цивилизованных давно истребленной. Пуша оставалась единственной частью материка, где еще не ступала нога аквилонского картографа, зингарского купца или турецкого ученого мужа. Конан видел подробнейшие планы приграничных областей, где были обозначены самые неприметные тропки, но территории за Черной рекой выглядели на них сплошным белым пятном.

Некоторое представление о левобережье было у боссонских следопытов, отваживавшихся проникать в дебри на несколько лиг к Закату, но что происходит в глубинах Пущи не знал никто. Ходили слухи о настоящем пиктском городе, якобы возведенном нынешним вождем дикарей Зогар Сагом, затерянных в лесах тайных святилищах, где серокожие поклоняются неведомым древним божествам, неких «сокровищах» упрятанных в Пуще кхарийцами (ну как же об-

ойтись без кхарийцев, которых привычно обвиняют во всех бедах уже тысячу двести лет!) в стародавние времена крушения Стобашенного Пифона. Конан большинству этих рассказней не верил, почитая их старушечьими сказками и плодом фантазии чересчур увлекшихся воспоминаниями о собственных подвигах следопытов.

Но, несомненно, в Пуще что-то было — что-то недоброе, затаившееся в буреломах и болотах. Некая сила, повелевающая дикарями. Это киммериец чувствовал подсознательно, накопленный за годы странствий опыт подсказывал, что наползающая со стороны лесов тьма имеет некий источник. Впрочем, Конан предпочитал не увлекаться высокими материями и размышлять о истинных причинах этой странной войны, побудивших пиктов забыть о долгих столетиях единенной жизни и атаковать земли Аквилюнии — у варвара других дел хватало.

Конан, вместе с Эмертом Боссонцем, непревзойденным лучником, записались в армию его светлости Троцеро минувшей зимой. Пуантенские герцоги платили наемникам щедро и в отличие от многих других владык предпочитали своим воинам не лгать — Троцеро прямо говорил, что будет трудно, война становится затяжной и больших жертв не избежать. Главное — избавить Аквилюнию от непрекращающихся на-

бегов и надежно перекрыть дикарям дорогу на Восход. Сделать это можно одним способом: максимально укрепить рубежи по Черной реке, выстроить неприступные форты и однажды нанести пиктам сокрушительное поражение, которое навсегда отобьет у серокожих охоту соваться на правый берег Черной.

Варвар на своем веку немало повоевал и мог понять, что ни о каком «генеральном сражении» даже речи быть не может. Тактика пиктов никак не согласуется с правилами благородной военной науки, это вам не зингарцы или немедийцы, с их тяжелой кавалерией, лучниками, пикинераами, осадными машинами и прославленными полководцами, изучавшими заумные трактаты! Дикии просачиваются в Боссонию небольшими отрядами, соединяются, наносят чувствительные удары, сжигая поселки и даже замки дворян вкупе с небольшими городками и вновь растворяются в чащах и буреломах. «Правильной войны» в условиях Пущи и порубежья не добьешься. Надо или полностью изолировать дикарей густой сетью фортов и застав, или... Или уничтожить первопричину войны, ту самую неизвестную силу, толкающую серокожих на самые невероятные безумства. Но в чем она, первопричина? Этого не знал никто.

Оказавшись в Тусцелане, форте на самой границе, Конан сразу получил в подчинение деся-

ток следопытов: командовавший здесь многоопытный сотник Рагнар из Шамара моментально понял, что имеет дело с прирожденным воином. Киммериец сотнику понравился — Конан прошлыми заслугами не кичился, был деловито-серьезен и умел руководить людьми. А чего, спрашивается, ждать от человека некогда служившего в гвардии туранского императора и хаурянской королевы, и хаживавшего в отряде Ночных Стражей, всем известных «охотников на монстров»?

Довольно скоро от десятка остались только двое — сам варвар да молчун-Эмерт, остальные погибли. Ждать пополнений было неоткуда, людей катастрофически не хватало, в Тусцелан удалось отправить лишь отряд асиров числом в сто десять клинков: конуги-вожди нордхеймских дружин прослышиали, что герцог Троцеро собирает наемную армию, после чего к войску Пуантенских властителей начали присоединяться как небольшие, так и вполне многочисленные отряды с Полуночи.

В этом не было решительно ничего необычного — нордлинги отличные вояки, а в числе наемников в Конаджохаре можно было встретить выходцев практически из всех стран Заката, от Зингары до Гипербореи и от Аргоса до Турана. Однако, для того, чтобы прикрыть ру-

бежи Аквилонии, требовалась армия десятикратно большая! Тусцелан представлял из себя небольшую крепость, выстроенную из обмазанных глиной бревен: с четырьмя квадратными башнями по углам. Несколько общинных домов, кузни, склады продовольствия, конюшни, оружейня — вот и все селение. У единственной таверны, выстроенной ущельем гандером по имени Фульк, даже названия не было. За спиной Боссония, впереди Пуща, а вокруг унылые серо-зеленые леса.

Крепость, как и положено, стояла на холме, возвышавшемся над неторопливой полноводной рекой, деревья, кусты и трава вокруг форта были вырублены и выжжены на расстояние в триста шагов, все пространство отлично простреливалось, никакой пикт не подберется незаметно. На Восход уходила единственная дорога, весной и осенью превращавшаяся в размолотый копытами лошадей и колесами телег поток жидкой грязи. Жить здесь удовольствие невеликое, особенно если учитывать постоянный риск попасть под шальную пиктскую стрелу или попасть в плен к дикарям — ничего хуже и представить нельзя, из лап пиктов никто еще живым не уходил, а серокожие являются большими выдумщиками на предмет пыток и самых изощренных казней!

Конан, однако, старался не унывать — если провидение занесло его в это немыслимое захолустье, значит не стоит противиться велениям фатума. Судьба и удача редко подводили варвара и всегда преподносили ему самые неожиданные сюрпризы. Ничего, однажды бестолковое сидение на Черной реке окончится чем-то весьма и весьма захватывающим...

Пока же киммерийцу было очень скучно — ни мира, ни войны, а единственным развлечением являются вечеринки в безымянном кабаке с новыми приятелями-асирами.

* * *

— Пополнение прибыло, пошли смотреть!

Конана настойчиво толкали кулаком в плечо и варвар не мог стерпеть подобного нахальства. Не открывая глаз он схватил левой рукой валявшуюся на лежанке поодаль набитую сеном подушку и запустил ею в злодея, осмелившегося нарушить вожделенный покой.

— Сам по себе черный эль злом не является, — сообщил невидимый мучитель. — Но чрезмерное усердствование с его потреблением — зло истинное. Вставай, бэздельник!

Подушка полетела обратно.

— Сигвальд, ты же варвар, — прохрипел киммериец, усаживаясь. — Нам, варварам не по-

ложено выражаться так, будто мы прошли через горнило тарантайской Обители Мудрости! Посмотри на меня...

— А чего смотреть? Жалкое зрелище. Я вчера выпил не меньше, а поднялся с рассветом.

— Ты молодой еще. Боги милостивые, голова раскалывается!

— Держи!

Асир торжественно вручил Конану деревянную кружку с медовухой — пьется как сладкая водичка и замутненное винными парами сознание проясняет.

В отряде конуга Хальвдана Сигвальд, сын Орма, выполнял очень важную роль: он был жрецом или, как говорили нордлинги, годи. Грозных духов Полуночи асиры уважали и славились исконным отеческим благочинием и богочитанием, особенно яростно проявлявшимся в битве — Вотан, Доннар и Бальдур являлись богами-воителями, их потомки тоже являлись народом войнолюбивым и доблестным. Асиры не поленились притащить с собой в Тусцелан трех здоровенных деревянных истуканов, вкопали идолов возле общинного дома и каждодневно приносили им жертвы.

Поначалу Конан удивился, что жрецом асиры выбрали двадцати трехлетнего Сигвальда — парень был не особо высок ростом и ничуть не походил на грозного старца-годи, какими обыч-

но представляют себе людей, общающихся с великими духами мира невидимого. Тем не менее хирдманны Сигвальда даже слегка побаивались: он близок к богам, умеет говорить с Вотаном и его близними, а значит способен разрушить таинственную границу между сферой, в которой обитают смертные, и обителью бессмертных. Такими способностями обладает не каждый, только избранные!

Киммериец и молодой асир подружились моментально. — Сигвальд был умен, страха не ведал (это выяснилось довольно быстро в первой же стычке с пиктами) и прекрасно обращался с любым оружием, от нордхеймского меча до метательных кинжалов и топориков, справедливо утверждая, что годи должен быть примером для всех хирдманнов. Жрецами никогда не становились убогие и слабосильные, а что ростом не вышел (Сигвальд был по грудь длинному Конану) — так это еще ничего не значит! Между прочим, в споре на метание ножей асир Конана обставил, все десять лезвий в цель, тогда как варвар попал только девять раз.

—...редкостные болваны по моему мнению, — Сигвальд присел рядом, на широкую, застеленную мягкими шкурами лавку. Киммериец сразу отметил, что асир бледет надлежащую осторожность, под кожаной курткой, подшитой мехом, тускло поблескивают звенья кольчуги. — Я, в

смысле, про новобранцев. Знаешь сколько их? Двадцать! Всего! Ты вроде бы хотел снова на братъя десяток? Тогда поторопись, другие разберут.

— Мне болваны, тем более редкостные, не нужны, — твердо ответил Конан. — Мы и вдвое с Эмертом неплохо справляемся.

— Есть там один интересный человечек, — загадочным тоном проговорил годи. — Обрати на него внимание, пригодится. Надевай сапоги, покажу. Другим десятникам он не подошел, хлипковат. Тощий, невзрачный, рожа прыщавая...

— Спятил? — поморщился Конан. — Зачем мне такой?

— Увидишь, разберешься. Поверь моему слову, из этого парнишки выйдет толк.

После доброй кружки медовухи киммериец ощутил прилив сил. Надел две рубахи и безрукавку волчьего меха (снаружи было прохладно), щелкнул фибулой закрепляя края войлочного плаща на плече. Выбрался на крыльце.

— Вот он, у коновязи, — подсказал Сигвальд. — Совсем один остался. Жаль беднягу. Мы не возьмем, сотник отправит хлевы чистить. Даже ножа на поясе нет, заметил?

— Н-да, у тебя странное представление о «правильных людях», — разочарованно протянул Конан. — Заморыш заморышем. Зачем он воображе в армию нанялся?

— А ты с ним поговори... Первое впечатление обманчиво.

Рядом с громадным медведеподобным Конаном избранник жреца выглядел сущим ребенком, хотя и был повыше Сигвальда (небольшого, но широкого, будто граскальский гном) на целых три пальца. На вид зим восемнадцать или двадцать, темные длинные волосы, схваченные в хвост дешевой медной заколкой, лицо узкое, глаза серо-зеленые, внимательные и несчастные. «Видно, не везет в жизни», — снисходительно подумал Конан. Силы в человеке не видно, плечи узкие, ноги тонкие и длинные. Одет плохо, бедно. Но был в этом лице с красноватыми прыщами какой-то непонятный от свет, различимый лишь тем, кто умеет видеть незримое. Сигвальд-годи таким родился, а Конан научился различать необычности — варварское чутье преумножилось долгими годами странствий и незаменимым опытом.

— Можешь называть меня Конаном Канах, из Киммерии, — сказал варвар подойдя к юнцу. — Я десятник войска его светлости Троцеро Пуантенского. Кто таков, откуда родом? Что умеешь?

— Риго из Толозы, Полуденный Пуантен, к услугам, — парнишка нёожиданно изящно раскланялся, чем вызвал очередное неудовольствие Конана. Не иначе вагант или того хуже, — странствующий песнопевец и шут. Или (защити

Иштар!) младшенький дворянский сынок, сбежавший из дома в поисках приключений. Но от свет, от свет есть, никуда от этого не денешься... — Я пятый, ненаследный сын графа Гугона из Кастельно. И я маг.

— Чего? — киммериец аж поперхнулся холодным сырьим воздухом. — Чего-чего?

— Маг, — твердо ответил юный месьор Риго.

Конан выразительно посмотрел на Сигвальда, асир пожал плечами. Худшие подозрения насчет желторогого дворянчика, жаждущего совершать подвиги (и сложиться в первом же бою, погубив по глупости и остальных) сбывались. Мало того, этот Риго еще и сумасшедший!

— Значит, маг? — Конан сдвинул брови, не зная, смеяться ему или плакать. — Какого конклава? Золотой Лотос? Алое Пламя Равновесия? Белая Рука Гипербореи? А может... — варвар не удержался от смешка, — Может, Черный Круг Стигии? Где обучался?

— Я сударь, понимаю ваше недоверие, — спокойно ответил пуантенец. — Однако...

— Не называй меня «сударь». Мы тут не в замке владетелей Толозы. Вполне хватит имени. Или просто «десятник».

— Как угодно, десятник. Я не состою в Великих Конклавах, а обучался искусству сам, по книгам. У меня... не знаю, как правильно сказать... У меня само получается.

Конан тяжко вздохнул. «Само получается», извольте видеть! Магия — это величайшая из наук, только для овладения ее основами надо затратить десятилетия и учиться с раннего детства! Конечно, встречаются довольно сильные маги никогда не касавшиеся пыльных гримуаров и обходившиеся без мудрых наставников, например деревенские колдуны или ведьмы (вовсе не обязательно злые и зачастую оказывающие значительную помощь своим соплеменникам!), но это скорее исключение чем правило.

Сигвальд, как ни странно, остался невозмутим, а ведь всем известно, что нордлинги относятся к магии с подозрением, а то и с откровенной враждебностью. Больше того, асиры полагают, что волшба есть занятие для мужчины недостойное и терпят только магичек-женщин, причем никогда не позволяют жить им в своих поселениях: уходи в лес, или в горы, колдуй там сколько душе угодно. Свирепые в битве и неустрашимые перед лицом любой опасности нордлинги панически боялись колдовства!

— Пойдем-ка пива выпьем, заодно человека накормим, — сказал Сигвальд, перехватив взгляд киммерийца. — Видишь, он замерз совсем. А ты, Риго из Толозы, больше никому не говори о своих умениях

— Почему?

— Могут неправильно понять. Обещаешь?

— Хорошо, обещаю. Но я не понима...

— Вот и договорились. Никому ни слова!

* * *

Конан очень быстро уяснил, почему Сигвальд отнесся к странному заявлению Риго абсолютно спокойно: парень норманном не является, а по святому убеждению нордлингов представители иных народов могут чудить как хотят. В этом отношении асиры и их ближайшие родственники, ваны, были удивительно терпимы. Если ты иноземец, следовательно на тебя обычай и традиции Полуночи не распространяются — нам безразлично каким божествам ты кладешь трябы и каким ремеслом добываешь себе пропитание.

Магия?

Ну что ж, колдуй сколько хочешь, только нас не трогай! Споров нет, нордлинги прославились на всю Хайборию агрессивностью и даже жестокостью, но при этом всегда оставались невероятно снисходительны к чужим недостаткам, что было, пожалуй, самой симпатичной чертой асиров — никто не мог упрекнуть их в отсутствии учтивости и злозычии по отношению к дружественным близким и дальним соседям. Любые странности, кроме совсем уж вызывающих, прощались только потому, что «эти люди другие, не нам их судить».

Было хорошо заметно, что Риго очень прогодался, но кашал графский отпрыск аккуратно и пил в меру. Пока варвар и асир не начали распросы, он предпочитал молчать и выглядел смущенно.

Конан выбрал самый дальний стол, в глубине таверны — не хотел лишних ушей. Бессспорно, никто не стал бы подслушивать нарочно, люди здесь простые и честные, но и они могут невзначай услышать то, что слышать не нужно. Киммерийцу не хотелось, чтобы по Тусцелану поползли нехорошие слухи, поскольку слова «магия» или «колдовство» в сознании обитателей форта были прочно связаны с пиктами и их таинственным вождем, Зогар Сагом...

— Ты должен уяснить, что здесь, на Черной Реке идет самая настоящая война, — втолковывал киммериец. — Причем совсем не такая, как в героических балладах. Никаких рыцарей в блистающих доспехах, развернутых знамен и пения боевых труб. Стрела из зарослей, отравленный дротик, яма-ловушка с кольями на дне — я тебя не пугаю, это реальность. Никаких благородных поединков тоже не будет, обычно пикты наваливаются гурьбой, режут всех, а того кто выжил запытают до смерти.

— Мне известно о том, что пикты — варвары.

— Нет, дружище, варвары это мы с Сигвальдом, а пикты — дикари. Большая разница, одна-

жды ты поймешь о чем я говорю. Если, конечно, останешься в Тусцелане. Я могу дать тебе хороший совет — вернуться домой — но ты ведь оскорбишься?

— Верно, оскорблюсь, — кивнул Риго. — Нельзя отступаться от однажды принятого решения. Кроме того, вербовщик в Толозе заплатил мне за десять седмиц вперед из казны нашего герцога. Не могу же я вернуть деньги и сбежать?

«Точно, идеалист, — подумал киммериец. — Наверняка не подойдет!»

— С оружием хорошо обращаешься? — без особой надежды спросил Конан.

— Я дворянин, — напомнил Риго. — Ненаследных сыновей всегда обучают воинскому искусству, мы вправе надеяться только на свой меч.

— Тогда почему я не вижу перевязи у тебя на плече?

Пуантенец густо покраснел:

— Пришлось продать, я оказался в тяжелом положении... Это не важно.

— Наоборот, очень важно. Если ты окажешься в моем... кхм... неполном десятке, нам придется драться вместе. Я должен быть в тебе уверен, а это значит — никаких секретов. Иначе ничего толкового не выйдет. Я нечасто встречал графских сыновей, записывающихся в наемную ар-

мию. Рассказывай, что с тобой приключилось и почему ты оказался на Черной Реке.

По нынешним, тяжким для Аквилонии временам, история Риго выглядела в общем-то заурядно. В Пуантене, на золотом Полудне, дворянские семьи всегда были многочисленны — старый граф Кастельно произвел на свет десятых отпрысков, причем девочка была только одна. По законам Великого герцогства Пуантен, земли, титул и отцовское богатство отходят к старшему сыну, остальные в соответствии с традицией обязаны поступить на службу к другим сеньорам. Примечательно, что граф был вправе отдать ненаследному сыну только пятьдесят золотых кесарев. Сумма не слишком значительная, но на первое время должно хватить с избытком — аквилонская монета все еще ценилась, несмотря на затянувшуюся войну и скверное положение в государстве вызванное казнокрадством и бездеятельностью приближенных короля Нумедисса.

Одна беда: молодой Риго из Кастельно давно и прочно считался в Пуантене умалишенным — он избегал обычных дворянских забав наподобие охоты и турниров, в четырнадцать зим упросил отца отправить его в Тарантию, чтобы пройти курс обучения в Обители Мудрости, знаменитейшем учебном заведении королевств Заката, а вернувшись домой к своему восемнадцатилетию

выяснил, что в родовом замке пятого сына его светлости решительно не ждут: полуночные области Пуантена, как и Боссония, были разорены набегами пиктов, графство оборонялось... Отец выдал непутевому отпрыску кошель с монетами и настоятельно посоветовал заняться делом, достойным благородного человека и позабыть о странных фантазиях.

Впрочем, говорить о «фантазиях» не приходилось — способности Риго были вполне реальны и подтверждены таким авторитетом как Озимандия Темрийский, о котором поговаривали, будто он является самым сильным магом Аквилонии.

Знающие люди уверяли, что Озимандии давно перевалило за сто зим и волшебник, входящий в Конclave Золотого Лотоса выжил из ума. Действительно, старик уединение в отдаленном замке почти на границе провинции Темра с Киммерией, учеников не заводил, а в столице появлялся крайне редко — государь Нумедисс открыто не одобрял магию, опасаясь, что возможные заговорщики (новый король до дрожи в коленях боялся мятежа!) используют волшебство для того, чтобы лишить его короны. Тем не менее, во время очередного визита старого мага в Тарантию мэтры Обители Мудрости представили ему Риго, уверяя, что мальчик талантлив.

Озимандия недолго поговорил с пуантенцем и посоветовал пойти в обучение, например к Пе-

лиасу Кофийскому — это было невозможно по многим причинам. Во-первых, глава Конклава Света живет очень далеко, едва ли не на другом конце материка. Во-вторых, он требует с учеников изрядной оплаты за свои труды, а таких больших денег у Риго нет. Да и малых тоже. В-третьих, нужны солидные рекомендации. Таким образом, совет оказался бесполезным.

Среди благородных семейств в Кастельно и ближайшей округе о необычных способностях Риго поговаривали уже много зим, причем далеко не всегда с благосклонностью — люди очень не любят «странных» и не терпят, когда один из них оказывается «не таким, как все». Особен-но ярко подобная нетерпимость проявляется в провинции где незамужняя девушка в восемнад-цать зим уже считается старой девой или ред-костно оригинальной особой, а молодой человек проводящий время за книгами вместо соколиной охоты немедленно обвиняется в отсутствии черт, присущих истинному рыцарю...

— Подожди, — Конан прервал обстоятельный рассказ пуантенца. — Ты можешь взятое объяс-нить, что именно ты умеешь? Я слышал о лю-дях, обладающих врожденными магическими способностями, но рождаются они довольно ред-ко. Среди твоих предков были маги?

— Пра-прадед по материнской линии, жил двести зим назад. Если верить семейному преда-

нию, он владел некоторыми способностями. Что я умею? Посмотри в сторону двери.

Конан послушно взглянул на тяжелый дере-вянный притвор, повернулся в сторону Риго и... И никого там не обнаружил. Сигвальд хмык-нул — асир прекрасно видел обоих, и Конана, и пуантенца.

— Отвод глаз, — услышал варвар голос Риго. Сигвальд заметил как он повел ладонью, снимая заклинание. — Довольно простенькое заклятье, не требующее особых усилий. Но серьезная ма-гия, например боевая, мне недоступна. Еще я умею убеждать, могу направить действия живот-ных — успокоить взбудораженного коня или вы-звать ярость у собаки, открыть любой замок...

— В Шадизаре тебе цепы бы не было, — ус-мехнулся Конан. — Короче говоря, простенькие магические фокусы.

— Именно, — согласился пуантенец. — Ози-мандия сказал мне, что способности надо разви-вать, но для этого нет никакой возможности. Магические книги стоят очень дорого, да и най-дешь их не во всякой библиотеке... А денег со-всем нет. Может быть здесь заработаю, герцог Троцеро обещал щедро платить наемникам.

— Значит, ты попал в наемную армию толь-ко из-за денег? — вздернул бровь киммериец.

— Говоря откровенно, я ехал в Тарантию, — смущенно проговорил Риго. — В столице можно

неплохо устроиться, пойти в помощники к какому-нибудь алхимику, кое-чему научиться. Но отцовское золото я... гм... потерял. Остался без единой монеты.

— И как же тебя угораздило? — осведомился Сигвальд.

— Меня ограбили, — Риго снова покраснел. — Слышали про Биркарта из Абсема?

— Ого! — Конан присвистнул. — Как же! Слыхал, еще во времена, когда жил в Зингаре! Знаменитый и неуловимый рыцарь-разбойник, гроза Пуантена! Не везет тебе, парень!

Биркарт, барон Абсем, владелец крохотного лена на самой границе с Зингарой, стал легендой полтора десятилетия назад, слава о нем расплзлась от Полуденного Побережья до Бритунии и Заморы, а власти Великого герцогства давно остались любые попытки поймать Биркарта и отправить его на галеры — эшафота он не заслужил, поскольку никогда и никого не убивал, все его жертвы оставались живы. На его счету были самые громкие ограбления в Аквилонии — к примеру, исчезнувший караван королевских мытарей в 1281 году, еще при царствовании Вилера! Если быть совсем точным, сами мытари, сборщики налогов, никуда не подевались — пятерых королевских чиновников и десяток латников охраны обнаружили на следующий день привязанными к деревьям и с кляпами во рту в леске не-

подалеку от Гайарда, пуантенской столицы. А вот три повозки, нагруженные золотом и серебром, действительно сгинули в никуда.

Злосчастные чиновники вместе с вояками в один голос уверяли, что Биркарт и двое его сыновей (молодые люди с удовольствие пошли по стопам папаши) действовали только втроем. Это утверждение вызвало у коронных дознавателей справедливый вопрос: как могут три разбойника противостоять пяти тройкам отлично вооруженных людей? Одной только удастью Биркарта такое не объяснишь, поэтому в ход пошла версия о магических способностях барона...

Со временем его разбойничья милость стал такой же достопримечательностью Пуантена, как Башня Леопардов в Гайарде или замок Нарбонет в Толозе. О рыцарственном поведении Биркарта ходили самые невероятные слухи: доходило до того, что некоторые благородные девицы прихватывали с собой из дома тяжеленькие кошельи и в одиночестве разъезжали по дорогам Пуантена, надеясь встретить месьора Биркарта и обменять золото на его любезности. Некоторым везло.

Однако, будь барон Абсем рыцарем или нет, воспитанным человеком или грубияном, сути это не меняло: он являлся самым опасным разбойником в Аквилонии, грозой купеческих обозов и просто мирных путешественников. Герцог

Троцеро, которому смертно надоели бесконечные жалобы подданных и иноземцев, отобрал в казну замок и земли Биркарта и хотел лишить его дворянства, но уложения короля Сигиберта Завоевателя запрещали отнимать титул — дворянин остается таковым даже на плахе.

От потери наследственного лена барону было ни холодно, ни жарко — жалкий клочок земли и каменная развалюха более напоминавшая сарай, чем крепость, не стоили и сотой доли награбленного. Где Биркарт прятал такое огромное количество золота никто, ясное дело, не знал, но среди коронных корсаров Зингары, в числе которых ходил и киммериец несколько зим назад, ходили упорные разговоры о том, что его милость частенько наведывается в Кордаву под чужим именем — отдохнуть от своих сомнительных подвигов и вложить очередную долю награбленного в торговые дома шемитов. Никаких сомнений, с возрастом Биркарт устанет от разбойничьих забав, на сбережения купит лен в Аргосе или Коф и станет добродорядочным дворянином...

Впрочем, это были чистейшей воды домыслы. На покой Биркарт Абсемский пока не собирался, что наглядно доказала недавняя история с Риго.

— Какой из тебя маг, если ты не мог отвести глаза грабителю? — поинтересовался Конан. — Или рассказы о колдовских способностях барона Абсема имеют под собой основание?

— Не знаю, — тяжко вздохнул Риго. — Еду по дороге, впереди всадник... Судя по одежде, человек благородный. Он остановился, навел на меня тяжелый самострел, приказал спешиться. О какой магии может идти речь, если ты находишься под прицелом арбалета?

— Тот-Амон моргнул бы левым глазом, и от Биркарта мокрого места не осталось бы, — со знанием дела ответил киммериец. — Равно и от его арбалета. Спишем на то, что ты явно не Тот-Амон. Что было дальше?

Дальше Биркарт и двое сообщников появившихся из-за деревьев обобрали беднягу до нитки. Вежливо, но весьма настойчиво отобрали все — лошадь, меховой плащ, поклажу, меч, фамильный гербовый перстень и кошелек с отцовскими кесариями.

— Прошу простить меня, сударь, — расклянялся Биркарт напоследок. — Просто вы оказались в плохое время в плохом месте. Сожалею, но моя репутация не позволяет оставить вам и единой серебряшки. К искусству грабежа на большой или малой дороге следует подходить также серьезно, как и к любому другому ремеслу. Я обязан забрать всё. Прощайте, юноша. Надеюсь, это была наша первая и последняя встреча.

Риго пешком добрался до Толозы (идти пришлось две лиги) и понял, что единственным выходом из столь плачевного положения будет

предложение герцогских вербовщиков, расположившихся на главной площади города — армии Троцеро действовавшей на Черной реке, в Боссонии и полуденном Гуантене остро требовались люди. Десятник, записывавший новобранцев, вначале посмотрел на Риго с сомнением — уж больно неказист, — но когда тот продемонстрировал неплохие навыки обращения с холодным оружием, уплатил за ближайшие две с половиной луны пятнадцать полновесных кесарев и отправил Риго с обозом идущим в Боссонию через форт Велитриум, считавшийся своеобразной «столицей» закатных владений Аквилонии. Именно там и располагалась ставка герцога Троцеро. Из Велитриума Риго и два десятка таких же наемников прибыли в Тусцелан.

Бот и вся история.

— Одного не понимаю, — Конан побарабанил пальцами по столу, — почему тебя, дворянина, не пристроили получше? Мог бы остаться в Велитриуме, там спокойнее, а кроме того грамотному образованному человеку можно найти теплое местечко при его светлости... Куда только сотник смотрел?

— А никуда, — грустно улыбнулся Риго. — Сотник был пьян. Кроме того я сам хотел попасть именно на Черную реку?

— Совершать подвиги? — нахмурился киммериец.

— Не знаю, — развел руками пуантенец. — Видишь ли, я отчасти владею даром предчувствия, как и любой человек с магическими способностями. Мне показалось, будто здесь, в Тусцелане, я окажусь нужен.

— Показалось ему, надо же, — Конан посмотрел на Сигвальда. Асир остался невозмутим и ничего не сказал. — Хочешь, я тебя огорчу, граф Риго?

— Я не граф... Титул наследует старший брат.

— Это неважно. Да, я десятник. Однако, от моего десятка осталось два человека, я сам и Эмерт из Боссонии, потом познакомлю... Пикты не шутят, они ведут войну на истребление наших гибнет гораздо больше, чем серокожих дикарей. А бороться с пиктами можно только используя их уловки и приемы, смысл которых сводится к словам: удар из-за угла. Это очень необычная война.

— Я понимаю. Больше того, я чувствую магию.

— Какую еще магию? Где? — не понял Конан.

— На закате, — Риго махнул рукой в сторону двери безымянного трактира. — За рекой. Сильная, чужеродная магия льющаяся сразу из нескольких источников...

— Ты прав, пикты используют колдовство и некоторые твои умения могут нам пригодиться. Бороться с волшебством одним только мечом

почти невозможно, поэтому я согласен взять тебя к себе. Условие одно: мои приказы не обсуждаются, не оспариваются и выполняются в точности, какими нелепыми они бы не казались.

— Но зачем тебе отдавать нелепые приказы? — удивился Риго.

— Частенько спасение наших жизней зависит от хитрости. Рано или поздно разберешься. Ну что, по рукам?

— По рукам.

— Пойдем, покажу где ты будешь жить, затем навестим оружейную, подберем клинок и кинжал. Пока придется обойтись без кольчуги, в Тусцелане таких доспехов очень мало. Хорошая кольчуга стоит безумных денег, я привык обходиться плотной кожаной курткой с железными накладками...

— Можно вопрос?

— Валяй.

— Я никогда не встречал киммерийцев на королевской службе. Ты-то как здесь оказался?

— О-о! — Конан от души расхохотался. — Это настолько долгая история, что нет смысла рассказывать, займет не один вечер! Доел? Топай за мной!

* * *

Конан не без оснований полагал, что неплохо разбирается в военном деле. Опыт у варвара

был большой и разнообразный — владеть мечом он начал учиться на гладиаторских ристалищах Халоги, первое представление о настоящей «правильной» войне получил в Туранде, во времена службы в гвардии повелителя Илдиза, а в Хауранде, при дворе королевы Тарамис, киммериец занял должность легата и водил в бой многочисленную конницу...

Как и большинство варваров Конан очень быстро учился, схватывая на лету выработанные столетиями постулаты искусства войны, да и учителя были отличными — тот же герцог Шарбель, канцлер Хаурана и выдающийся военачальник. Хауран страна маленькая, окруженная могучими соседями: Кофом, Турандской империей и протекторатами Немедии, Коринфии и Заморой. Когда королевство невелико, но весьма богато, всегда найдутся желающие наложить лапу на чужие сокровища.

Хауран владел золотыми копьями в полуденных отрогах Кезанкийских гор, золото мыли на реке Незвайя, колоссальный доход приносили торговые пошлины — по землям королевства проходили основные караванные пути с Восхода на Закат и знаменитая Дорога Королей. Королева Тарамис, происходившая из древнего рода властителей Аскауров Ханирийских владела едва ли не самым известным (и дорогим, разумеется!) самоцветом Хайбории — рубином чистейшей во-

ды называющимся «Небесное Пламя». Этот уникальный камень был не только очень красив, но и нес в себе толику волшебства, приносящего владельцу удачу и долгую жизнь...

Тарамис в те времена, как впрочем и доселе, не была замужем и быстро приметила киммерийца поступившего на службу в гвардию. Конан, если ему это было нужно, умел быть обаятельным и завоевывал женщин не только запредельно мужественной внешностью и уверенно-хитроватым взглядом ярко-синих глаз, но и зачаровывающей как высших дворянок, так и кабацких прислужниц непринужденно-грубоватой обходительностью.

«Ах, какой он непосредственный! — обычно говорили томные красавицы. — К этому варвару из далекой страны следовало бы приглядеться повнимательнее».

Королева Тарамис пригляделась, а вскоре у Конана с ее величеством начался бурный роман продолжавшийся полтора года. Немудрено, что за это время киммериец успел просквозить из неприметных гвардейцев аж в тысячиники и, фактически, спас королевство своей подруги от разорения.

Летом 1282 года по исчислению Аквилонии над Тауроном сгостились тучи. Старый король Нимед, повелитель Трона Дракона, продолжал расширять свою империю — Немедия уже запо-

лучила земли Коринфии и частично взяла под свою руку Замору от Карпашских гор до Аренджуна. Две зимы назад немедийское войско сунулось в Британию, но получило сдачи — британийцы так и не дали воинственным соседям генерального сражения, а просто ушли в леса изматывая армию Нимеда непрестанными вылазками, сжигая припасы и перерезая пути доставки фуража и провизии. В конце концов Трон Дракона принял решение оставить строптивую Британию в покое и обратил взгляд на Полдень, к маленьким и вроде бы беззащитным государствам, Хорайе и Хауранду.

Большая политика есть дело донельзя сложное и тонкое, это Конан уяснил давным-давно. Варвар, даже занимая большие посты при королевских дворах, старался в политику не лезть — не любил грязи.

Поэтому, когда в замок короны явился немедийский посланник с пышными подарками королеве и ненавязчивым предложением «покровительства» со стороны Трона Дракона, Конан не придал этому большого значения — пускай канцлер и королева разбираются сами, это их прямая обязанность. Однако, вечером Тарамис пришла в спальню заплаканная и несчастная, а на вполне естественный вопрос о том, что такого страшного случилось, ответила двумя словами: «это война».

В неизведанные тонкости большой политики Конан не вдавался, хотя ему следовало бы знать, что страны Заката начиная с эпохи Алькоя и Олайета, «первых королей», придерживались равновесия сил. Казусы, конечно случались, достаточно вспомнить Сигиберта Завоевателя — этот, пожалуй самый известный аквилонский король ухитрился разгромить всех соперников, начиная от Зингары и заканчивая Немедией в союзе с Кофом, присоединил Пуантен и расширил границы вплоть до Красной реки; но впоследствии заключил с соседями «вечные» мирные договоры и остановился на достигнутом.

С тех пор к Закату от Кезанкии установился традиционный порядок: три великие державы (Аквилония, Немедия и Зингара) впредь между собой никогда не воевали, а стычки между королевствами второстепенными титанов интересовали мало. Беспокойство королей Вилера и Фердруго Зингарского начали вызывать планы государя Немедии о присоединении «протекторатов», но Замора была слишком далеко, как от Кордавы, так и от Тарантии. О судьбе таких карликов как Хаурен и Хорайя вообще никто не задумывался.

Никто, за исключением великих визирей Турана и повелителя Илдиза — все-таки огромная армия Немедии придвигнется вплотную к рубежам земель, подвластных Аграпуре! Нимед заве-

рил Туран в том, что ни единый латник Трона Дракона никогда не перейдет установленных границ, а то, что налоги с купеческих путей пойдут не в казну Тарамис, а в сокровищницу Бельверуса, волновать Илдиза не должно. Кстати, мы подумаем о резком снижении пошлин для турецких купцов.

В Аграпуре поразмыслили и подтвердили свой нейтралитет — Илдиз не хотел воевать с Немедией из-за крохотных королевств. На мнение Кофийского короля Страбонуса никто внимания не обращал — армия Кофа не могла противостоять Бельверусу.

Руки Трона Дракона были развязаны. Вскоре Тарамис и принцам-соправителям Хорайи было направлено «предложение»: великая и непобедимая Немедия готова защитить ваши королевства от любой угрозы. Достаточно принести вассальную присягу Бельверусу, и вы будете надежно ограждены от любых посягательств. Все-таки рядом Стигия и беспокойный Иранистан, да и некоторые города-государства Шема излишне агрессивны...

В переводе на обычный язык с языка политического это означало: Туран и Немедия становятся двумя единственными державами контролирующими все до единого сухопутные торговые пути с Заката на Восход и с Полудня на Полночь. Зингаре, как морской державе, это было

безразлично, вся ее торговля основывалась на огромном флоте, но вот в Шеме, Кофе, да и в Аквилонии встревожились — тщательно оберегаемая система равновесия рушилась, чаша весов склонялась в сторону Трона Дракона.

Все это рассказала Конану всхлипывающая королева сразу после длительной беседы с немедийским посланником. Честь рода Аскауров не позволяла Тарамис принять условия Бельверуса, но надежды на победу в войне не было никакой — немедийцы попросту сметут маленькую армию маленькой страны...

— Что-нибудь придумаем, — легкомысленно сказал тогда Конан. — Я утром поговорю с канцлером, герцог Шарбель производит впечатление очень умного и преданного тебе человека.

— Но как он сможет противостоять легионам Бельверуса? — Тарамис вновь разрыдалась. — Хорошо, мы запремся в крепостях, попытаемся отсидеться...

— В этом случае Нимед возьмет Хаурен изморм, — справедливо возразил варвар. — Когда в столице закончится продовольствие мы будем вынуждены сдаться. Нет, моя красавица, действовать придется по-другому. Перестань плакать, я же сказал: что-нибудь придумаем. Клянусь честью, я тебя не оставлю в беде!

Тарамис заснула, преклонив голову на плечо Конана, а ранним утром киммериец нанес визит

его светлости герцогу. Месьор Шарбель был человеком пожилым, ироничным и даже иногда переходил границы вежливости, а поэтому встретил варвара недовольным ворчанием:

— А-а, ночной король? — герцог снова уткнулся в разложенные по столу пергаменты с пышными печатями. — Прости, но я занят...

— Хоть и ночной, но все-таки король, — не остался в долгу Конан. — Причем не только король, но и легат гвардии отвечающий за безопасность столицы и ее величества. Тарамис мне все рассказала. Что будем делать?

Шарбель внимательно посмотрел на Конана, вздохнул, и сказал:

— Я давно за тобой наблюдаю, киммериец. Я не вправе осуждать или одобрять выбор королевы, у нее всегда были любовники. Ты кажешься мне не простым искателем милостей и богатства, каких я перевидал не один десяток, но мужем весьма здравым и наделенным большой смелостью... И хитростью, этого не отнимешь. Тарамис права: нам придется защищаться. Защищаться от самой сильной армии Заката. Вопрос не в том, как победить Немедию, а в том как остановиться при своем — вот главная задача. Не сомневаюсь, королева назначит тебя командующим нашим войском, а это всего лишь семь тысяч конных и двенадцать тысяч пеших. То есть примерно два легиона. Немедия может афи-

нуть против Хаурана пять или семь легионов — он стоит в Заморе, рядом с Аренджуном, и в Коринфии, неподалеку от Арелаты.

— Значит, первых гостей можно ждать уже через три седмицы, — Конан прикинул время перехода пешего воинства. Конница в немедийской армии использовалась мало, весь расчет был на тяжелых латников бьющихся в плотном строю и хитроумные осадные машины для взятия крепостей. — Дело серьезное...

— Серьезнее некуда, — согласился герцог. — Давай сделаем так: я займусь политикой, попрошу помочи, хотя бы тайной, у Кофа и шемитов. Отправлю гонцов в Тарантию и Кордаву. Ты же займешься войной...

Месьор Шарбель встал, отодвинул изразцовую панель на стене, за которой скрывался окованый сталью сундук. Погремел связкой ключей, отбросил крышку, извлек футляр для хранения свитков и передал его варвару.

— Почитай. Здесь находятся наши тайные планы по ведению войны с любой из соседних держав. Небольшое государство может или дорого продать свою жизнь, или, обороняясь, дождаться когда в войну вмешаются серьезные люди и обуздают обидчика. На второе рассчитывать не приходится, а значит... Хаурен обязан нанести Немедии наибольший ущерб. Сделать это можно лишь одним способом: атаковать самим. Как

можно быстрее. И, безусловно, в союзе с Хорайей. Я уже выслал депешу принцу Коссусу и принцессе Ясмеле, соправителям. Они помогут, а это еще двадцать тысяч мечей.

— Кажется, я начинаю понимать... — медленно сказал Конан. — Быстро собираем небольшую подвижную армию, переходим границу Заморы и ударяем по немедийским легионам находящимся на марше или в военных лагерях! Так?

— Именно, — кивнул герцог. — Изучи пергаменты. Если что непонятно — спрашивай у меня. Войско должно быть готово в течении пяти дней, еще десять отводится на переход до Аренджуна, а там боги рассудят...

Конан всегда был легок на подъем и умел вести за собой людей. Действовал варвар не только по планам и наставлениям месьора Шарбеля, бывшего весьма искусным стратегом, но и по собственному разумению, инстинктивно чувствуя какие ходы ждет от него противник и нанося удары там, где никто не предполагал появления хауренской конницы.

Первая атака на лагеря легионов Трона Льва состоялся на день Летнего Солнцестояния, легкая кавалерия свалилась на ничего не подозревавших немедийцев как снег на голову. Потом начались постоянные молниеносные вылазки, закончившиеся взятием Аренджуна — это было сделано проще простого, поскольку в городе ос-

тавалась только стража набранная из местных жителей. Аренджун удерживали два дня, потом пришлось уйти. Нанятые в Кофе лучники перекрыли перевалы Карпашского хребта, обозы до мест назначения не доходили, снабжение немедийской армии приостановилась.

Кампания была выиграна еще до начала осени. Именно *выиграна* — ни единый латник Трона Льва так и не ступил на землю Хаурана, поскольку войско Бельверуса было связано в Заморе непрестанными и болезненными атаками небольших отрядов кавалерии. Затем в Аренджуне, Шадизаре и прилегающих областях вспыхнул бунт, который пришлось усмирять. Тогда-то герцог Шербель и отозвал армию Хорайи и Хаурана — Трон Дракона мог рассердиться всерьез и пришибить обоих главными силами, расквартированными непосредственно в Немедии.

Как и предполагалось изначально, все остались при своем, а Конан навсегда уяснил, что в большой войне с численно превосходящим сильным противником надо держать инициативу в своих руках и всегда наносить удар первым, не давая врагу и единой передышки. По большому счету скоротечная война Немедии с Хорайей и Хаураном являлась тому самым показательным примером: два крошечных королевства сумели отбиться от гигантской и могучей империи без больших жертв и потерь.

— Твой клинок спас государство, — сказал потом Конану месьор Шарбель. — Однако, и мое перо не следует недооценивать. Дипломатия есть не менее серьезное оружие — Зингара, Аквилония, Коф и Шем оказались бы очень недовольны захватом Трона Дракона всех торговых путей, Бельверусу прозрачно намекнули, что державы заката не потерпят безраздельного владычества Немедии... Как и всегда на исход войны повлияли соображения денежные. Теперь понимаешь, что миром правит золото?

— А когда было иначе? — пожал плечами Конан.

— Вот и помни эту прописную истину до конца жизни. Особенно если собираешься превратиться из короля ночного, в короля обыкновенного...

Стать владыкой Хаурана и мужем Тарамис у Конана не получилось, хотя он был почти уверен, что давнее пророчество предрекавшее ему корону вот-вот сбудется. Единственno, Хауран никак не тянул на «величайшую державу Заката» как утверждалось в том же пророчестве, да и Тарамис была женщиной чересчур своевольной и независимой...

Словом, не получилось. Как и почему — это совсем другая история.

* * *

Опыт Хаурана киммериец не забыл и мог достаточно трезво оценить положение, сложившееся в закатных владениях Аквилонии. Война с пиктами становилась безнадежной и бессмысленной. По мнению варвара единственным выходом из положения было отступление на рубежи реки Громовой, но это означало, что большая часть Боссонии будет отдана дикарям и с мечтами об окончательном присоединении междуречья к Трону Льва придется покончить навсегда...

Но герцоги Пуантенские, хоть тресни, не желали и слышать об отступлении продолжая тратить казну Гайарда на сбор наемнической армии. Во всей истории Заката нельзя было отыскать precedента, когда один из высших дворян королевства по собственной инициативе спасал страну от нападения извне, не требуя при этом поддержки со стороны короля и золота из казны. Собственно, вся кампания против пиков была организована на деньги Троццеро Пуантенского, а король и двор просто наблюдали из безопасной Тарантии, как один из Великих герцогов при помощи своей «частной» армии противостоит опасному и коварному врагу.

Первые донесения о неспокойствии в Пуще Пиков начали приходить три с половиной зимы назад и тогда же в Тарантии впервые услышали имя Зогар Сага, верховного вождя пиков, сумевшего объединить враждующие племена и об-

ладавшего немалыми магическими способностями. В Пуще последние десять зим стоял мягкий климат, даровавший ее обитателям изобильные урожаи, женщины стали рожать больше детей и в итоге леса за Черной рекой оказались перенаселены.

Зогар Саг нашел выход из трудностей — по его мнению, следовало внезапно захватить порубежные форты Аквилонии на восходной стороне Черной реки, разгромить немногочисленные аквилонские сотни в Боссонии и продвинуться вплоть до реки Громовой, по которой и должна будет пройти новая граница.

Тем временем в Тарантии произошла смена власти — умер король Вилер, его преемником стал Нумедидес, отстранивший от власти соратников нелюбимого дяди и назначивший на самые высокие посты таки же бессталанных людей, как и он сам....

Благодаря новому главе военного коллегиума, герцогу Шамарскому, оберегавшие пиктское порубежье легионы были распущены. На панические донесения об усилении пиков Нумедидес и герцог внимания не обращали — полагали, что наместники, как всегда, паникуют и преувеличивают. По мнению короля и приближенных, один аквилонец стоил десяти варваров. Они не учли главного: пикты совершенно незнакомы с военным искусством, но дикарей слишком мно-

го... И на каждого аквилонского воина как раз приходилось по десятку варваров. В итоге Зогар Саг захватил больше дюжины важнейших фортов, отряды пиктов проникли в Боссонию, даже в Тауран. Лишь тогда канцлер Редрик проникся всей опасностью положения — великая Аквилония неожиданно терпела поражение от диких обитателей Пущи!

Нумедидес отнюдь не отправил на Закат гвардию и не снял с немедийской и огирской границ несколько легионов, обязанных спасти страну от нашествия. Ничего подобного! Полководческий талант герцога Шамарского, никогда не участвовавшего в мало-мальски серьезной войне и не державшего в руках ничего опаснее придворного эспадона с бриллиантами на рукояти, проявился здесь во всей красе. Все лучшие гвардейские отряды остались рядом с Тарантией — оберегать священную особу государя и благополучие двора. Вдруг пикты нападут? Вместо активной обороны военный коллегиум разослав по всем Великим герцогствам панические призывы — спасите Аквилонию! Выделите столько войск, сколько сможете! Казна даже отпустит... э... немного золота ради святого дела избавления государства от напасти!

Бот тогда на сцену и вышли пуантенцы. Герцог Троцеро и его прямой наследник Просперо всеподданнейше уверили Нумедидеса в предан-

ности и лояльности, и выпросили дозволяния действовать на пиктской границе самостоятельно, то есть ввести в Боссонию пуантенскую гвардию. Причем Троцеро согласен оплатить все расходы на войну из собственного кармана.

Надо ли говорить, с каким восторгом было принято в замке короны предложение Великого герцога! Главное — никаких казенных трат и требований помочь подкреплениями!

Для начала воинство Пуантена отбило у пиктов девять фортов и освободило часть Боссонии, затем установилось шаткое перемирие, которое было использовано герцогом для начала создания наемной армии. Троцеро распространил по странам Заката возвывание, обещавшее каждому наемному мечу оплату в полновесном золоте и продовольствие за счет казны Гайарда. К зиме 1285 года Троцеро набрал семь с лишним тысяч отборных людей войны, способных заработать на хлеб, вино и женщин только своими клинками и продолжал увеличивать войско.

Необходимо заметить, что Троцеро и его сын выложили на организацию похода против Зогар Сага сумму, составлявшую две трети состояния пуантенской династии. Рассчитывать на деньги королевского двора им не приходилось. Конан заподозрил — что-то здесь нечисто, но что именно понять не мог. В конце концов герцоги Гайарда платят неплохо и, главное, вовремя...

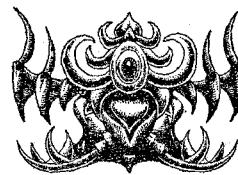

Прежде всего победить пиктов в «правильной войне» было невозможно — дикари приходили Боссонию под покровом лесов, жгли все что видели, убивали всех, до кого могли дотянуться и снова исчезали в туманных дебрях чтобы подготовить новый удар. Война могла затянуться на зимы, а сокровища Пуантена тем временем таяли.

— Или Троцеро не понимает что делает, — сказал однажды Конан Сигвальду, — или наоборот: понимает это слишком хорошо, но его замыслы чересчур мудрены. Выиграть войну с пиктами можно только одним способом: уничтожить источник угрозы, Зогар Сага. А добраться до него невозможно.

— Время покажет, — сказал рассудительный асир. — Наша задача — защищать Тусцелан и поменьше думать о всякой чепухе.

— Это ты зря, — уверенно ответил Конан. — Мы обязаны думать. Хотя бы для того, чтобы остаться в живых...

Глава вторая Сотник войска Пуантена

Тусцелан — Велитриум
Весна 1286 года по основанию Аквилонии.

онана сильно беспокоило уставшееся в последние седмицы подозрительное затишье — пикты возле Тусцелана не показывались, да и судя по донесениям из соседних фортов, Мосамана и Сагларитума, дикари предпочитали не переправляться на левый берег.

Казалось бы, живи да радуйся — зима кончилась, снег начал таять, леса постепенно превращаются в непроходимые топи которые подсохнут только когда станет тепло. Впрочем, тогда же деревья покроются листвами, зазеленеет густейший подлесок в котором так хорошо прятаться метателям дротиков, самого страшного ору-

жия пиктов. Сам деревянный дротик особой опасности не представляет, но острие пикты смазывают ядом, от которого нет спасения...

Сейчас, особенно в ясные дни, когда ветер рассеивал туман, заросли на противоположном берегу отлично просматривались наблюдателями — в основном мальчишками, постоянно дежурившими на стенах Тусцелана. Как только замечалось любое движение, об этом сообщалось десятнику лучников и начиналась охота: стрелки не расходовали стрелы на вышедших к реке оленей или проснувшихся после спячки медведей, однако пиктам было несдобровать. Эмерт из Боссонии, с которым Конан совершил долгое путешествие из Пограничья на Черную реку, за минувшие десять дней подстрелил четверых дикарей осмелившихся взглянуть на аквилонскую крепость. Мощные боссонские луки били точно, стрела могла улететь более, чем на триста шагов, а ее зазубренный наконечник наносил врагу ужасные раны.

Гонцы из Велитриума появлялись редко, что тоже свидетельствовало о длительной паузе в «странной войне» — Троцеро копил силы и, по мнению варвара, пассивно ожидал нового удара с Заката. Одновременно строились новые форты в цепочке оборонительных крепостей вдоль Черной реки и прокладывались дороги. Это было вполне разумно: если аквилонцы не могут напа-

дать, следовательно необходимо усиливать оборону.

«Нападение» непосредственно на Пущу Пиктов выглядело бы откровеннейшим безумием. Никто из ученых мужей Аквилонии, да и прочих цивилизованных стран, не бывал за Черной рекой для того, чтобы составить точный план этих земель. А если и бывал, то обратно не вернулся — к незваным гостям пикты всегда относились крайне враждебно. Таким образом получалось, что территории от Боссонии до Закатного океана являлись для аквилонцев одной огромной ловушкой. Дорог, понятно, там не было, даже опытные следопыты понятия не имели о расположении болот и речек, о местонахождении пиктских деревень и так далее, и так далее.

Относительно неплохо была описана береговая линия Пуши вдоль океана — благодаря надо зингарских мореходов и вездесущих корсаров с Баракас, которые умудрялись даже торговать с прибрежными племенами, выменевая на безделушки и ткани кость зверя и редкие травы использовавшиеся при создании магических декоктов. Конан лично знал одного из капитанов, Санчеса из Мессантии, высадившегося неподалеку от бухты Транникоса и углубившегося в Пушу на десяток лиг — Санчес был горазд приврать, но крупицы истины из его невероятных баек киммериец вычленить сумел.

Во-первых, пикты хоть и были людьми, но поклонялись неведомым божествам не-людей — в этих лесах сохранились древние верования исчезнувших народов, о'ши и кро-мара, о которых даже кхарийцы говорили, как о легенде отдаленного прошлого.

Во-вторых, тысячелетняя изоляция Пуши от созданной хайборийцами цивилизации сделала пиктов едва ли не самым таинственным племенем материка — их обычаи, традиции и образ жизни оставались загадкой. Самые распространенные предрассудки приписывали пиктам жестокость, кровожадность, каннибализм и прочие малопривлекательные черты, что, в целом, было верно. Конан, будучи человеком здравомыслящим, подозревал, что аквилоны несколько преувеличивают — окажись дикиари такими монстрами, какими их описывает расхожая мольба, они давным-давно перерезали бы друг другу. Тот факт, что пикты плохо относятся к чужеземцам еще ни о чем не говорит, киммерийцы тоже не жалуют гостей из-за гор за исключением родственных темрийцев.

В-третьих, у пиктов своя собственная, непостижимая магия никак не относящаяся к трем Великим Краскам — Алу, Белому и Черному, традиционному волшебству хайборийцев. Некоторые многоученые преподаватели тарантайской Обители Мудрости предполагали, что пикты «не

совсем люди» и ведут свой род от бывших племен обитавших на материке после исчезновения валузийцев-змееногих, но еще до прихода кхарийцев. Основанием тому служили необычный серовато-голубой цвет кожи дикарей, вытянутая форма черепа и странный разрез глаз.

В эти рассказы Конан не верил — да, пикты крайне необычный народ, но все-таки они самые настоящие люди. А то, что они пользуются магией древних, означает только одно: это племя ухитрилось сохранить традиции докхарийского мира, о котором практически ничего не известно. Летописей по понятным причинам не сохранилось, а предания смутны и недостоверны.

Божества пиктов не вызывали у варвара ничего, кроме неприязни и отвращения — не столь давно возле Тусцелана появился Дух Лесов, Вендикко, по преданию просыпающийся раз в сто зим на сто дней. Конан видел это существо собственными глазами, и мог смело утверждать, что чудовища отвратительнее прежде не встречал, хотя на пути варвара попадались непредставимые монстры...

Вендикко удалось изгнать не без помощи Сигвальда-года призвавшего в помощь Доннара, великого бога Полуночи, однако не было никаких сомнений в том, что серые глубины лесов Пуши и туманы болот скрывают тварей не менее жутких и смертоносных.

Недаром Риго постоянно твердит о некоей колдовской силе, затаившейся в чащобах правого берега Черной реки...

Выводы из всего вышесказанного можно сделать однозначные и печальные: война с пиктами бесперспективна. Междуречье Черной и Громовой можно защитить только созданием прочной оборонительной линии на протяжении нескольких сотен лиг, когда будет охраняться весь восходный берег.

Десятки, если не сотни фортов, тысячи людей... А ведь далеко на каждого заманишь в Боссонию обещанием бесплатных земель — еще при короле Вилере был издан указ о том, что любому желающему переселиться в провинцию Конаждохара будет выделен надел и помощь из казны. Ну мединес последнее обещание выполнять, кстати, не собирался — о его скверности и воровстве ближайших клевретов уже начали складывать легенды.

Самым главным в Тусцелане был сотник Рагнар из Шамара. Командовать ему приходилось четырьмя сотнями мужчин, из которых составлялся постоянный гарнизон, ста десятью асирами-наемниками присланными в Тусцелан его светлостью Троцеро и «мирным населением» в виде двухсот с лишним женщин, подростков и детей — Рагнар вооружил каждого, даже детишки таскали с собой ножи или самострелы.

В целом форт был вполне способен выстоять даже в случае нападения нескольких тысяч пиктов. У обороняющихся всегда более выгодная позиция, чем у нападающих. Больше того, к лету Рагнар планировал строительство новой стены и двух бастионов — в форте стало тесновато, и Конан заметил, что если все так пойдет и дальше, через пару-тройку зим Тусцелан превратится в небольшой городок. Тогда сотнику придется даровать титул наместника короны, хотя Рагнар формально давно стал полутысячником, достаточно посчитать сколько мечей ему подчинены прямо сейчас...

Рагнар Шамарский, не взирая на грандиозные планы, имел основания сомневаться в окончательной и уж тем более скорой победе. Во время очередного разговора с Конаном, касавшегося каких-то неинтересных повседневных дел, вроде доставки фуража с Восхода, сотник высказался в том смысле, что для строительства укреплений вдоль всей Черной реки потребуется общий доход королевской казны эдак зим за десять. Ну мединес на такое никогда не пойдет, а оставшиеся денег герцогов Пуантена хватит очень и очень недолго...

— В действиях Троцеро нет никакой логики, — сокрушенно вздыхал Рагнар, прикладываясь к кружке с пивом. — Поддержки от королевского двора никакой, говорят, будто налоги в

Пуантене подняли вдвое, а золото герцог бросает в это бездонное болото!

— В болото? — переспросил киммериец. — Очень точное сравнение. Но меня не оставляет ощущение, что Троцеро ввязался в войну на Черной реке не только ради спасения Аквилонии от нашествия пиктов. Он создает собственную армию, которая независима от военного коллегиума Тарантии и выполняет только приказы Пуантенских владык... Я таких случаев не припомню. Подумать только, перепугавшийся король разрешил одному из высших дворян создать частное войско! Зачем? Для борьбы с пиктами, переходящими границу, было бы достаточно легкой конницы. И отрядов под командованием опытных следопытов, способных перехватить дикарей в лесах... Не понимаю!

— От нас требуют не понимания, а доблести. Мы — единственный щит Аквилонии. Никто не хочет повторения событий прошлого и позапрошлого лета...

Да, тогда Аквилония потерпела пожалуй самое унизительное поражение за всю историю. Бессспорно, войско Трона Льва в прошлом не один раз бывало разбито, однако в Боссонии аквилонцев разгромили разрисованные татуировками дикари! Не благородные немедийцы или зингарцы, а бездоспешные и скверно вооруженные пикты! Позор!

Этот позор был усугублен колоссальными потерями — сожжены десятки поселков и фортов, пикты превратили всю закатную Боссонию в развалины, их передовые отряды были замечены всего в десяти лигах от такого крупного города как Галпаран, что вызвало всеобщую панику... Как это можно назвать? Стыдом и бесчестьем! Армии Трона Льва, над которой еще сияла слава великих побед Сигиберта Завоевателя, была нанесена оглушительная оплеуха! Но король и его приближенные предпочли спрятать голову в песок и доверить спасение чести государства Великому герцогу Пуантена, причем за его собственный счет.

Непонимание происходящего киммерийцем было вполне оправдано. Гибкий варварский рассудок привык выстраивать мозаику их отдельных осколков, что всегда позволяло Конану выходить победителем из самых затруднительных ситуаций. Но сейчас десятник войска Черной реки был всерьез озадачен: что задумали герцог Троцеро и его деятельный наследник?

«Разберемся» — это было одно из любимых словечек киммерийца. Предчувствие никогда не подводило варвара, вот и сейчас он точно знал, что рубеж Черной реки окажется поворотным пунктом в его судьбе. Что именно изменится Конан предположить не мог, но ждал чего-то очень и очень необычного...

* * *

— Тоска немыслимая, — Конан навестил сотника поутру, обнаружив Рагнара за разбором дешев, доставленных посыльным из Велитриума. — Да простит меня Иштар Милостивая за такие слова, но хоть бы пикты напали... Можно пострелять да поорать, все ж развлечение.

— Слюнь, — киммериец сложил пальцы правой руки в знак, отпугивающий нечисть. — Накличешь ведь!

— Что накличу? — седоусый Рагнар оторвался от пергаментов и поднял взгляд на варвара. — Люди засиделись без дела, отчего проистекают безобразия. Вчера нордлинги передрались в таверне с аквилонцами, едва разняли. Причем начали кулаками махать из-за сущей ерунды, спорили какое пиво лучше, из солода или хмеля. Безействие войска, даже такого маленького как у нас, влечет за собой одни неприятности. Некуда силу девать.

— Надеюсь, никого не покалечили?

— Ерунда, несколько разбитых носов, да еще десятник Хогарт из Бингена палец сломал...

— Что от герцога слышно? — варвар указал на желтоватые листы с сними печатями на которых были изображен герб Пуантена, три леопарда с поднятыми лапами в геральдике именующимися «идущими львами настороже».

— Ровным счетом ничего, — вздохнул сотник. — Еще скучнее, чем наше бытие в Тусцелане. Такое чувство, что я сижу в купеческой конторе где-нибудь в захолустном городишке на окраине королевства.

— А разве это не так? Тусцелан самая что ни на есть окраина и захолустье каких поискать! — усмехнулся Конан.

— Вот, погляди, — Рагнар подтолкнул к варвару один из пергаментов. — Сколько стрел, мечей, кольчуг надо подготовить. Фураж для лошадей, провизия опять же... Понятно, что никакая армия не может действовать без снабжения, но я-то здесь при чем? Меня сюда поставили над людьми командовать и в бой их водить! Я в семи войнах участвовал, начинал еще при короле Хильдерике II, батюшке покойного Вилера! А теперь что?

Распереживался сотник изрядно и решил как следует выговориться. Досталось всем, начиная от пиктов вместе с их проклятыми болотами, и заканчивая сумасшедшими пуантенскими герцогами ввязавшимися в войну, которую невозможно выиграть.

В конце своей бурной речи Рагнар пошел на государственное преступление в виде «оскорблении величества словом» и обложил возлюбленного государя Нумедидеса красочными плошадными ругательствами.

— Не хочешь проветриться? — неожиданно осведомился Рагнар, когда поток обличений иссяк. — Никаких вылазок за реку, герцог в своем послании на время запретил следопытам соваться в Пущу... Поедешь в Велитриум, отвезешь донесения. Заодно попробуешь разузнать, что задумал Троцеро и как мы собираемся вести летнюю кампанию. Согласен?

— Конечно согласен! — оживился Конан. По сравнению с Тусцеланом форт Велитриум мог считаться крупным и оживленным городом, ничуть не хуже Галпарана или Танасула. — Надолго отпускаешь?

— Путь туда-обратно по эдакой распутице займет пять дней, еще пять дней можешь развлекаться в Велитриуме.

— Можно взять с собой Эмерта и Риго? В одиночку ехать скучно, да и небезопасно, всякое может случиться.

— Без трех человеку мы уж как-нибудь обойдемся, — согласился Рагнар. — Кстати, что за человек этот Риго? Все удивляюсь, зачем ты взял к себе этого желторотого птенца?

— Нормальный парень, — уклончиво ответил киммериец. — Оыта никакого, зато старательный. Каждый день к нордлингам ходит, в поспешном сражении на незаточенных мечах поучствовать. Молодежь нужно учить, иначе кто нам на смену придет?

— Правильно, правильно, — покивал сотник. — Отправитесь завтра с рассветом, вечером загляни за письмами я с ними еще не закончил...

Эмерт Боссонец вести о предстоящем путешествии не обрадовался, но и огорченным не выглядел. Он вообще очень редко выражал свои чувства — прирожденный молчун и тихоня. С Эмертом Конан познакомился прошлой осенью, когда завертелась долгая и насыщенная самыми невероятными событиями история с Книгой Бытия, сокровищем народа оборотней. Веселье продолжалось две полных луны, за это время компания в составе нынешнего короля Пограничья Эрхарда, его племянника, Конана, стигийского мага Тотланта и еще нескольких искателей приключений успела поднять на уши всю полуночную Британию и Пограничное королевство.

Когда все благополучно закончилось и Книга Бытия была найдена, Эмерт собрался возвращаться на родину, в Боссонию, и зазвал Конана с собой — война с пиктами была в самом разгаре. Оба наемника пересекли Немедийские горы, спустились в долину реки Хорот, а оттуда и до Велитриума было рукой подать. Эмерт полагал, что он обязан защитить свою страну от дикарей, а Конана подталкивало ощущение грядущих больших перемен...

К Риго Эмерт отнесся благосклонно и начал учить его стрельбе из тяжелого боссонского лу-

ка, но это искусство давалось молодому пуантенцу с трудом — для того, чтобы натянуть тугую тетиву требовалась медвежья сила. Риго было куда проще управляться с нордхеймским мечом, сравнительно легким рубящим оружием со скругленным оконечьем, которое в умелых руках превращалось в неотразимую молнию. Но и тут не обошлось без трудностей: привычные Риго узкие мечи Пуантенских дворян предназначены для фехтования, а вот рубить ими затруднительно. Пришлось переучиваться — помогал Сигвальд для которого меч являлся своеобразным продолжением руки.

... Снарядились еще ввечеру, а выехали после восхода солнца, чтобы не подвергать себя лишней опасности — ночной путник для пиктов был легкой добычей. Ничего лишнего с собой не взяли, только небольшой запас еды, фляги с разведенным вином, теплые вещи и, разумеется, оружие. У лошадей были подковы с небольшими шипами, изобретение нордлингов — конь почти не скользит на льду. Каждый из всадников прихватил с собой «боссонский арбалет», лучшее оружие самообороны в здешних условиях: небольшой самострел с тетивой-проводкой отправлял тяжелый стальной болт размером с мужской мизинец на двести шагов и пробивал любую броню кроме, пожалуй, панцирей тяжелых аквилонских кавалеристов.

— Неуютно здесь, — поежился Риго, когда лошади покинули открытое пространство вокруг крепости и вошли под полог серого леса. По счастью утро оказалось ясным, туман висел только над оставшейся за спинами рекой. Дорога, пролегавшая по узкой просеке, была покрыта начинаяющим таять людом, но копыта лошадей пока не проваливались в ледяную кашу. — И звуки нехорошие...

— Нехорошие, верно, — согласился киммериец, ехавший третьим в цепочке. Посередине шел конь Риго, первым поставили зоркого Эмерта, способного приметить самое малейшее движение. — Однако, не опасные. Вот, слышишь?..

В отдалении угрожающе заухало.

— Это птица, похожая на цаплю, — объяснил Конан. — Охотится на рыбу в заводях. А что орет противно, так нам это без разницы. Тебе обязательно надо научиться различать голоса птиц и животных, меньше будешь бояться.

— Я не боюсь, — насупился Риго. Обычный дворянский гонор. Благородный человек, особенно из Пуантена, никогда не признается в своем страхе. — А это что за рык?

По лесу разнеслось низкое ворчание, Конан только поморщился:

— Медведей никогда не видел? Весна, они просыпаются, вылезают из берлог и начинают искать добычу. Небось с сородичем сцепился.

Так или иначе чащоба выглядела угнетающе — голые ветви деревьев с висящей на них мокрой паутиной, скрип раскачивающихся под ветром стволов, резкие щелчки ломающихся веток. Над головами изредка мелькали странные тени: только в Пуще и окрестных лесах водились летучие мыши которые появлялись днем. Конан, прежде бывавший в этих местах знал, что пейзаж более напоминающий мертвые Серые Равнины царства Нергала, чем обычный лес, очень быстро изменится — станет тепло, все вокруг зазеленеет и жизнь забурлит как лава в кратере огненной горы.

Однако и сейчас можно было нарваться на серьезные неприятности.

Саблезубые тигры встречались редко, но недооценивать эту опасность не стоило — сколько было случаев, когда огромная хищная кошка залегала в засаду у просеки, дождалась одинокого всадника и последнему очень везло, если жертвой оказывалась только лошадь. Выше по течению реки, далее к Полуночи и Киммерийским горам водились серые медведи, в Боссонии можно было встретить стаи «желтых волков» отличавшихся от обычных сородичей более крупными размерами и золотистой шкурой и коричневатыми полосками. Но в любом случае хищника опаснее человека, здесь не увидишь — каждое мгновение приходится быть начеку, особенно ко-

гда до ближайшего аквилонского форпоста половина пути.

Леса сменялись заболоченными полями с деревьями-карликами, появлялись овраги, изредка можно было заметить темно-красные и серебристые гранитные скалы, выпрашивающиеся из земли и снега подобно великанским пальцам. Киммериец, отлично изучивший эти места, старался по возможности сократить путь — чем быстрее едешь, тем безопаснее. Частенько всадники покидали извилистую просеку и двигались через редкий лес или по тропкам между незамерзающими трясинами.

Первый след пиктов был обнаружен на границе болота и густого ельника. Чернело недавнее кострище, на прежних лежанках был навален лапник.

— Передохнем, — решил киммериец, спрыгнул с седла и машинально набросил на морду коня холщовый мешок с овсом. — Эмерт, не слабеяй! Судя по следам дикиари были здесь три или четыре дня назад, но кто знает где они теперь...

— Митра Всеблагой... — Риго, стоявший возле стылого кострища, отшатнулся. — Десятник! Кажется, это человеческий череп!

— Точно, — спокойно кивнул Конан, присев на корточки. — Своего сожрали, что ли? Охотиться весной сложно, пикты иногда жертвуют

кем-нибудь из сородичей чтобы выжили остальные.

Киммериец взял обгоревшую палку и начал потихоньку разгребать холодные угли и пепел. После воздействия огня череп мог рассыпаться в прах.

— Нет, это не пикт, — заключил варвар присмотревшись. — Дикии съели пленного. Таким образом сразу появляется несколько вопросов...

— Как здесь оказался аквилонец, верно? — подал голос Эмерт.

— Давай посчитаем, — Конан встал и отряхнул штаны. — До Тусцелана примерно три лиги, однако никто из наших в последние дни не исчезал. Форт Лагрант стоящий на четверти пути до Велитриума еще дальше, десять лиг. Кто мог ехать в одиночку? Гонец?

— Вполне мог, — согласились в один голос Эмерт и Риго.

— В таком случае давайте повнимательнее осмотрим стоянку. Пикты никогда не таскают за собой пленных, если, конечно дело происходит на нашем берегу, а не в Пуще. Поймали, убили, съели, по-другому они себя не ведут. Для нас пленник — возможный источник сведений о противнике, а для дикарей всего лишь обуз или возможный обед. Ненужные вещи пойманного врага они попросту выбрасывают. Ищите. Ищите что угодно! Снег за минувшие три дня выпадал

всего однажды и уже подтаял. И давайте повторимся, нам нужно успеть в Лагрант до наступления сумерек!

Самым внимательным, как и обычно, оказался Эмерт — лучники всегда считались остроглазыми. Увидел блеснувшую среди начидающего чернеть снега искорку, ковырнул носком сапога и вытащил на свет обычновенный медный тубус для депеш. Совсем небольшой. Конан и Риго в это время успели найти несколько ремешков от конской упряжи, две серебряные монеты и пустую сумку-споран танасульской выделки.

— Как хорошо, что пикты не умеют читать, — проворчал киммериец открывая крышку футляра. — Они просто не понимают, каким замечательным изобретением являются буквы! Так-так, взглянем... Ничего не понимаю! Это что, шифр? Тайнопись?

Самым образованным был Риго, но когда Конан передал ему листок пергамента, пуантенец только рассмеялся:

— Ничего особенного, десятник! Ты должен знать, что Пуантен говорит на собственном наречии, отличном от аквилонского. Наш язык больше похож на зингарский, хотя знаки одинаковые. Вот и вся тайнопись. Адресовано некоему тысячнику Бертрану из Альби. Кто это?

— Наместник полуденной части Конаджохары, постоянно квартирует в форте Мосаман, это

ниже по течению Черной реки, — моментально отозвался Конан. — Наши ближайшие соседи. Бертран — один из приближенных герцога Трочеро! Что там написано?

— «Будьте готовы к нападению не позднее начала третьей осенней луны, — продекламировал Риго. — Предположительно, основной удар придется на области, полуночнее Тусцелана, заслонены выставлены. Сообщите всем командирам фортов о приближающейся опасности. Главная задача — остановить пиктов связав их осадой порубежных крепостей и продержаться до подхода подкреплений. Отряды следопытов переправятся на левый берег немедленно по началу вторжения. Пусть Митра ведет вас! Просперо, наследник короны Гайарда».

— Я возвращаюсь, — проронил Эмерт. — До Тусцелана рукой подать, а там и Мосаман рядом. По-моему это очень важная депеша. Ее необходимо доставить Бертрану.

— Безусловно, необходимо, — согласился киммериец. — Но разве Просперо так глуп, чтобы послать единственного гонца? Их еще как минимум пятеро, хоть один да доберется...

— Одному ехать обратно? — вытаращился Риго. — Это ведь очень опасно!

— Конечно опасно, — ответил за боссонца Конан. — Но Эмерт у нас человек необычный... Проберется. Подумайте лучше о другом. Откуда

Просперо и его папочка знают о предстоящей атаке дикарей на Боссонию? У них что, свои шпионы в Пуще? Быть не может! Какие еще «отряды следопытов» которые должны переправиться на тот берег? Зачем?

— Много думаешь, — буркнул Эмерт, отобрал у Риго свиток, сунул его за отворот кожаного колета и направился к своей лошади. — Езжайте в Велитриум. Судя по письму, у нас еще четыре седмицы в запасе, успеете вернуться.

С тем Эмерт запрыгнул в седло, поддал скакуну шпор и исчез за деревьями.

— Вдвоем еще хуже, — расстроился Риго глядя вслед кобыле боссонца. — Очень не хочу, чтобы нас съели дикари.

— Подавяйтесь, — самоуверенно ответил Конан. — Со мной не пропадешь, я удачливый.

— А почему ты сказал, что Эмерт необычный человек?

— Он не совсем человек. Эмерт — оборотень, из племени Карающей Длани.

— Что-о? — потрясенно протянул пунтеноц. — Их ведь совсем не осталось! Оборотни-люди вымерли!

— Не говори о том, о чем не знаешь. Племя Карающей Длани обитает в Пограничье, оборотней довольно много. Плохо только то, что Эмерт — полукровка, превращается с трудом... Да и какая разница, попадется банде пиктов

один человек или двое? Так или иначе мы выиграем. Знаешь почему?

— Почему?

— Эмерт в самом крайнем случае использует свои способности, а мы с тобой вообще непобедимы!

— Почему?

— Вот заладил! Да потому, что неплохой боец вроде меня и маг наподобие тебя всегда могут составить великолепную боевую пару! Вот помни мы с Тотлантом из Стигии...

Конан осекся увидев, как изменилось выражение лица Риго. Парень просто застыл, будто кролик завидевший удава. Киммериец, не поворачивая головы, огляделся — скосил глаза. И выругался про себя.

Шесть пиктов с натянутыми луками справа, еще трое с дротиками левее и ближе к ельнику. Лучные стрелы, если каменные наконечники не отравлены, это чепуха — кожаный доспех они не пробьют, только бы в голову не попали. А вот дротики, это серьезно. Достаточно одной царапины, и ты вскоре отправишься к Нергалу, повелителю Серых Равнин!

— Никакой паники, — одними губами сказал Конан помертвевшему Риго. — Если ты не поможешь, мы оба умрем. Сосредоточься, как перед выстрелом из лука... Наведи на них морок! Ты ведь умеешь, сколько раз мне показывал! Ну!

Пуантенец шумно выдохнул. Невозмутимый взгляд небесно-синих глаз варвара подействовал на него успокаивающе, хотя варвар отлично понимал: их судьбу решают мгновения и сам начал втихую паниковать.

— Сделай шаг влево, — прошептал Риго. — Кажется, должно получиться...

И получилось.

* * *

Всего пиктов было двенадцать, полная дюжина. Девять в прямой видимости, еще трое в засаде. Одиннадцать мужчин и одна женщина, судя по роскошным татуировкам, ведьма. Ее Конан убил первой.

Давненько варвару не приходилось действовать с такой быстротой — неизвестно, насколько сильна магия Риго и как долго продержится заклятие отвода глаз, когда человек на время становится невидимым или кажется противнику некоей неодушевленной вещь, вроде коряги или поваленного ствола.

Киммериец, не склонный переоценивать собственные силы, на этот раз счел себя если не великолепным, то по крайней мере очень искусным. Конан полностью доверился Риго, посчитав, что после одного-единственного шагка в сторону пикты его не увидят. Ну а если увидят — придется биться насмерть и умереть в бою.

Первый прыжок к дикарям с дротиками. Клинок извлекается из ножен, сами ножны сбрасываются вместе с поясом — Конан очень любил всякие полезные изобретения в военном деле и давным-давно запасся «аргосской перевязью»: дернул за металлическую нить, и все замочки пояса разошлись. Первым делом пиктская ведьма — пускай сейчас холодно, но она носит только меховую набедренную повязку и обтянула груди грубым холстом, волосы увязаны тремя узлами на висках и затылке... Сильный удар отточенным мечом способен полностью отделить голову человека от туловища, что и произошло; тем более что меч у Конана был редкостный, выкованный гномами Граскаля. Двух телохранителей ведьмы киммериец пропорол лезвием насеквоздь.

Где Риго? Вот сумасшедший! Пуантенец, пользуясь заклинанием морока, решил взять на себя совершенно не свойственные магу обязанности — кинулся с нордхеймским мечом на лучников! Конан, будучи человеком крупным и довольно тяжелым, все-таки оказался быстрее. Опередив Риго варвар расправился с шестью пиктами несколькими взмахами меча, подбежал к лошади, отбросил клинок, сорвал с тонкого ремешка самострел и за считанные мгновения выпустил три болта в оставшихся дикарей неумело прятавшихся за елями — хвала Митре, взвод у «бос-

сонского арбалета» был легкий и бил он с потрясающей точностью.

— Ф-фу, — Конан вытер ладонью пот со лба. — Риго, ты живой?

— Вроде живой, — вполне бодро ответил пуантенец. — Они все... погибли?

— На наше счастье! Я ж говорил, ничего страшного! Видишь, обошлось.

— Обошлось? — теперь Риго испугался всерьез. Запоздало. Бессильно опустился на талый снег. — Слушай, я впервые использовал магию в настоящем бою...

— Ну и молодец! Ты, главное, и потом действуй так же хорошо!

Пуантенец приободрился. Похвала от такого опытного человека как Конан была ему приятна. А сам варвар знал, что если человека не похвалишь даже за самый малый успех, ничего толкового из него не выйдет. Добрые слова от командира добавляют уверенности в себе. Киммериец уже отлично представлял, как в ближнем или отдаленном будущем Риго будет хвалиться победой над целой дюжиной вооруженных до зубов пиктов, которую одержал он сам и некий варвар из отдаленной полуночной страны. Главное, чтоб не загордился.

— Осмотрим тела, — построжал Конан, снова превращаясь в десятника войска Черной реки. — И смотри в оба глаза, вдруг один из дика-

рой не умер, а только ранен! Мигом получишь костяным ножом в горло или грудь!

* * *

— Пиктов с самого начала недооценивали. Они могут быть стократно дикарями оставившими за спиной несчитанные поколения беспросветного варварства, но дураками назвать их никак нельзя...

Этот разговор происходил уже за крепкими стенами форта Лагрант, куда путники добрались перед самым закатом. На ночевку устроились в таверне. Роскошными яствами здесь не потчевали, но Конана и Риго более чем устроила жареная баранина с горячим хлебом и можжевеловым пивом.

Пуантенец продолжал оставаться под впечатлением недавнего приключения, Конан же не уставал делиться своими знаниями о противнике. Никаких сомнений, более чем обширными знаниями: киммерийцу с лихвой хватило шести лун, чтобы как следует изучить пиктов как по рассказам бывалых следопытов всю жизнь проживших в Боссонии бок о бок с дикарями, так и на собственном опыте.

Риго отлично понимал: чем больше знаешь, тем больше шансов уцелеть, и не уставал засыпать варвара вопросами.

— Ни один пикт не имеет и малейшего представления о таких сложностях, как построение пехоты или тактика боя в общем строю. Им это попросту не нужно! А вот аквилонцы изначально полагали, что эта война ничем не будет отличаться от всех прочих войн с цивилизованными соседями. И, ясное дело, влипли. Пикты очень сообразительны! Знаешь почему мы сегодня едва не отправились к Нергалу? Дикари прекрасно знают что такое «гонец», бедолагу перехватили и... ну, ты сам понимаешь. Затем пикты вполне здраво рассудили, что своре всего гонца будут искать и устроили неподалеку от дороги засаду.

— Я беспокоюсь, добрался ли Эмерт...

— Не дергайся, ничего с ним не сделается. Завтра лучше бы выехать пораньше, чтобы к вечеру оказаться на берегу Громовой и переправиться на восходный берег. Доедай и пошли спать.

Междуречье Черной и Громовой спокон веку именовалось «Боссонскими топями», хотя ближние болота располагались закатнее, а ближе к старой Аквилонской границе росли хвойные леса — дерево поставлялось на корабельные верфи Аргоса и Зингары.

Поданные Трона Льва селились в междуречье с тех пор, как Сигиберт Великий окончательно присоединил к землям короны закатную Боссонию и начал строительство городов вдоль русла Громовой.

Чем дальше на Восход, тем больше признаков цивилизации. Форты уже не деревянные, а каменные, обнаружилась даже мощеная гранитными плитами дорога, построенная каторжниками при Вилере. Встречаются разъезды пуантенской конницы — не меньше, чем пять всадников. Примет недавней большой войны предостаточно: сожженные деревни и отдельные хутора, на подъездах к фортам завалы из бревен. Пиктов выбили отсюда прошлым летом ценой больших потерь, некоторые крепости находились в осаде почти две луны...

Несомненно, здесь было куда безопаснее чем на берегах Черной реки, но Троцеро никогда не забывал о том, что появления дикарей можно ожидать где угодно и когда угодно.

Если левый берег Громовой был низким и пологим, то противоположный наоборот, оказался высок и обрывист. А над обрывом возвышались стены Велитриума — назвать эту крепость «фортом» можно было только по традиции, в действительности же Троцеро превратил бывшее пограничное укрепление в настоящий город. Вокруг стен появились дома, построили храмы Митры и Иштар, население возросло почти до восьми тысяч человек.

Сообщение с закатным берегом было лодочным или паромным, на деревянных платформах перевозили лошадей и грузы. Конан и Риго весь

день подгоняли лошадей, лишь дважды остановившись на короткий отдых и успели к последнему парому — ночью пересечь реку было невозможно.

— Где остановимся? — поинтересовался пуантенец, когда копыта лошадей застучали по деревянному настилу.

— Хороших постоялых дворов в Велитриуме несколько, — ответил Конан. — Но я предпочитаю «Синего ястреба», останавливался там в прошлом. Еда приличная, служанки сговорчивые... Управу его светлости навестим утром, отдадим депеши Рагнара. У тебя деньги есть?

— Немного.

— Понадобятся — спрашивай, я прихватил с собой лишних пятьдесят кесарiev, вполне хватит для того, чтобы отдохнуть даже в Тарантии! И вот еще что: прислушивайся к разговорам, особенно обращай внимание на слова гвардейцев Гайарда...

«Золотой ястреб» оказался большущим двухэтажным зданием с пристройками, сооруженным из тяжелых бревен. На первом этаже обширная обеденная зала, на втором и во флигелях — комнаты для постояльцев. Хозяйку Конан знал лично: Ормеа Зигнарка, внушительная рослая женщина пятидесяти зим, в свое время была грозой побережья Шема. Да-да, нынешняя владелица постоялого двора по молодости ходила в пиратах.

на Полуденном океане, а с возрастом решила ос-
тепениться и стала содержательницей лучшего
постоялого двора к Восходу от аквилонской сто-
лицы. Исходящая от пиктов угроза ее не беспо-
коила — после бурных приключений на море ди-
кари казались Зингарке чем-то наподобие мос-
китов: неприятно, но не опасно.

— Кого я вижу! — взревела госпожа Ормеа
едва завидев варвара. Конана она уважала, по-
скольку слава удачливого корсара, известного
под именем Амра-лев, шла далеко впереди ким-
мерийца. Когда Белит и Конан на «Тигрице» уст-
раивали свои знаменитые набеги на Стигию, Ор-
меа уже собиралась отойти от дел. — Синегла-
зый киммерийский выродок! Решил навестить
старую больную женщину? Добро пожаловать!
Проходи и считай «Синего ястреба» родным до-
мом!

— Она всегда так кричит? — осведомился Ри-
го. Госпожа Ормеа ничуть не выглядела «ста-
рой» и уж тем более «больной», вовсе наоборот:
пышущая здоровьем впечатляющая женщина,
казалось, могла свалить с ног быка кулачным
ударом.

— Всегда, — так же тихо ответил Конан. —
Покомандуешь пиратским караком зим пятнад-
цать, и не так орать начнешь. — И уже гром-
че: — Здравствуй Ормеа! Почему это я — выро-
док?

— Все вы варвары одинаковы! Что нордлин-
ги, что киммерийцы, что пикты! Что это за пте-
нец с тобой?

Хозяйка оценивающе взглянула на Риго. Особо-
го впечатления он не произвел.

— Он из моего десятка, в Тусцелане, — отве-
тил Конан не вдаваясь в подробности. Ормеа
продолжала реветь, ровно гвардейская труба:

— Свободных комнат нет, но вас я обязатель-
но устрою! На сеновале может сейчас и прохлада-
но, однако теплых меховых одеял у меня вдо-
воль! Эй, всего самого лучшего Амре-льву! Ради
тебя распечатаю бочонок с черным аргосским,
ты ведь всегда любил это вино! Конан, позвать
милашку Кармину? Она тебя часто вспоминала!
И для твоего парня девочка найдется!

— Может, я обойдусь? — пискнул было Риго,
но варвар исподтишка показал ему кулак и
графский отприск, непривычный к забавам про-
стецов, заткнулся. С десятником не поспоришь.

Преувеличенная заботливость хозяйки изли-
лась на головы нежданных гостей будто водопад.
Риго с изумлением наблюдал, как госпожа Ор-
меа тычками и оплеухами изгнала из-за лучшего
стола пьяных вдрывг пуантенских десятников
(судя по гербам — дворян...) налетевшие со всех
сторон девицы из числа прислуки мигом убрали
грязную посуду и начали таскать с кухни блюда
и кувшины. Назревал пир горой.

Не надо думать, что все пираты, бывшие или настоящие, поголовно привыкли к бесхитростной еде и дешевому пойлу. Ормеа оказалась большой любительницей вкусно покушать и страшной поклонницей кулинарного искусства. В «Синем ястребе» потчевали гостей со знанием дела — хозяйка нарочно наняла в Галпаране и Гайарде хороших поваров.

У привыкшего к скучности Тусцелана Риго глаза округлились.

— Садись, — на плечо пуантенца легла тяжелая ладонь Конана. — Этот вечер целиком и полностью наш. Только гляди, не объешься!

— Люблю смотреть, как едят голодные мужчины, — госпожа Ормеа уселась напротив, подперла щеку могучей ручищкой и уставилась на варвара. — Как там у вас, в Тусцелане?

— Чего-то ждем, а чего — сами не знаем, — честно ответил Конан сквозь набитый рот. — Лето скоро, значит жди беды.

— Ты ведь знаешь, содержатели таверн и постоянных дворов слышат всё, — пробасила хозяйка стараясь говорить потише. Получалось плохо. — Поговаривают, наш герцог...

— Ваш герцог? — поднял взгляд Конан.

— Троццеро именно «наш», — твердо сказала Ормеа, — Он единственный, кому можно верить среди всей сановной шушеры Аквилонии! Так вот, наш герцог вроде бы собрал большие

резервы и в конце весны решил сам напасть на пиктов.

— Переправить войско в Пущу? — Конан выронил из руки кусок ароматного ржаного хлеба и отчаянно помотал головой. — Это же чистое самоубийство! Быть не может!

— Ходят упорные слухи, — подтвердила хозяйка. — Затевается что-то серьезное! Большая часть наемного войска пока остается на нашем берегу, отправлять его в междуречье пока не собираются. Подкреплений вам отправляют очень и очень мало... Похоже, порубежные форты послужат наживкой. Пикты снова атакуют Боссонские топи, часть армии свяжет их силы в междуречье, а вторая часть попытается разделаться с Зогар Сагом...

— Самый идиотский план, о котором я когда либо слышал! — воскликнул киммериец.

— Почему ты так считаешь?

Незнакомый голос прозвучал за спиной варвара. Ормеа широко улыбнулась показав здоровые белые зубы и вскочила, опрокинув лавку:

— Эган, дружище! — оглушительно заорала хозяйка, — Настоящий вечер сюрпризов! Присаживайся к нам! Ребята, познакомьтесь, это Эган Кертис из Тарантии! Свой человек!

Свой человек был молод, по виду ему и тридцати не исполнилось. Одет как небогатый дворянин, плащ в каплях грязи — значит только что

приехал. Конан сразу отметил странный взгляд месьора Кертиса: очень светлые, чуть навыкате глаза были необычно внимательны и цепки. В остальном приятель хозяйки не представлял из себя ничего особенного: худощавый, роста обыкновенного, волосы светло-русые и коротко пострижены «горшком» по рыцарской традиции. С чего бы это госпожа Ормеа сдружилась с дворянином — она благородных терпеть не могла!

— Вы из Гандерландских Кертисов? — вежливо осведомился Риго.

— Нет, из Боссонских, младшая ветвь, — тут варвар понял, что новый знакомец обладает титулом.

Госпожа Ормеа представила Конана — Кертис, как выяснилось и на самом деле настоящий граф, взглянул на варвара заинтересованно: видимо еще не встречал настоящих киммерийцев. Наложил в объемистую глиняную миску целую гору еды, видать сильно проголодался. Вину предпочел черный эль: дворяне крайне редко употребляют этот напиток, почитая его плебейским. Это Конану понравилось.

— Как идут дела в Тарантии? — отвечал граф на вопросы хозяйки. — Плохо дела. Воруют все. Канцлер особенно отличился, да и в военном коллегиуме не лучше... А Нумедидес предпочитает ничего не замечать. Совсем ничего! О войне в Боссонии Тарантия забыла напрочь — прямая

угроза миновала, ну и ладно! Возлюбленный государь, чтобы скрючило, только развлекается да распродает собственность короны!

— Оскорбление величества, — откомментировал слегка захмелевший Конан слова графа. — Наказуемо эшафотом. Но доносить я не собираюсь: во-первых решительно согласен с месьором Кертисом, а во-вторых к доносительству не привык. Я вообще не являюсь подданным Трона Льва.

— Тогда чьим же? — углом рта улыбнулся Кертис.

— Ничьим, — фыркнул варвар. — В Киммерии короля нет, да я и не бывал там уже двадцать три года. Получается, если мне платят деньги герцог Пуантена — я подданный Гайарда.

Больше на неприятные темы этим вечером не говорили. Конан увлеченно рассказывал графу о трудностях жизни на Черной реке и похождениях следопытов, потом решили сыграть в кости — присоединились к азартно воящим гвардейцам Пуантена за соседним столом. Риго в веселье не участвовал, предпочел уйти спать.

Утром пуантенец проснулся услышав возню и девичье хихиканье: оказывается варвар и некая дева по имени Кармина устроились совсем неподалеку.

— Все, красавица, хватит, — услышал Риго колос киммерийца. — Увидимся вечером, я останусь в Велитриуме на пять дней...

— Так мало? — искренне огорчилась девица.
— За малое время можно успеть очень много, — рассмеялся Конан. — Или ты мною недовольна?

* * *

Его светлость Великий герцог Пуантена Троцеро устроился с удобствами. Безусловно, Велитриум отличался от блестательного Гайарда так же, как любая захолустная деревня от Тарантии — резиденцией герцога оказалось внушительное бревенчатое строение, где раньше обитал наместник короны. Наместника, как человека бездеятельного и ненужного, давным-давно отправили в столицу, дом украсили синими знаменами с серебристыми леопардами — родовым гербом пуантенской династии, — выставили гвардейскую стражу в сияющих доспехах и в результате получили некое подобие «главного города» закатной Боссонии.

Риго ничуть не удивлялся огромному количеству вооруженных людей, находившихся в Велитриуме. Пуантенцев можно было отличить по синим накидкам или красным с золотой четырехлепестковой розой коттам поданных графа Толозы, иногда встречались зеленые с желтым цвета герцогов Боссонских, но больше всего здесь было наемников. Очень пестрая публи-

ка — аквилонцы, выходцы с Полуденного побережья, нордлинги, светловолосые и рыжие немедийцы, носатые кофийцы.

Одежда и доспехи столь же разнообразны, чтобы отличить командиров от обычных воинов Троцера приказал десятникам, полусотникам и сотникам наемного войска носить на рукавах цветные повязки.

— Н-да, силы накоплены немалые, — покачал головой Конан наблюдая за суетой на улицах Велитриума. — Только как их использовать? В чистом поле дикии биться не будут. Этот вчерашний граф... как его?..

— Кертис, — подсказал Риго.

— Граф Кертис тоже со мной согласился — Зогар Сага можно победить только используя совершенно новую, необычную тактику. Кстати, что ты думаешь о Кертисе?

— Не знаю, — подумав ответил Риго. — Граф производит впечатление умного человека, но кто он такой и что делает в Велитриуме, объяснить не удосужился. Только расспрашивал.

— Многие бедные дворяне поступают на службу к Троцеро, — отозвался киммериец. — Я встречал даже нищих герцогов, нанимавшихся матросами в команды зингарских каперов! Хотя нет, не подходит — золотишко у Кертиса водится, он запросто проиграл в кости восемь «двойных львов», а это очень солидная сумма!

— Может быть ездит с поручениями от одного из столичных коллегиумов?

— Разберемся. Вот и управа, пошли...

Депеши Рагнара передали по назначению без затруднений, Конан безуспешно попытался найти кого-нибудь из знакомых, но не преуспел. Только собрались направиться к выходу, как вдруг киммерийца поймал за рукав граф Кертис, вынырнувший из бокового коридора.

— А-а, Конан из Киммерии! — воскликнул граф. — Ты вчера рассказал мне много интересного. Можешь поделиться своими соображениями еще с одним человеком? В Велитриуме нечасто бывают следопыты с дальнего рубежа...

— Погуляй пока, — кивнул варвар Риго. — Скоро приду.

Поднявшись наверх по лестнице, караулы завидев Кертиса безмолвно расступались. Значит, граф вовсе не мелкая сошка присланная из Тарантии по пустяковому делу!

Комната, в которую Кертис привел варвара была скромной — стол, грубоватые табуреты, оружейная стойка на которой хранятся клинки. На столе целая гора свитков, перья, отдельно лежит план Боссонских топей: красными башенками обозначено расположение фортов.

— Конан Канах, десятник из Тусцелана, — сказал Кертис восседавшему за столом молодому человеку. — Тот самый, о котором я говорил...

Конан едва не сплюнул. Варвар на дух не выносил эдаких славных красавчиков. Знакомцу графа Кертиса было от силы двадцать пять зим, сопляк сопляком. Одет очень богато — синий бархат расшитый серебром, золотая цепь с бриллиантами и сапфирами на груди, пальцы в драгоценных перстнях. Тоненькая щеточка усов над верхней губой, темные волосы, кажется, завиты — ну не могут они так курчавиться сами по себе! Взгляд надменный и, похоже, усталый.

«Большая шишка, — решил Конан, — наверняка один из приближенных Троцеро. Тысячник, а то и легат. Почти наверняка в деле совершен-но не разбирается. Ему бы в дворцовых покоях по углам фрейлин тискать, а не в Велитриуме сидеть!»

Конан ошибся — «красавчик» оказался парнем толковым, вопросы задавал правильные и рассуждал здраво.

— ...магия, магия! Все упирается в эту проклятую магию! — хмурился он после рассказа Конана о Вендики и колдовстве пиктов, с которым приходилось сталкиваться следопытам. — Настоящих боевых магов в Хайбории можно по пальцам одной руки пересчитать, а ты мне говоришь, что едва ли не каждый пикт швыряется огненными шарами!

— Я такого не говорил, — поправил Конан. — Я убежден, что пиктов толкает в бой некое вол-

шебство. Дикари жили уединенно несколько тысяч лет не выходя за пределы Пущи, а тут будто с цепи сорвались! Разговоры о том, что пиктские женщины в последние десятилетия нарожали впятеро больше детей чем обычно, меня не убеждают. Чепуха это, откровенно говоря.

— Почему? — человек в синем колете вопросительно посмотрел варвару в глаза.

— Да потому, что пикты никогда не были многочисленным народом, а Пуша — огромна! Посмотри на план, белое пятно от Черной реки до Закатного океана занимает столько же места, сколько Аргос и половина Шема! Леса могут прокормить сотни тысяч пиктов, земли там хватает с избытком. Но дикари зачем-то полезли в Боссонию и начали воевать... Какой смысл? Богатства Аквилонии их интересуют мало, большинство пиктов просто не знают что такое золото и в чем его ценность. Собственной земли предостаточно. Еды, я уверен, вдоволь — по крайней мере все те дикари, которых я видел, от голода не пухли. Остается одно: магия. В Пуще что-то пробудилось, проснулось.

— Что же? — спросил Кертис.

— Что-то или кто-то, подталкивающий пиктов к войне.

— Зогар Саг?

— Если этот Зогар Саг вообще существует, — брякнул киммериец, чем вызвал замешательство

собеседников. — О нем мы знаем только из допросов пленных дикарей. Якобы он «большой вождь и великий колдун». Но вдруг пикты врут?

— Все до единого? — усмехнулся Кертис. — Нет, Зогар Саг действительно существует, это я знаю в точности.

— Откуда?

— Ремесло такое, все знать. Я из Латераны, вчера забыл упомянуть...

Конан осекся. «Латераной» в Аквилонии именовалась тайная служба королевства считавшаяся одной из лучших на Закате. Вот, оказывается, что за птичка прилетела в Велитриум! Душевное согласие обеспечивать!

— Зогар Саг существует, — уверенно повторил Кертис. — Конан, продолжай.. Нам очень интересны твои мысли.

— Если вождь пиктов — маг, это вовсе не значит, что Зогар Саг запросто объединил разрозненные племена и соблазнил их войной с Аквилонией, — сказал варвар. — Но если за его спиной стоит другая, более могущественная сила, от источника которой он черпает свое колдовство... Божественная сила, понимаете?

— Только этого нам и не хватало, — вздохнув, развел руками «красавчик». — И что в таком случае делать?

— Откуда я знаю? — изумился киммериец. — Пускай герцог Троцеро обратится к какому-ни-

будь знаменитому волшебнику вроде Пелиаса Кофийского, он что-нибудь посоветует. Никто не знает, какие тайны скрывает в себе Пуша, а тайны эти, без сомнений, очень и очень древние. Древнее кхарийцев и Валузии. Спрашивать о них у меня бессмысленно — я всего-навсего обычный десятник!

— Десятник... — эхом повторил молодой человек в бархате. Встал, прошелся по комнате, постоял у открытого окна. Вернулся за стол, взял чистый пергаментный лист. Поскрипал пером, накапал синего воска и приложил к нему перстень-печатку. Посмотрел на Конана. — Я знаком с положением дел в Тусцелане. Большой сильный форт, почти пятьсот мечей с учетом отправленных к вам нордлингов. Рагнара из Шамара я назначаю полутысячником, а тебя — сотником. Вот рескрипт, подтверждающий ваши права... Мои слова могут показаться тебе странными, но я никогда не видел таких сообразительных варваров. Ты ведь родом из Киммерии, верно? Забери пергамент, отдашь Рагнару по возвращении в Тусцелан.

Конан бросил взгляд на лист и увидел вполне ожидаемое. Четкая подпись: «Просперо, милостью Митры герцог Пуантена и граф Гайарда».

— Благодарю, — наклонил голову Конан. — Но какой из меня сотник? В моем «десятке» все-гто три человека, остальные полегли...

— Наберешь людей как только они потребуются. Мне и моему отцу необходимы опытные и умные командиры. Ты надолго в Белитриум?

— Через одну седмицу я должен быть в Тусцелане.

— Отлично. Мы еще обязательно поговорим. Можете идти месьоры.

Уже в коридоре граф Кертис не удержался от смешка. Перехватив вопрошающий взгляд Конана, пояснил:

— Тебе ведь Просперо сначала не понравился? Я по лицу видел.

— Точно, — согласился Конан. — Интересно, чего такого особенного я ему сказал? Стоило немножко подумать, и герцог сам бы пришел к таким же выводам!

— Он и пришел, только хотел получить подтверждение со стороны, от человека независимого, — ответил Кертис. — Ты безупречно прав, сотник Конан Канах: в Пуще *что-то пробудилось*. И пока мы не выясним, что именно — победы нам не видать как собственных ушей. Ты можешь не поверить, но у Латераны есть осведомители даже в Пуще, вот откуда мы знаем о Зогар Саге...

— Осведомители? — потрясенно выдавил киммериец. — В Пуще? Сказки!

— Ничуть не сказки. Латерана запустила свои щупальца в Пушу много зим назад — среди некоторых вождей племен пиктов найдутся люди,

которые любят золотые украшения или тонкие ткани из Турана или Шема. А в обмен на эти чудесные вещи мы просили одно: следить за событиями в глубинах лесов, своевременно извещать о том, кто из вождей возвысился, сколько у него военной силы, планируется ли набег и не желает ли кто создать межплеменной союз...

— Всегда знал, что связываться с тайной службой Аквилонии — себе дороже, — сокрушенно вздохнул Конан. — Ладно бы шпионы при королевских домах соседей, но в чащобах пиктов? Просто невероятно!

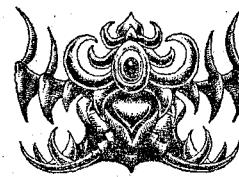
— Тем и живем, — улыбнулся граф. — Кстати, не забудь попросить у хозяйки «Синего яструба» лоскут алой ткани и повязать на левую руку. Отличительный знак сотника-наемника...

«От тебе и съездил в Велитриум с депешей, — подумал Конан. — Интересно, на сколько золотых повысят жалование?»

Заскучавшего Риго варвар обнаружил у кононьязи и первым делом вручил ему пергамент полученный от Просперо — хотелось похвалиться. Пуантенец только руками развел:

— Поздравляю. А я тут поговорил с гвардейцами, услышал кое-что интересное...

— Расскажешь за обедом! Я собираюсь отъестся в Велитриуме на десять седмиц вперед! Уж больно хорошо кормит постояльцев старушка Ормеа!

Глава третья

Поймать неуловимого?

Тусцелан — Безье
2-я весенняя луна 1286 года
по основанию Аквилонии.

тоило бы почаше отправлять тебя в Велитриум, — Рагнар недоверчиво смотрел на герцогский рефрингт, переданный ему Конаном. — Значит, ты всего лишь пришел к его светлости, от души потрепал языком, а Просперо в награду одарил тебя чином? И меня заодно?

— Примерно так и было, — легко согласился киммериец. — По-моему в Велитриуме довольно слабо понимают, что именно происходит на Черной реке. Просперо осознал, что неудачи последних двух зим могут повториться и тогда мы потерпим окончательное поражение — то есть потеряем Конаджохару. Граница опять сдвинет-

ся на Громовую, король придет в ярость и полетят головы — Нумедидес не простит очередной неудачи...

— О чем мы с тобой говорили прошлый раз? — Рагнар, полутысячник войска Пуантена, взглянул на варвара исподлобья. — Победа над пиктами невозможна, а чтобы закрыть им путь на Восход и обустроить рубежи по Черной реке придется потратить целую гору золота! Или я что-то неправильно понял?

— Сейчас расскажу...

* * *

... Конан за время пребывания в Велитриуме разговаривал с Просперо трижды. Молодой герцог оказался въедлив и дотошен настолько, что варвару на ум невольно пришло сравнение с упорным немедийским стряпчим. Вопросы следовали довольно странные. Пользуются ли пикты необычным оружием? Не появились ли у варваров железные клинки? Только захваченные у аквилонцев? А может быть следопыты встречали среди дикарей хайборийцев, которые могли командовать отрядами пиктов? Тоже не видели? Очень хорошо...

Конан смекнул, о чём думал Просперо — не оказывают ли дикарям помошь недоброжелатели Аквилонии? По большому счету у Трона Льва

не было открытых врагов, только соперники, но кто знает, кто знает... При слабом короле нападение Нумедидеса у ближайших соседей могли появится нехорошие мысли: Аквилония потеряла былую мощь, сравнивать нынешнего государя нельзя не то что с Сигибертом Великим, но даже с Вилером, а упомянутый Сигиберт некогда отняпал у соседей изрядное количество земель — на часть Пуантена претендует Зингара, территории между Красной и Тайбором когда-то принадлежали Офиру и Немедии, Аргос был бы не прочь вернуть себе два графства на левом берегу Хорота.

До Сигибера в состав Аквилонии входило всего три Великих герцогства, после — аж целых пять! Так почему бы не пересмотреть границы, установленные самим знаменитым аквилонским королем после Алькоя с Олайетом? Однако, вначале следует непременно ослабить Трон Льва до такой степени, чтобы он стал легкой добычей — Нумедидес, безусловно, дурной государь, но окончательно разрушить фундамент заложенный великими предками он пока не сумел. Простейший путь к этому — связать руки Трону Льва бессмысленной и затяжной войной с варварами, тем более что в отличие от других держав Трон Льва граничит с Нордхеймом, Киммерией и Пущей, исключительно варварскими землями. Одно плохо: Киммерия расположена за неприступны-

ми горами, нордлинги предпочитают с аквилонцами не воевать, а торговать и вообще относятся к соседям с Полудня доброжелательно (недаром многие вожди асиров и ванов ныне пришли на помощь Аквилонии), а вот пикты...

Пикты — это серьезно. Не исключено, что некто мог сделать ставку в большой игре за «наследство Сигиберта» именно на пиктов. Подобные соображения очень беспокоили Просперо и его сиятельного отца.

Конан знал, что существует одна весьма неприятная разновидность душевного нездоровья — человек начинает искать опасность во всем и видеть врагов там, где их нет и не было. На сумасшедшего Просперо ничуть не походил, следовательно имел некие основания для подозрений. Киммериец на расспросы ответил прямо: дикари привычны к своему обыкновенному оружию, в основном деревянному или костянику — у пиктов даже костяные мечи есть! Крупные племена часто используют плохо обработанную бронзу, а вот работать с железом пиктские кузнецы не умеют. Захваченное аквилонские оружие дикари носят неохотно, считают его тяжелым и «нечистым» — они полагают, что все изделия других племен изначально прокляты, поскольку сделаны чужаками. Да и вообще словом «люди» пикты обозначают исключительно своих сородичей, все прочие для них — нелюди.

— Это неудивительно, — сказал в ответ на это граф Кертиз тоже участвовавший в затянувшейся беседе. — Обитатели Пущи являются одним из самых древних народов, куда старше поданных Кхарии и тем более хайборийцев! Между прочим в стигийском языке понятие «человек» тоже применимо лишь к самим стигийцам и их кхарийским предкам...

О «странных» Пущи киммериец мог рассказывать бесконечно — Конан всегда отличался прекрасной памятью и умением замечать любые мелочи. Как только речь зашла о походах следопытов в глубины запретных лесов, Просперо распорядился принести еще вина и холодного мяса, а разговор продолжался до глубокой ночи.

Даже самые отчаянные боссонские следопыты редко отваживались переправляться через Черную реку, и только единицы могли похвастаться несколькими днями проведенными на враждебном берегу. Конан входил в их число — во-первых, киммериец искренне верил в свою неизменную удачу, во-вторых он считал недостойным отставать от других, и, наконец, в третьих, играло свою роль неуемное варварское любопытство: Конан мог похвалиться тем, что побывал во всех известных государствах материка, включая такие медвежьи углы как Паган и Аргаим, но Пуша доселе оставалась для него загадкой. Равно и преподносila безмерное количество других зага-

док — куда более интересных, чем туманный серый лес и гибкие болота...

О Пуще ходило множество слухов, в основном страшных. Главными персонажами леденящих кровь баек были, разумеется, пикты-каннибалы, чудовища якобы обитающие в непролазных дебрях и духи-демоны вылезающие ночами из своих потаенных укрытий. Имелась и противоположная точка зрения, которую отстаивали люди маловпечатлительные и прагматичные: чудовищ в Пуще не больше, чем в Руазельском лесу под Тарантией, где традиционно охотятся короли Аквилонии, любого пикта, будь он колдуном или нет, можно убить стрелой или мечом, да и вообще не следует преувеличивать исходящую из-за Черной реки опасность.

Истина, как обычно, лежала посередине — если разные люди говорят вам об одном предмете противоположное, одновременно называя его «черным» и «белым», значит данный предмет скорее всего серый. Кроме того чудовища чудовищам рознь — существует гигантская разница между обыкновенным болотным ящером и воплощенным духом наподобие Вендикко!

Прошлым годом Конан двенадцать седмиц ходил в отряде Ночной Стражи — охотников на монстров и приобрёл достаточно опыта для того, чтобы уметь отличить безобидное, но жутковато выглядящее существо от настоящего чудища.

Так вот, за время экспедиций в Пушу варвар ни разу не видел обычную для Аквилонии, Британии или Немедии нечисть и нежить. Там не водились вампиры и гули, следопыты ни разу не упоминали о бальберитах или этеркапах, никто никогда не видел в пиктских лесах вурдалаков и брукс. Однако, это вовсе не говорило о том, что в Пуще не обитают иные, незнакомые хайборийцам страшилища и сохранившиеся с древнейших времен хищники которых люди цивилизованные и в глаза никогда не видели!

Чего было много, так это «странныостей» — сим выражением обозначались непонятные явления, которые наблюдали некоторые следопыты. Изредка среди леса встречались загадочные каменистые поля, над которыми висело зеленоватое свечение. Один из приятелей Конана, следопыт Гедрих из Танасула, клятвенно уверял, будто собственными глазами видел как «деревья ходят», и киммериец был склонен ему верить — кое-где местность становилась неузнаваемой буквально за несколько дней. Холмы и лощины на месте, а вековой лес незнамо куда сгинул. По Пуще разгуливали не только деревья — всего полторы луны назад Конан нескованно удивился, встретив катящийся сам по себе круглый гранитный валун: камень целеустремленно направлялся к Полуденному закату не обратив никакого внимания на ошеломленных следопытов

едва успевших отскочить в сторону. Нарушая все законы природы валун запросто взобрался на вершину сопки и благополучно сгинул за ее гребнем.

Много разговоров было о «людях-демонах», хотя оба этих понятия вроде бы несовместимы. Пленные пикты подтверждали: в Пуще есть несколько тайных поселений в которых обитают «мертвые». Почему именно мертвые? Да потому, что они мертвы, вам, белокожим не понять... Конан сначала не верил, но однажды, во время зимней вылазки в Пущу, встретил одного такого бродячего упокойника. По виду самый натуральный мертвый труп, воняет тухлятиной, гнилое мясо висит клочьями, а поди ж ты — топает куда-то по своим мертвецким делам. Движения дерганые, будто у куклы на ниточках.

Киммериец встречал в Стигии зомби — творение рук магов-некромантов, вызывавших демонов вселявшихся в мертвые тела и заставлявших их двигаться, но после восхода солнца темная магия всегда исчезала. Дохлый пикт тем не менее преспокойно шлялся по лесу при свете холодного зимнего светила... Как такое понимать?

Поверье дикарей гласило: вожди племен не умирают. Вождей следует хоронить на обособленных кладбищах, куда простому смертному ход заказан.

Там, якобы бывшие главы родов и племен выходили из земли и продолжали жизнь... Сказки, конечно.

Сказки сказками, но бродячий мертвец был вполне реален, следы на снегу оставлял. Едва замерший киммериец пошевелился, страховидло учужло человека, повернулось к нему и Конан предпочел побыстрее ретироваться — не хотел связываться неизвестно с чем.

Что еще? Много разного! «Черная топь» например — болото с непроглядно-черной водой, да только это никакая не вода. Подойдешь поближе, из болота выпростаются тысячи черных щупалец и утянут на дно. Слышатся беззвучные грозы — со стен Тусцелан видно, как совсем не подалеку над лесом пляшут темные фиолетовые и синие молнии, но облаков нет, равно как и грома. Следопыты слышат странные голоса — среди деревьев кто-то переговаривается на неизвестном наречии. В Пуще можно встретить каменные развалины, но ведь пикты строят только из дерева! Какому народу принадлежат эти мрачные башни — загадка. Там еще и призраки есть, кстати...

— Дела-а... — протянул Простеро, выслушав красочные описания киммерийца. — Я тебе верю, нет оснований не верить. Выходит, Пуща — это заповедная земля, на которой аквилонцам делать нечего.

— Согласен, — кивнул варвар. — Там могут выжить одни только пикты, чьи предки обитали за Черной рекой несчитанные века. Они привычные. Знают чего нужно опасаться, чего избегать... Если ваша светлость подумывает о завоевании Пущи, советую оставить эти мысли. Навсегда.

Граф Кертис напрягся — подобный совет герцогу Пуантена выглядел неслыханной дерзостью. Ничего себе, какой-то варвар осмеливается указывать одному из высокороднейших дворян Заката! Да рядом с Просперо король Аргоса Ариостро покажется сиволапым мужиком вылезшим из грязного хлева. Предками герцога были Первые Короли, Алькой и Олайет — знаменитые победители Кхарии!

Просперо, однако, или не обратил внимания, или пропустил слова Конана мимо ушей.

— Завоевывать Пушу никто не собирается, — твердо сказал молодой герцог. — Нам бы Боссонию оборонить... Что бы ты предложил, как это сделать? Без больших потерь и расходов? Только не отговаривайся, как все другие: это, мол, пускай ваша светлость решает, я человек маленький. Сигиберт Великий советовался не только с легатами, но и с обычными воинами! Ты, вижу, человек прямой. Вот и говори правду.

— Все зависит от того, сколько золота осталось в казне Гайарда, — не раздумывая сказал

Конан. — Без расходов в таком деле не обойдешься.

— Мало золота, — поморщился Просперо. — А помощи от короля не будет.

— Перво-наперво надо найти деньги. Любым способом.

— Любым? — переспросил граф Кертис. — Например?

— Тут уж сами думайте, — покачал головой киммериец. — Да вот хотя бы... Ваша светлость считает себя владыкой Пуантена? Я имею в виду, насколько подвластна герцогам Гайарда их собственная земля?

— Не понял? — нахмурился Просперо.

— А чего тут понимать? — Конан нехорошо усмехнулся и припомнил рассказ Риго. — Как думаете, сколько золота успел прикопить за последние годы некий барон Биркарт из Абсема?

— Ты гений... — сразу подхватил мысль Кертис. — Просперо, кажется мы получили отличного помощника, способного к нетривиальным рассуждениям! Взять Биркарта, да и дело с концом!

— Напомню, барона-разбойника ловят почти пятиадцать зим, — вздохнул герцог. — Все, включая тайную службу короля. Результат известен.

— Барон Абсем — рыцарь, благородный человек, — напомнил Кертис. — Если пообещать ему

асиров, большую долю серебра. Предусмотрительный Конан заранее наменял — знал, что нордлинги не слишком уважают золото, предпочитая ему исключительно серебро. Странный народ.

Вернувшись в Тусцелан Конан сразу задал Рагнару вопрос, интересовавший его более всего: где Эмерт? Выяснилось, что беспокоиться не о чем — боссонец тем памятным днем благополучно добрался обратно, на следующее утро уехал в Мосаман и вскоре вернулся. Где он сейчас? Да наверняка в безымянной таверне, где ж еще!

Пикты? Не беспокоят. Появлялись пару раз на противоположном берегу, их отпугнули лучники, троих или четверых подстрелили. Нечего было показываться на открытом пространстве. Магия? Да никакой магии... Скучно, как и всегда.

По приказу Рагнара в лесу на Восходе начали рубить огромные сосны — заготавливать бревна для строительства, предполагалось добавить к форту еще несколько укреплений за которыми можно будет построить дома и разместить в Тусцелане еще несколько десятков человек, да еще новые конюшни и склады. Больше никаких новостей, жизнь течет размеренно и привычно.

Риго, за исключением времени, проведенного за мечным боем с Сигвальдом и прочими ратными упражнениями, в последующие дни откровенно бездельничал — по крайней мере так полагал Конан. Пуантенец накупил в Велитриуме

аж целых шесть дорогущих книг и еще два десятка свитков, потратив на них все свои деньги вместе с золотом, которым одарил его киммериец, никогда не отличавшейся жадностью. Прибыв в Тусцелан Риго облюбовал себе местечко на чердаке общинного дома, где жил вместе с Конаном, Эмертом и остальными, и все свободное время проводил за старыми пергаментами, усевшись на кучке прошлогоднего сена возле отдушиной выводящей на солнечную сторону.

— Ваша милость? — Конан не переставал называть пуантенца «графом Риго», а если тот обижался, утверждал, что если прозвище прилипло однажды, то теперь от него не отделаешься. Риго смирился. — Ты очень занят? Можешь помочь на конюшне?

Киммериец забрался по скрипучей лестнице на чердак и воззрился на увлеченного пуантенца вцепившегося в толстенный и весьма потрепанный фолиант.

— Что на конюшне? — не отрывая глаз от потрепанных страниц осведомился Риго.

— Да ничего, — Конан фыркнул. — Просто хотел узнать, чем ты занимаешься. Можно посмотреть?

Риго уже отлично знал, что десятник, а ныне сотник, «страшный киммерийский варвар», читает на пяти языках, а говорит минимум на одиннадцати, причем Конан даже сумел отчасти разу-

чить наречие пиков. Поэтому Риго подвинулся и выдал усевшемуся рядом киммерийцу внушительный том.

— «Магия древних, или изложение о тайнах волшебства исчезнувших народов», — Конан прочитал название вслух. — Орибазий Достопочтенный? Знаю я этого ученого мужа, самый большой знаток магии в Аквилонии... Про пиков здесь написано?

— Угу, — буркнул Риго, недовольный тем, что его отвлекли. — Смотри...

Пуантенец прошептал заклинание.

— Кром! — варвар кубарем покатился по доскам настила, пытаясь ухватить меч за рукоять. В широкую отдушина под крышей дома сунулась башка огромного рогатого дракона и ящер выпустил струю пламени точно в лицо варвара.

Иллюзия была настолько реалистичной, что Конан искренне поверил в морок. Спустя одно мгновение киммериец очухался и заорал в голос: — Риго, я тебя придушу собственными руками! Убью! Как так можно людей пугать!

Бесплотный дракон шевельнул раздвоенным языком, снова дохнул холодным огнем и сгинул.

— Орибазий, оказывается, бывал в Пуще, — Риго ткнул пальцем в выведенные умным переписчиком строки. — И уверяет, что пикты — великие мастера иллюзий. Приводит

одно из заклинаний, которое, прости, я использовал сейчас...

— Ф-фу, — Конан рукавом вытер пот со лба. — Еще раз так сделаешь — точно придушу. И что дальше?

— Известно, что Орибазий Достопочтенный не только изучал магию, но и был известным бытописателем, — сказал Риго. — Ради дела ученый человек может пойти на любой риск и не остановится перед любыми препятствиями. Не знаю, как эта книга оказалась в лавке Велитриума, но пришла она очень кстати! Приблизительно восемьдесят зим назад Орибазий, использовав свой магический дар и заклятье изменения личины отправился в Пущу. Больше того, он оттуда вернулся живым и невредимым, проведя в пиктских лесах около шести лун.

— Это невозможно, — уверенно сказал Конан. — Привирает Достопочтенный. Без знания наречия пиков и их обычаев в Пуще не выжить. Кстати про обычай: может Орибазий разделял с дикарями их каннибалские трапезы?

— Ничего смешного, — насупился Риго. — Орибазий отнюдь не был круглым дураком и готовился к этой экспедиции несколько зим. Заплатил боссонцам, они поймали четверых пиков, привезли их в Тарантию... С помощью волшебства Орибазий сумел добиться расположения дикарей, много с ними разговаривал, рас-

спрашивал о житье-бытье Пуши. К сожалению, узнать удалось не так много как может показаться: у пиктов в ходу огромное количество табу, запретных тем. Они и под пытками не станут говорить о некоторых своих богах или жреческих ритуалах.

— Запомни навсегда, — наставительно сказал киммериец, — под пыткой можно рассказать обо всем. Был бы палач грамотный. Уж поверь, этого я навидался вдоволь, и в Зингаре, и в Туране. Особенно в Туране... Тамошние палачи великие искусники и большие выдумщики.

— Мы говорим про Орибазия или про туранских палачей?

— Извини.

— Итак, Орибазий Достопочтенный отправился в Пушу... Заклятье личины не требует большой магической силы, однако поддерживать его постоянно — крайне сложно. Несколько раз Орибазий едва не попался, но обошлось. Иначе мы бы не читали его книгу. Некоторые колдуны пиктов живут отдельно от своих племен, совсем как ведьмы в Нордхайме, только асиры ведьм боятся, а пикты своих колдунов уважают. Орибазий решил некоторое время побывать таким вот колдуном — все-таки он владел искусством волшебства. К сожалению, он пишет только о народе пиктов: как живут, что едят, как охотятся и так далее. Составить хотя бы приблизительный

план Пуши Орибазий не удосужился — называет два десятка деревень и указывает «от Ахиги до Хорпы два дня пешего хода по тропе и четыре дня через болота».

— И зачем нужны такие ученые мужи? — расстроился Конан. — Кому какая польза от описаний пиктских трапез?

— Каннибализм пиктов по большей части — ритуальный, — сказал Риго. — Он связан с довольно странным культом. Если ты не знаешь, богов у пиктов великое множество. Начиная с древнейшего Джебалл Сага, из рода зверобогов, и заканчивая Гуллахом, гигантской обезьяной...

— В Пуще водятся большие обезьяны, священные животные пиктов, — подтвердил Конан. — Очень здоровые, крупнее человека. И совсем непохожие на своих сородичей из Дарфара, Кешана и других Черных королевств.

— Вернемся к богам дикарей. Орибазий перечисляет почти полсотни священных духов, большинство — зверобоги. Дагд, Баннуг, вестник несчастий — двуногий ящер Дарамулун и его наездница, великанша Трумалур, бог-ворон Джайл...

— Как хорошо живется стигийцам, — усмехнулся Конан. — Им вполне хватает одного-единственного Сета! Мелких божков прислуживающих Змееногу можно не считать.

— Не путай стигийцев, прямых наследников Ахерона, и пиктов которые ведут род вероятнее

всего от лигурейцев, хотя и тут не все ясно... Происхождение пиктов невероятно темно и запутанно, они точно не являются потомками атлантов, гойделов или обитателей Лемурии. У Орибазия есть несколько относительно правдоподобных версий их появления на Закатном материке после Великой Катастрофы, но разбираться в них долго и сложно. Тут тебе и народ Фир Болга, и люди Сем Итха, якобы прародители пиктов. Орибазий изложил множество предположений, страниц на пятьдесят...

— Так что со «странным культом»? — напомнил Конан.

— Ах, да... Пикты, по словам Достопочтенного, вообще не верят в смерть. Смерти не существует. Есть только бесконечная цепь жизненных кругов в разных воплощениях.

— Подумаешь, — хмыкнул киммериец. — Ничего нового Орибазий не изобрел. В перерождение верят в Китае, Пагане, Вендии, Камбуйе и еще десятке стран на Востоке!

— Снова путаешь! — увлеченно воскликнул Риго. — «Перерождение» — это другое. Жил плохо, значит в следующей жизни будешь водяным гадом? В отличие от кхитайцев пикты верят в так называемую «мертвую жизнь».

— Еще не легче, — вздохнул Конан, но тут же вспомнил бродячего мертвеца встреченного в Пуице. — Как это объясняет Орибазий?

— Пикты едят людей только в случае, если не хотят чтобы мертвый возвращался, — сказал Риго. — Его «жизнь» переходит к другим людям. То есть побеждать можно дурным человеком: врагом, нарушителем табу, чужеземцем. Своих трогать нельзя категорически потому, что они могут и должны «возвращаться». У многих варваров распространен обычай сжигать умерших...

— Верно, — перебил пуантенца Конан. — В Киммерии и Нордхайме, к примеру, покойников жгут спокон веку. Традиция.

— Слушай самое интересное: своих мертвцев пикты только хоронят. Разными способами — просто в земле, в каменных пещерах, иногда — в огромных дуплах старых деревьев. Они убеждены, что в один далеко не прекрасный для нас с тобой день предки «вернутся». А некоторые весьма странным манером «возвращаются» вскоре после телесной смерти... Те самые зомби о которых ты рассказывал!

— Это не зомби, — покачал головой киммериец. — Что-то другое, а что именно — непонятно. Может, Орибазий докопался в чем дело?

— Нет. Ходячих покойников он видел несколько раз, но посмотреть поближе не решился, да и нельзя — наистройшее табу! Нарушишь — съедят. Загвоздка в том, что «мертвая жизнь»... Как бы это сказать? В общем, «вернувшиеся» живут какой-то собственной невероятной жизнью в

собственных поселениях, подходить к которым опять же запрещено. Представляешь себе целую деревню населенную зомби?

— Кошмар, — искренне согласился варвар. — Это ведь... Неправильно! Мы созданы смертными, в отличие от альбов у людей другая судьба! Умерев, каждый из нас попадает на Серые Равнины и в царстве Нергала дожидается чего-то неизвестного, что должно произойти в очень далеком будущем. Эти прописные истины известны каждому ребенку!

— Значит, на пиктов эти истины не действуют, — проворчал пуантенец. — Или действуют как-то не так. А теперь представь себе: сегодня или завтра «возвращаются» все до единого поколения пиктов, несчитанные тысячи мертвых. Что будет?

— Митра Солнцеварный, — выдохнул Конан. — Будет Великая Битва богов и конец мира!

— Это в лучшем случае, — мрачно сказал Риго. — Давай не будем фантазировать, мне чего-то не по себе становится... Орибазий уверяет, будто в Пуще есть... Назовем так: некие источники колдовской силы возвращающие мертвым жизнь. Далеко не всем, понятно — иначе в лесах за рекой бродили бы огромные толпы мертвяков. Предположим, «возвращается» один из десяти или ста тысяч.

— Все равно много... За столько-то зим!

— Правильно. Теперь вспомним о Зогар Саге и спросим себя: а если вождь пиктов решит обратить всю эту рать против нас? Как убить уже мертвого?

— Мороз по коже, честное слово, — Конан поморщился. — Невольно вспомнишь наши разговоры о силе, пробудившейся или пробуждающейся в Пуще. Самое разумное предположение — боги древних решили отвоевать наш мир и расквитаться с обидчиками изгнавшими их за Стены Мира в незапамятные времена!

— Очень может быть, очень может быть, — проворчал Риго. — Говоря откровенно, вся эта история мне совершенно не нравится! Настолько не нравится, что появляется желание сбежать куда-нибудь подальше. В тот же Паган. Ты ведь знаешь дорогу в эту страну?

— Но-но! — улыбнувшись, прикрикнул Конан. — Сначала герцогское золото отработай!

— Чем я и занимаюсь, — пуантенец постучал пальцем по обложке книги Орибазия Достопочтенного. — А кое-кто мне мешает пустыми разговорами.

— Никакого почтения к сотнику войска его светлости, — покачал головой киммериец. — Ладно, сиди читай. Найдешь что-нибудь интересное — сразу рассказывай!

* * *

Шли дни — одинаковые и скучные. Минула первая весенняя луна, снег окончательно сошел, дороги подсохли, появилась первая травка — еще совсем тонкая и слабая. Затишье продолжалось: сообщения о нападениях пиктов приходили редко. В Конаджохаре наемники и следопыты уничтожили несколько маленьких отрядов, наподобие того, с которым пришлось скоротечно повоевать Конану и Риго, однако на всем протяжении Порубежья царила благостная тишина. Вернее, отнюдь не благостная, а тревожная — никто не сомневался, что загадочный Зогар Саг вскоре нанесет новый удар по Боссонии.

Для варвара все резко изменилось на третий день наступившей луны — из Велитриума прибыло новое подкрепление (еще двадцать мечей) и гонец со срочной депешей адресованной «сотнику Конану Канах, в собственные руки». Сорвав печать со свитка дорогого пергамента варвар пробежался глазами по ровным строчкам выведенным уверенной рукой, довольно громко хмыкнул и повернулся к герцогскому нарочному:

— Передай на словах: согласен. Извещать буду каждые пять дней. Где вещи?

Гонец молча указал на скромный холщовый тючок.

— А деньги?

В руки варвара перекочевали три увесистых копеля с пуантенским серебром — сумма была

очень солидной. Конан забрал доставленные из Велитриума сомнительные подарки и зашагал к общенному дому. Был вечер, слегка приболевший (застудился на холодном ветру) Риго устроился на лавке под одеялом из медвежьих шкур и потихоньку задремывал.

— Взгляни, — киммериец перебросил молодому пуантенцу пергамент. — Есть хорошая возможность расквитаться за обиду. Поедем втроем, ты, я и Эмерт. Надеюсь, на этот раз обойдется без пиктов...

Риго прочитал. Сон как рукой сняло, он аж подпрыгнул на лежанке.

— Они что, думают мы всесильны?

— Граф Кертис постарался убедить в этом герцога, — ничего не выражавшим голосом сказал Конан. — Не без участия моей зингарской подружки. Ормеа к старости стала чересчур болтлива! Похоже, Кертис уверен, что один разбойник всегда переразбойничает другого!

Риго знал, что прошлое киммерийца отнюдь не безоблачно, да и сам Конан этого не скрывал, иногда рассказывая веселые байки о своих похождениях. Упоминались имена Карелы Ястреба, какого-то проходимца Ши Шелама из Шадизара, непременной Белит (эти истории, по мнению Риго, были самыми романтическими) и других людей не слишком друживших с законодательными уложениями королевств Закатного материка.

Пуантенец только диву давался, как варвар из Киммерии ухитрялся становиться своим и в банде лихих грабителей, и при королевских дворах. Отказать в обаянии Конану было сложно — этот человек сразу вызывал у других симпатию и чувство несокрушимой надежности...

У Риго появилась уверенность: с необычным поручением Просперо и графа Кертиса варвар справится легко, ему надо лишь помочь всеми силами, в том числе и магией. Придется еще поработать над заклятьем личины, тут никаких сомнений!

Конан тем временем развязал тючок, извлек оттуда сшитую на его размер роскошную котту и только вздохнул. Облачения благородных он полагал не слишком удобными. К котте прилагались дворянские шпоры, круглая шапка и всякая мелочь вроде перстней, шелкового шарфа и жалованной грамоты выписанной на имя некоего Арса из Линна, Шамарского дворянина...

— Представляю, как я буду в этом выглядеть, — фыркнул киммериец. — Ничего, переживу. Ну что, граф Риго, поучаствуем в приключении?

— С удовольствием, — кивнул пуантенец. — Но каким образом...

— Что-нибудь придумаем, — уверенно сказал Конан. — Отправляемся завтра с рассветом, вначале до зингарской границы на Полудне, потом

в Тауран, а там и до Гайарда рукой подать. В две седмицы конного хода, полагаю, уложимся. Можно и по реке, если повезет... Куда опять Эмерт подевался?

— Он сегодня ночью на страже, Закатная башня.

— Придется его сменить, Эмерт должен выспаться... Сейчас пойду распоряжусь!

Пока киммериец ходил за Эмертом, Риго вновь перечитал послание его светлости. Говоря вкратце, оно предписывало Конану Каnah изловить и доставить на герцогский суд барона Биркарта из Абсема, разбойника и злодея короны. А так же непременно выяснить, где тот прячет золото или закладные письма. Действовать можно по своему усмотрению и в средствах не стесняться. Ради надлежащего соблюдения тайны следует называться другим именем.

Так же в письме указывалось, что объявленное в Пуантене «прощение» барону Абсему результатов не принесло — грабителю предложили явиться к Троцеро с повинной обещая не наказывать и вернуть землю вместе с замком, но Биркарт в ответ только посмеялся: ограбил двоюродную сестру герцога, ехавшую на церемонию жертвоприношения в один из самых известных храмов Митры... Это уже граничило со святотатством, поскольку был украден даже жертвенный барабашек.

Словом, Конану поручили, как он сам выразился, «переразбойничать» Биркарта. И, несомненно, это предложение пришлось киммерийцу по душе — можно на время покинуть надоевший Тусцелай и заняться интересным и сложным делом!

Риго, впрочем, был совсем не против поучаствовать в этой авантюре: ему было обидно за семейный меч и перстень. Кроме того, Биркарт забрал несколько очень ценных книг, которые можно было бы вернуть в случае удачи. А в том, что удача будет сопутствовать, Риго почти не сомневался.

Почти.

О том, что Кертис вместе с Просперо весьма хитро сыграли на самолюбии варвара, никто и не подумал. Хотя следовало бы.

* * *

Конан выбрал кратчайший и наиболее безопасный путь. Сначала на Полуденный восход, до реки Громовой вдоль которой на Полдень была проложена отличная дорога, которую, вдобавок, очень хорошо охраняли пуантенские гвардейцы — по ней в Боссонию шли товары из Зингары. Однако, дорога варвара интересовала лишь во вторую очередь: если подвернется подходящее речное судно, можно будет спуститься вниз

по течению Громовой до места слияния с Ширкой. Там расположен Вегельин, один из крупнейших торговых городов Зингары стоящий на перекрестье речных путей. От Вегельина до предгорий Пуантенского хребта — двое суток конного хода, даже если не особо торопиться.

Эмерт, сам бывалый путешественник, с расчетами варвара согласился безоговорочно: зачем утомлять лошадей, когда любая купеческая галера запросто доставит тебя в Вегельин? Кроме того, если галера не будет постоянно останавливаться в небольших гаванях левого берега Громовой, время пути сократиться минимум на три дня, что так же сыграет на руку путникам.

Повезло. У пристани городка Далариум стояла вместительная ставесельная галера принадлежавшая шемитам — Конан нашел капитана, чернобородого уроженца Асгалуна, и мигом договорился. Почтеннейший Бен-Насер как раз готовился к отплытию в Мессантию, с остановкой в Вегельине и других крупных портах и был не прочь заработать лишние несколько монет на случайных попутчиках. Уговорились на двух кесариях с человека и пяти серебряшках с лошади: плата высокая, но приемлемая, а торговаться с шемитами себе дороже!

Выяснилось, что Бен-Насер привез в Боссонию бочки с соленой рыбой, шемское вино и дешевую аргосскую упряжь для лошадей, а на Пол-

день собрался везти аквилонский лен и слитки бронзы. Обычный купец, каких тысячи.

Устроились на верхней палубе. Бен-Насер распорядился сделать для «благороднейших гостей» навес и выделил жаровню, чтобы не застудились ночью — на галерах шемитов кают не было, обычно корабли ходили по теплому Полуденному океану где уж точно не замерзнешь. Обедали вместе с командой, за капитанский счет.

Пейзаж начал разительно меняться на второй день плавания. По мере продвижения галеры к Полудню леса междууречья становились все зеленее, на аквилонском берегу появились всхолмья, а когда судно пересекло границу Зингары и Трона Льва потянулись возделанные поля, аккуратные городки выстроенные из желтого песчаника и причудливые дворянские замки. Зингара недаром считалась одним из самых богатых и благополучных королевств Заката — Фердруго, в отличие от Нумедидеса, полагал, что величие страны зависит не от количества золота в казне государя, а от богатства всех до единого подданных.

Надо заметить, что Зингара так же граничила с Пушей, рубеж тянулся почти на сто двадцать лиг, однако еще четыреста зим назад король Жайме II начал строительство вала-лимеса, призванного защитить полуночные области государства от возможных набегов со стороны Пушки.

Возводили лимес полторы сотни зим и постоянно его совершенствовали. В результате, через огромный полуостров, с Полудня и Заката окруженный океаном, а с Восхода ограниченный руслом Черной реки, протянулась непреодолимая полоса укреплений — о чем-то похожем аквилонцам и герцогу Троцero можно было только мечтать.

Башни Вегельина показались на четвертый день, ближе к полудню, а ко второму колоколу галера причалила в городской гавани. Судя по подорожным, выписанным Конану и его сопровождающим полутысячником Рагнаром, трое дворян направлялись из Боссонии в Пуантен — никаких вопросов у зингарских чиновников и стражи гавани пергаменты не вызвали. Все знали, что путь по реке наиболее короткий и удобный.

Отдыхать в Вегельине не стали, сразу перевелись через Ширку и поехали на Восход, туда, где темнела полоска Пуантенских гор. Уже следующим вечером путешественники вновь пересекли границу Зингары, но уже в обратном направлении и оказались в Великом герцогстве Пуантен. На перепутье трех дорог стоял огромный камень с выбитой надписью:

«Здесь всякий путник вступает в пределы великого и славного королевства Аквилонского, что находится под рукой короля Сигиберта. До Гайарда дорога зай-

мет сорок лиг, до Толозы — двадцать семь лиг, до Тарантии — семьсот восемьдесят лиг. Да будет ровным ваш путь и чисты стремления!»

— Не Сигиберта, а Нумедидеса, — проворчал киммериец. — Этот камень поставили зим триста назад... Давайте подумаем, куда направиться. Биркарт разбойничает по всему Пуантену и Таурану, гоняться за ним мы можем несколько зим подряд... Риго, ты ведь родом из этих мест? Что посоветуешь?

— Найти золотую середину, — сказал пуантенец. — Предлагаю отправиться в город Безьеर, он как раз на полпути между Гайардом и Толозой. А там уже решать, что делать и как искать Биркарта.

— Может, он сам нас найдет? — подал голос Эмерт. — Три путника, по виду отнюдь не бедные...

— Это было бы просто замечательно, — сказал Конан. — Но чаще всего происходит как раз наоборот. Может быть, Биркарт сейчас преспокойно отдыхает в Кордаве или Карташене... Говоришь, Безьеर? Никогда там не бывал. По какой дороге ехать?

— Прямо, — уверенно сказал Риго. — Завтра будем на месте, переноочем в одном из придорожных постоянных дворов, в Пуантене они встречаются через каждые две-три лиги.

* * *

Безьеर варвару понравился. Городок раскинулся на обоих берегах речки Арье, одного из притоков Хорота стекавшего с Пуантенских гор.

Это было очень древний город, стоявший на месте одного из поселений времен Ахерона. Конана потрясло небольшое приземистое здание стоявшее неподалеку от главных ворот: скромный храм Митры с небольшим шпилем увенчанным солнечным диском, оказывается, был построен еще в царствование короля Алькоя, то есть больше тысячи двухсот зим назад! Крепость, окружавшая Безьеर тоже выглядела старинной, но выпавших камней или обрушившихся зубцов на башнях киммериец не заметил. Значит, граф Безьеरский, владеющий всеми окрестными землями, тщательно следит за своим родовым владением.

В остальном городок был просто очарователен: чистенький, с узкими улочками и черепичными крышами, крошечными садиками в дворах и цветочными ящиками на подоконниках зажиточных горожан. Дома выстроены из розового камня добываемого в горах — «розовые города» были обычными для Пуантена. Рыночная площадь небольшая, но лавки обустроены со всем тщанием. На скале возвышается замок графа, островерхие башни и яркий штандарт: два

альных леопарда на золотом поле. Со стороны Польдня — горы со снежными вершинами.

Глядя на размеренную жизнь Безьеира никогда не подумаешь, что сравнительно недалеко, в Боссонии, уже две зимы идет жестокая война. Город же был украшен знаменами и цветными лентами — здесь готовились к празднику, совершенолетию единственной дочери и наследницы его милости графа которое состоится как раз на Весеннее Солнцестояние. Благородные будет веселиться целую седмицу, а простецов одарят щедрым подаянием, отменой налогов на целую луну и бесплатным вином из подвалов замка...

Без помощи Риго киммерийцу и Эмерту пришлось бы сложно — разговаривали здесь на пунтенском «горном» диалекте и далеко не каждый знал аквилонский язык. Причем варвар, отлично говоривший на родственном зингарском, понимал местных жителей с пятого на десятое, очень уж непривычным был выговор.

Риго, прежде частенько навещавший Безьеира, уверенно повел друзей к постоянному двору «для благородных» с верноподданническим названием «Два леопарда». Постояльцев там было немногоД — четверо дворян проезжающих по своим делам в Кордаву, богатый купец с семейством, да еще сотник гвардии Гайарда направляющийся в Боссонию. Хозяин, месьор Деметриус, оказался почему-то аргосцем, которого незнамо какими

ветрами занесло в Пунтен. В «Леопардах» было удобно — каждому досталась отдельная комната, а варвар с удивлением отметил, что отхожее место находилось отнюдь не во дворе: по приказу графа Безьеира под городом проложили хитрую систему труб выводивших нечистоты в реку. Настоящая редкость, такое и в Тарантии с Бельверусом редко увидишь, разве что в самых богатых кварталах! Хозяин, между прочим, как бы невзначай заметил, что в «Двух Леопардах» никто никогда не жаловался на кусачих насекомых, а это тоже о многом говорило...

Кормили великолепно — когда вся троица спустилась в общую залу к ужину (Конан скрепя сердце настоял, чтобы каждый одевался в соответствии с дворянскими обычаями), на стол подали речную и морскую рыбу с пряностями, ди-кую птицу и сугубо пунтенские яства — полоски теста вываренные в овощном соусе, кусочки мяса в протертой кашице из клубней и горячие пшеничные лепешки с горным медом. Выбор вин огромен — Конан, поразмыслив, остановился на своем любимом «Золотом Либнуме». В конце концов Просперо выдал на дорогу предостаточно серебра гайардской чеканки...

— Вот мы и приехали, — сказал киммериец, утолив первый голод. Огляделся — не хотел, чтобы кто-нибудь подслушал. За дальним столом скучал гвардеец, полностью занятый кувши-

ном вина. — Если я ничего не путаю, Безьеर находится в самом центре Пуантена, на равном расстоянии от самых больших городов, Толозы, Гайарда и Коменжа. Если кто забыл, напомню: нас интересует Биркарт из Абсема. Чем быстрее мы его поймаем, тем лучше. Но как это сделать я доселе не представляю. Риго, не смотри на меня так — Конан Канах, бывало, сам разбойничал, но ловить грабителей мне почти не приходилось... Давайте думать.

— Можно распустить слух, будто мы везем с собой несколько тысяч кесариев, — вяло предложил Риго. — Посидеть по тавернам, прикинуться пьяными и разболтать о ценном грузе... Я уверен, у Биркарта везде есть осведомители, иначе он никогда бы не добился таких внушительных успехов в своем... гм... ремесле.

— Разумно, — кивнул варвар. — Но тогда на нас могут начать охоту и другие шайки. К чему лишние трудности? Риго, ты ведь встречался с Биркартом, видел чуть не на расстоянии вытянутой руки. Каков он из себя?

— Высокий, почти как ты. Сложения плотного, однако живот не отрастил. Лицо было прикрыто шарфом, но я уверен, Биркарт носит бороду. Судя по глазам, барону Абсему около сорока или сорока пяти зим. Волосы темные. Его сыновей я не запомнил.

— Одежда?

— Ничего особенного. Кожаный колет, плащ... Голос у него странный.

— Что значит — «странный»?

— Очень низкий. Настоящий бас, ты по сравнению с ним просто соловей! — Конан действительно всегда говорил баском, и сравнивать варвара с «соловьем» было слегка опрометчиво. — Разговаривает очень вежливо, но учтивость Биркарта вошла в легенды...

— Ясно. Давайте-ка с завтрашнего... Впрочем, почему с завтрашнего? С сегодняшнего дня немного покутим. Покажем горожанам, что мы богаты. Первый шаг уже сделан, остановились в самом лучшем постоялом дворе Безьера. Риго, в городе есть хорошие веселые дома?

— А где их нет? — усмехнулся пуантенец. — Если мне память не изменяет, улица Медников, «Под Гиацинтом», сразу узнаешь...

— Отлично. Закончим с ужином и пойдем развлекаться. Риго, не морщись — в твоем возрасте такие забавы обязательны. Или ты... ну... Не любишь женщин?..

— Чего!? — возмутился Риго оскорбительным намеком, подразумевавшим осуждаемый и не-приличный грех. — Я с вами!

— Вот и замечательно, заодно прыщи пройдут.

— Конан, не увлекайся, — Эмерт всегда говорил очень мало, но только по делу. — Насчет от-

дохнуть — никто не против, но какое отношение это имеет к Биркарту?

— Я уже говорил: прикинемся богатыми людьми...

— А почему бы нам не прикинуться бароном Абсемом и его сыновьями? Их трое, нас трое...

Конан помолчал несколько мгновений. Осознавал сказанное Эмертом. И, наконец, просиял:

— А ведь это замечательная мысль! Эмерт, с меня кувшин «Либнума»! Ты хоть понимаешь, что придумал?

— Что? — флегматично осведомился боссонский лучник.

— Давай рассудим. У Бир карта из Абсема есть слава. Или, как говорят благородные, репутация. Он не убил ни одного человека, даже защищаясь. Он куртуазен и рыцарствен. Он истинный дворянин. Тогда зачем нам искать барона Абсемского, когда он сам нас найдет?

— Почему? — озадачился Риго.

— Да потому, что некто начнет разрушать ради чистоты образ благородного разбойника! Мы сделаем из него чудовище! Презираемого всеми изгоем, которого будут ненавидеть даже собраться по ремеслу! Причем сделаем это очень быстро, дурное дело нехитрое! Как только пойдут нехорошие слухи, Биркарт сам начнет охотиться на людей, осмелившихся покуситься на его славу! И тогда он в моих... В наших руках!

— Что-то в этом есть, — согласился Эмерт. — Полдесятка убийств, желательно очень жестоких и кровавых, несколько изнасилований... И тогда Биркарт запросто попадется в расставленную сеть.

— Вы спятили? — возмущенно задохнулся Риго. — Какие убийства, какие изнасилования? В этом я участвовать отказываюсь! Отказываюсь и все тут! Я дворянин!

— Эмерт неудачно пошутил, — примирительно сказал киммериец. — Не ори, вон месьор Деметриус начал на нас смотреть... Понятно, что ничего подобного делать нельзя — Просперо по головке не погладит, а мы все-таки действуем по приказу его светлости. Но погубить репутацию Биркарта можно и другими способами. И вот тогда...

Киммериец сделал многозначительную паузу и поднял серебряный стаканчик наполненный «Золотым Либнумом».

— Я понял, что мы будем делать. Клянусь Кромом, мы встретимся с Биркартом из Абсема в ближайшие две-три седмицы!

— Неосмотрительная клятва, — заметил Эмерт. — Что будет, если он и впрямь находится в Карташене или Мессантии?

— Примчится в Пуантен вприпрыжку, хоть с края, хоть из-за края света! Риго, как пройти на улицу Медников?

— Давайте провожу, — вздохнул пuanтец. — Сказал же: куда вы, туда и я...

* * *

Конан пока не собирался посвящать друзей в свои грандиозные планы только потому, что они окончательно не сформировались. Так было всегда — сначала в голове варвара формировался некий «призрак», очертания грядущей авантюры, и только когда «призрак» обретал зримый облик, Конан отбрасывал сомнения и действовал со всей присущей ему решительностью и напористостью.

Когда-то Белит ужасно возмущалась медлительностью киммерийца — казалось бы, сокровищницы Кеми рядом, на расстоянии полудневного перехода, сокровища сами идут в руки... Но Конан выжидал, не обращая внимание на боевой пыл своей подруги. И нанес удар тогда, когда было нужно, сохранив десятки жизней команды «Тигрицы». Не способная ждать Белит через несколько зим погибла и главным виновником ее смерти было именно нетерпение — она поторопилась и, увы, ушла на Серые Равнины...

Отлично зная, что Биркарт Абсемский является очень крепким орешком, киммериец для начала решил использовать полу забытый шадизарский опыт. Жуликов и «ночных цирюльни-

ков» хватает в любом королевстве Заката, они есть и в благополучном Безье. Отличный резерв, были бы деньги...

Денег у варвара хватало с избытком. Если серебро закончится, всегда можно обратиться к хранителям казны Гайарда — письмо Просперо и это предусматривало.

... Узнать Конана в обтрепанном бродяге, сидевшем за липким от грязи столом кабака «Пестрая перепелица», расположенным в предместье за периметром городских стен Безье, было довольно сложно. Темные волосы присыпаны красноватой пылью, одежда прохудившаяся, на лице щетина, готовая вскоре превратиться в окладистую бороду. Киммериец не любил растить бороду и всегда брился туранским ножом предназначенный нарочно для этой цели, но теперь был готов поступиться многолетним обычаем.

Это был весьма необычный бродяга: в «Пестрой перепелице» знали, что он появился совсем недавно и был чужаком. Не иначе, с Полуночи. Кроме того, варвар отличался от всех остальных высоченным ростом и могучим сложением, причем в первой же схватке уложил всех противников — откуда им было знать, что в благороднейшем искусстве кабацкой драки Конан не имеет себе равных? Затем, выяснилось следующее: чужеземец деньги не считал в буквальном смысле этих слов — Билане, симпатичной, но вполне

обыкновенной блуднице, он заплатил впятеро больше оговоренного. Чистейшим серебром.

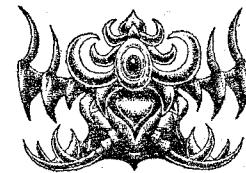
Еще широкоплечий бродяга играл в кости, причем частенько выигрывал. А если случался проигрыш, то опять же расплачивался новенькими монетами Гайарда. Его трижды попытались ограбить безъерские «ночные цирюльники», но кончалось это тем, что в темных переулках предместий оставались валяться неудачливые искатели легкой наживы с переломанными руками и челюстями.

Однажды черноволосый бросил хозяину «Перепелицы» несколько слов: «Скажи «королю цирюльников», чтобы поговорил со мной». И брезгливо швырнул на стойку сразу пять кесариев с профилем короля Вилера.

—... Я согласен с ним встретиться, — сказал « полночный король» Безьера, когда ему доставили сообщение из «Перепелицы». Строго взглянул на посыльного, шустрого мальчишку прислуживавшего в таверне. — Это необычный человек, а мне нравится все необычное. Завтра, в полдень. Так и передай.

— Как скажешь, господин, — нырнул в поклон мальчишка и мигом исчез за дверью.

Интрига завертелась.

Глава четвертая Безумный замысел

Пуантен

2-я весенняя луна 1286 года
по основанию Аквилонии.

роженец Коменжа Фалькон не без оснований полагал себя самым несчастным человеком на свете. Во-первых, людей искусства никто не понимает — эта вечная истина неоспорима. Во-вторых, за упомянутое искусство плохо и нерегулярно платят, что Фалькон знал на собственном опыте. И в-третьих, ремесло Фалькона считалось наиболее презираемым: голиарды в королевствах Заката были последними отбросами, хуже рабов, грязнее золотарей...

По большому счету, петь, плясать и кривляться в Аквилонии или Зигнаре мог кто угодно,

не исключая даже коронованных особ, но это являлось всего лишь оригинальным пристрастием, способом развлечь себя и других. И уж конечно, никто не требовал за это деньги — нельзя представить себе какого-нибудь герцога или маркграфа сочиняющих героические баллады или играющих на лютне ради презренного золота! Стыда не оберешься!

Однако, по бесконечным дорогам от Тарантии до Шадизара и от Кордавы до Пайрогии бродило неисчислимое количество шутов, зарабатывающих на своем таланте. Актеры и мими исполняющие фарсы и трюки, поющие чужие и собственные песни жонглеры и менестрели, ваганты — эти продавали не только свои дарования, но и интеллект, предлагая сочинить письмо или прошение, записать торговый договор...

Представителя этой братии можно было встретить в любом городе или крупном селении, балаганы обычно располагались возле рынков или на главных площадях (если позволяли власти), но в целом к мимам относились с недоверием: все они жулики и бездельники, воры, а то и похитители младенцев!

Митрианство подобные развлечения открыто не одобряло: храмовые жрецы говорили, что для веселья существуют праздники, все остальные дни должны быть посвящены неустанным трудам. Этую же точку зрения разделяли дворяне —

искусство благородных гонениям не подлежало в виду своей салонности и бесплатности, а также благодаря высокому происхождению рыцарей, прекрасных дам и герольдов: они были трубадурами. Посему площадные мими редко чувствовали себя уютно, а с благородными предпочитали вообще никогда не связываться — убьют и не заметят, особенно если зазвенел бубенчиком не вовремя...

Но хуже всего жилось голиардам — это невиданное по своей абсурдности сообщество появилось именно в Пуантене, где нравы были посвободнее и люди терпимее. Голиард являл собой довольно сложный сплав бродячего жреца и шута. Провести митрианский или иштариjsкий обряд, принести в жертву барабанка, соединить сердца влюбленных, устроить церемонию погребения? Пожалуйста! Ну а если услуги жреца не нужны, голиард будет развлекать почтеннейшую публику балаганными трюками.

Впрочем, «почтеннейшей» публику голиардов можно было назвать только с большой натяжкой: на такое клевали исключительно безграмотные кметы живущие в отдаленных деревнях, да самые бедные торговцы. Настоящие жрецы голиардов гоняли беспощадно а люди образованные плевались едва заслышиав само слово «голиард» — нельзя сочетать несочетаемое, служение богам, и презренное кривлячество! Если голиар-

да ловили на месте святотатства, лучшим исходом был позорный столб на седмицу, худшим — галеры или виселица.

Фалькон был молод, ему и двадцати пяти не исполнилось, но эта недолгая жизнь была омрачена сплошной чередой бедствий, каковые начались с самого рождения: нежеланного младенца подбросили в митрианский монастырь Коменжа. Дитя взяли на воспитание, но Фалькон с детства исполнял в обители тяжелую и грязную работу — настоящим жрецом мог стать только благородный человек, а подкидыши находились на положении монастырских рабов. В семнадцать зим Фалькона из монастыря изгнали — за предсудительную связь с дочерью купца жившего по соседству и мелкое воровство (украл из трапезной полкувшина вина, сыр и хлеб).

Фалькон прибыл к бродячему балагану, где научился нескольким трюкам, но и здесь его постигла неудача: два года спустя корабль, на котором актеры плыли из Кордавы в Мессантию потерпел крушение у берегов Аргоса, кроме Фалькона никто не выжил, а его самого подобрали в море пираты с Барахас и недолго думая продали в рабство шемитам. Удалось бежать. Поймали, высекли. Новый побег — на этот раз удачный. Фалькон ухитрился вернуться в Пуантен и прибыл к голиардам: за время пребывания в монастыре Коменжа он запомнил основные ми-

тиранские обряды и вполне мог сойти за жреца, да и балаганный опыт пригодился.

С тех пор Фалькон, когда в одиночку, а когда вдвоем со старым Роберо из Карташены, бродил по Паунтену и Полуденным графствам Аквилонии да развлекал простецов, одновременно прикидываясь настоящим митрианским монахом. Последнее было категорически противозаконно — жреческого посвящения Фалькон не получал, да и получить не мог. Два раза попадался, но обошлось: сначала пожалел десятник стражи, а потом его всего лишь поставили к позорному столбу на три дня — обыватели швырялись гнилыми яблоками и капустой, но это можно было перетерпеть...

В Безье молодой человек в грязной хламиде монаха пришел третьего дня и сразу понял: заработать в городе не получится. Граф Безьерский строг, порядок поддерживается неукоснительный, стража исполняет обязанности ревностно. Денег у Фалькона было очень мало, все-таки навсего полтора десятка медных двойных ассов и зингарская серебряная пассета с изображением Башни Кордавы.

Это означало, что на ночлег можно остановиться лишь в самой дешевой таверне за стенами города и не ждать на обед ничего существеннее разваренных овощей даже без соли и куска зачерствевшего хлеба.

«Надо идти дальше, — решил Фалькон, — в горные деревни, может там удастся заработать...»

В «Пестрой перепелице» к голиарду относились безразлично — жуликоватые посетители и постоянные гости не обращали на него никакого внимания, все равно с бродячего монаха взять нечего, вон как трясется над каждой медяшкой! Обращаться с Фальконом никто не хотел, поскольку обитавшие в «Перепелице» мошенники считали себя отдельной кастой, которая, несомненно, стоит на множество ступеней выше презренных шутов, прикидывающихся жрецами! Ночевал Фалькон в хлеву, на прелом сене, рядом с загоном для свиней, а в общую залу таверны заходил только для того, чтобы чуть перекусить. День он проводил в городе, пытаясь найти эрителей, но фокусы на рынке принесли всего два асса, самых мелких монетки...

Тем утром Фалькон сидел за дальним столом, тосковал и с отвращением смотрел на плохо проваренную (и наверняка подгнившую) репу в треснутой глиняной миске. Очень хотелось есть, но эта гадость в рот не лезла!

— Привет, — свет исходящий от затянутого бычьим пузырем оконца загородила внушительная фигура. На столе вдруг образовались две кружки с пивом и большое блюдо с бараниной и сыром. — Как тебя зовут?

Лавку напротив Фалькона занял темноволосый незнакомец. Настоящий здоровяк, высоченный и очень широкоплечий. Голиард вовсе не считал себя слабаком — Фалькон был тощий, но жилистый, однако по сравнению с этим человеком он выглядел сущим заморышем.

— Чего тебе? — неприязненно сказал Фалькон. Ничего кроме неприятностей от других людей он не ждал.

— Выпей и поешь, — непринужденно ответил великан. — Я хочу тебя нанять.

— Нанять? — не понял голиард. — Зачем?

— Узнаешь. Вот половина оплаты.

Неизвестный медленно выложил на стол десять крупных серебряных монет. Настоящих «леопардов», чеканящихся в Гайарде!

— Я не убиваю и не ворую, — слабо сказал Фалькон, завороженный блеском серебра. На такую огромную сумму можно безбедно жить пять седмиц! Или десять, когда будет заплачена вторая половина! — Я... я...

— Ты голиард, — подсказал черноволосый. — Видывал я вашу братию... Значит, язык хорошо подвешен? Верно?

— Без этого в нашем ремесле делать нечего, — ответил Фалькон. — Заговаривать зубы я умею.

— Вот и отлично. Язык и будет твоим главным оружием... Слушай очень внимательно и за-

поминай, что скажу. Второй раз повторять не буду. Да, и если надумаешь сбежать с деньгами — из-под земли достану.

Фалькон кивнул и поежился. Этот точно достанет — у пиратов Барахас был похожий взгляд.

Серебро свое дело сделало: предложение оказалось сколь необычным, столь и заманчивым. Голиард согласился почти не раздумывая.

* * *

Удивительно, как может перемениться жизнь человека благодаря случайной встрече в грязной таверне!

Впервые за много зим у Фалькона появилась чистая и добротная одежда, в кошеле приятно познавали монеты, а поселили его на приличнейшем постоялом дворе «Два Леопарда» — комната была маленькой, но раньше голиард ни о чем подобном и мечтать не мог!

Наниматель приказал при людях посторонних именовать его месьором Арсом из Шамара, а в разговорах наедине — Конаном Канах. Имя странное, чужеземное, месьор Конан на аквилонца походил мало: скорее, этот человек был выходцем из Темры или из Гандерланда. Фалькон только руками развел, узнав потом, что Конан происходит родом из Киммерии, страны варварской, почти сказочной и незнамой.

Чем именно занимался Конан для голиарда оставалось загадкой. Никаких сомнений, «ночным цирюльником» он не является, хотя переодевается по пять раз на дню и ведет себя странно. Киммериец выступает то в роли дворянина, то наемника, иногда превращается в жулика с окраин.

Сопровождают его двое: угрюмый и неразговорчивый громила по имени Эмерт и смуглый молодой человек с благородными манерами — Фалькон слышал, как варвар назвал его «графом Риго». Неужто на самом деле граф?..

Перво-наперво Конан в точности узнал, что голиард умеет делать. Стихи сочиняешь? Отлично. Играешь на лютне? Еще лучше! С благородным обхождением знаком? Просто замечательно! (Фалькон запросто перенимал манеру общения разных людей и мог прикинуться хоть купцом, хоть герольдом его светлости Троцero — без этого таланта миму или голиарду не обойтись). Одно плохо: оружием Фалькон вовсе не владел, только ножом, а потому следовало избегать даже намека на поединок!

При чем здесь поединки? Да при том, что голиард отныне становился человеком с достойным происхождением и уважаемым родом занятий: сын обедневшего дворянина наделенный поэтическим даром, путешествующий по землям Пуантена — дело самое обычное. В этих местах

любили трубадуров и ценили искусство стихосложения.

Сразу возникла трудность: Фалькон привык к непрятательным нравам крестьян и не сочинял ничего сложнее грубоватых песенок. Могли возникнуть ненужные осложнения — дворяне ничего подобного слушать не будут! На помощь пришел Риго, прекрасно осведомленный о нравах царящих в дворянских замках и за ночь родились четыре вполне приличные баллады с соответствующими оборотами и куртуазными фразами. Теперь можно смело отправляться в гости к графу Безьера.

— Прежде всего — будь скромен, — втолковывал Конан Фалькону. — Поменьше рассказывай о себе, граф отлично знает все генеалогии и гербы, может подловить на лжи. Ты приехал очень издалека, допустим — из Бритунии...

У Фалькона была хорошая память и он быстро зазубрил имена дворян какого-то герцогства Райдорского находившегося в восходной части Бритунии — прошлым годом киммериец провел в Райдоре несколько лун и был хорошо знаком с тамошними благородными семействами. Вероятность того, что в Пуантене, на другом краю материка, обнаружится хоть один человек бывавший в Райдоре была крайне невелика. Таким образом вчерашний голиард превратился в Фалькона, младшего сына барона Остина — озна-

ченное баронство даже в Бритунии считалось невероятным захолустьем и находилось оно в предгорьях Граскаала, возле границы с Гипербореей. Тот факт, что род Остинов давно пресекся, варвара волновал мало: откуда об этом знать пуантенцам?

Расходы на возрождение угасшего рода оказались изрядными: Фалькону купили одежду, хорошую кипарисовую лютню, серебряную баронскую цепь изготовил ювелир с улицы короля Атаульфа. Долго искали меч — в замке нельзя было показываться с оружием, выкованным в Пуантене, заподозрят неладное. По счастью, на рынке обнаружилась лавка немедийского оружейника, а Немедия, как известно, граничит с Бритунией. Там же купили спокойную кобылку зингарской породы, упряжь и седло.

— Неплохо, — заключил Конан, оглядев полностью снаряженного Фалькона. — За день сделали из бродяги вполне достойного человека. Твой митрианский балахон, я сжег — давно не видел такой отвратной грязной тряпки! Если все сделаешь правильно, есть шанс, что ты начнешь новую жизнь. Последний раз спрашиваю: запомнил, что надо делать? Не испугаешься и не отступишься?

— Не отступлюсь, — твердо ответил Фалькон начавший верить, что с прошлым действительно покончено. — Все сделаю как надо.

— Отлично, тогда встречаемся вечером в «Двух Леопардах».

* * *

— Грандиозная авантюра, — покачал головой Риго, когда Фалькон отбыл в замок графа Безье-ра. — Конан, я убежден, что ты умрешь в своей постели от старости только по недосмотру или нелепой случайности! Где ты научился так замечательно дурить людям головы?

— Когда-нибудь потом, когда война кончится, съезди в славный городок Шадизар, — усмехнулся варвар. — Я провел там несколько зим и ничуть об этом не жалею. Бьюсь об заклад, что самый лучший город Восхода и Заката! Одно то, что Шадизар находится под покровительством такого божества как Бел-Обманщик, говорит о многом.

— Не сомневаюсь, — согласился Риго. — Понимаешь, Биркарт клюнет?

— Разумеется. Подожди, пройдет дней десять... Мы ведь только начали!

За несколько дней проведенных в Безье-ре киммериец перевернул тихую жизнь города с ног на голову. Внешне ничего необычного не замечалось — на рынке торговали, стража скучала и гоняла карманных воришек, дворяне ездили охотиться в горы. Однако дно Безье-ре, «темная

половина» города оказалась переполошена. Там очень быстро поняли, что нежданный гость с Полуночи — человек очень серьезный. Настолько серьезный, что даже «ночной король» пошел с ним на весьма любопытное соглашение.

Конан с юности знал, что «цирюльники» понимают и уважают только силу и гонор, а того и другого варвару было не занимать. Своими вывертами в «Перепелице» киммериец вначале озадачил безьевских воров, потом заставил себя опасаться, ну а вскоре по городу поползли слухи о том, что трон под «королем» закачался — якобы у него появился соперник: наглый, сильный и невероятно самоуверенный, действующий фактически в одиночку.

Опасения «короля» варвар рассеял при личной встрече: никто не собирается покушаться на его сомнительный трон. Больше того, Конан готов хорошо заплатить за некоторые услуги. На кого именно придется работать? Э-э... На Полуденном побережье этот человек известен как Амра-лев.

Его величество был человеком тертым и решил проверить слова незнакомца, благо раньше про Амру-льва ровным счетом ничего не слышал. Снесся голубиной почтой с зингарскими соратниками, на следующий день получил ответ и призадумался: оказывается, этот знаменитый пират был на Побережье весьма заметной фигурой.

Сейчас он вроде бы отошел от дел, но купцы Шема и Аргоса вспоминая Амру-льва доселе вздрагивают и поминают разнообразных богов.

Описание прославленного пирата было таково: роста высокого, волосы темные, глаза голубые, обликом напоминает варвара с Полуночи. Невероятно силен и столь же хитер. Связываться с ним опасно, а если ты попал в список врагов Амры-льва — умрешь страшной смертью. Приехавший в Безье чужеземец подходил под описание один в один, единственным отличием была темная окладистая бородка. Так-так... И что же теперь делать? Принес Бел-Обманщик несчастье на нашу голову!

Конан рассчитывал именно на такой результат и, как всегда, не ошибся. «Ночной король» памятуя о депеше присланной друзьями из Зингары решил, что если этот человек действительно Амра-лев, будет дешевле и выгоднее оказать ему помощь. Ну а когда он услышал, что именно задумал перебравшийся на сушу пират, у повелителя безьевских воров отвисла челюсть.

Поймать Биркарта из Абсема? Невероятно!

Амра пообещал пятидесятую часть — огромную сумму. Безье город маленький, нет здесь размаха великих столиц и крупных торговых городов, а посему выручка могла перекрыть годовой доход «ночного короля» раз эдак в десять. Не надо жадничать — в ремесле «цирюльника»

жадность губительна и выводит на прямую дорожку к эшафоту! Пятидесятой части вполне хватит!

— Что надо делать? — напрямую вопросил ихнее жульническое величество и киммериец понял, что одержал скорую и уверенную победу. «Ночные цирюльники» везде одинаковы, будь они родом из Шадизара или Пуантена!

... С того дня Конан стал в Безье человеком уважаемым: жулики старались не попадаться на его пути и делали вид, будто гость, дважды в день забредающий в «Перепелицу» им совершил неинтересен. Некоторых воров киммериец зазывал на короткий разговор, совал в ладонь серебро и отпускал восвояси. С другим разговаривал «король» и настрого приказывал блюсти тайну — если проболтаешься, тебя найдут в реке Арьеж с перерезанным горлом. Всем понятно?

Понятнее некуда!

Про самого Биркарта в Безье мало что знали кроме, понятное дело, всем известной легенды — барон Абсемский был хоть и разбойником, но благороднорожденным, и с жульем из числа простецов почти никогда не связывался. Исключением были скupщики: к ним Биркарт или его сыновья обращались для того, чтобы сбыть ненужные вещи. (Услышав это, Риго мысленно попрощался с фамильными мечом и перстнем). В остальном Биркарт оставался неуловимым — его

мало кто видел, о логове разбойника не знал вообще ни один человек.

Киммериец в разговоре с «ночным королем» особенно заинтересовался скопщиками краденого, способными рассказать о бароне Абсемском, однако с разочарованием узнал, что придется ехать в Гайард или Толозу. Все-таки Безьеर маленький городок, где нет больших денег. Но если уважаемый Амра-лев желает...

Амра-лев не желал. Он вообще отказался объяснять, почему центром охоты на Биркарта выбрал сравнительно захолустный Безьеर, который находится в самой середине Пуантена. Ведь рыцарь-разбойник предпочитает искать добычу именно возле больших городов, на крупных торговых дорогах... Непонятно!

Конан не торопится, расставляя сеть аккуратно и вдумчиво, понимая, что играет с умным противником и малейшая ошибка может привести к неудаче. Второй раз такая крупная рыба на крючок не попадется.

Задумка же попахивала откровенным безумием: под видом Биркарта из Абсема ограбить замок его милости графа Безьера, самого графа с семьей, а так же и гостей, съезжающихся на восемнадцатилетние его достойнейшей дочери, каковое будет праздноваться через седмицу.

— Ты спятил, — прямо высказался Эмерт, когда варвар объяснил что к чему. Риго лишь воз-

вел очи горе: пуантенец считал замысел решительно невозможным, а кроме того предосудительным. Впрочем, мнением Риго Конан мало интересовался. Рассудительный Эмерт предпочел здравые возражения: — Сколько стражи? Пятьдесят человек? Гости его милости почти поголовно дворяне, отлично владеющие оружием, а это еще полсотни мечей! Если не больше! Замок стоит на неприступной скале! Как ты себе это представляешь?

— Очень хорошо представляю, — невозмутимо ответил Конан. — Эмерт, мы вместе с тобой раздобыли Книгу Бытия, подавили мятеж оборотней Пограничья и посадили на трон Британии Альбиорикса! Ты все еще во мне сомневаешься?

— Ничуть не сомневаюсь, — флегматично сказал Эмерт не покривив душой. — Но хотел бы знать подробности.

— Потерпи.

— Кажется, я начинаю понимать, на что ты рассчитываешь, — нахмурившись, сказал Риго. — В прежние времена Биркарт из Абсема разбойничал только на дорогах. Если твой замысел удастся, все решат, что барон смертельно оскорбил большую часть дворян Пуантена. Торжество проводится в день Весеннего Солнцестояния, то есть освящено Митрой, это первое. Непременно возмутятся жрецы! Второе: благородный человек

никогда не посмеет испортить праздник высокородной девице, молодой графине Безьеर. Это повод для кровной мести. И третье: в Пуантене на Биркарта начнется бешеная охота.

— Тебе его жалко? — участливо осведомился Конан.

— Ничуть. Биркарт может сколько угодно называть себя дворянином, но... То, что он делает недостойно титула и звания человека чести!

— Вот видишь? По-моему барона Абсема следует хорошенько наказать.

— Но не таким же способом!

— Если у тебя есть другие предложения — готов выслушать. И не забудь о главном: ты наемник армии Черной реки, а я твой сотник. Сотник, исполняющий приказ его светлости Великого герцога Пуантена. Понятно?

— Понятно, — вздохнул Риго. — Можно спросить, зачем ты нанял голиарда? Фалькон, конечно, неплохой парень, но его ремесло не вызывает ничего, кроме отвращения...

— Увидишь, — многозначительно сказал Конан. — Даже самые никчемные бродяги могут пригодиться. Кроме того, Фалькон из Коменжа не «никчемный» — ему просто надо поверить в себя! Ты ведь поверил?

— Поверил, — нехотя согласился Риго.

— Тогда помалкивай! Думаешь Конан Канах нанялся к Троцеро нарочно для того, чтобы по-

могать молодым бездельникам находить свою дорогу в жизни?

Риго не нашелся с ответом. Хотел было сказать, что каким-то невероятным образом удачливость Конана передается другим людям, выступающим на стороне варвара, но...

Но промолчал. Боялся сглазить.

* * *

— Как доложить? — седой десятник гвардии его милости графа Безье́рского строго взглянул на молодого дворянина явившегося к воротам замка. — С какой целью прибыли, почтенный?

— Фалькон, барон Остин, из Бритунии, — голиард изобразил пренебрежительную усмешку присущую всем захолустным дворянам, вынужденным говорить с низшими. — Желаю выразить свое почтение графу и развлечь его достойную наследницу куртуазными балладами. Ибо по всему Пуантену идет молва, будто владыка Безье́ра привечает у себя всех, кто славно поет или слагает стихи или владеет еще каким-нибудь дивным искусством.

Десятник приметил лютню, притороченную к седлу. Вздохнул. Понял, что явился еще один нахлебник — по дворянским обычаям трубадуров следовало кормить и дозволять им жить в замке, взамен получая исключительно песенки!

Алиенор, графская дочка, без музыки жить не может, а их милость потворствует...

Замок графа Безьеरского был невелик, но совершенно неприступен: три башни словно бы вырастали из желтоватой скалы, господствовавшей над городом. Замок-страж, замок-хранитель, под его сенью жить было легко и безопасно. Подданные графа знали, что никакой враг никогда не сможет захватить эту твердыню и желтое знамя с двумя леопардами не будет опозорено!

Конан настрого указал Фалькону подмечать и запоминать любые мелочи: расположение лестниц и проходов, где стоит стража, как выглядят пристройки во дворе. Как выяснилось, охранялся замок не слишком ревностно: кого бояться в благополучном и безопасном Пуантене?

Месьор граф произвел на Фалькона сильное впечатление: крепкий сорокалетний мужчина с обветренным лицом, цепким взглядом и узловатыми руками. Сразу видно — хозяин, повелитель, прирожденный господин. Такого наскоком не возьмешь, зря Конан надеялся на легкую добычу!

—... Из Британии? — его милость был изрядно удивлен. — Редкий гость. Я — Альгейс, граф Безьеर, владетель окрестных земель.

Фалькон выдал наикрутазнейший поклон — в балагане насобачился. Старательно копируя акцент уроженца Полуночи (Конан показал как

надо говорить) сообщил, что путешествует. И вообще, очень рад встрече с таким знатным и благородным месьором. Так же Фалькон прослушал о торжестве, устраиваемом в честь молодой графини и...

— Барон Остин, значит? — перебил Альгейс. — Любопытно. Позволь узнать, каков герб твоего рода?

— Серебряный боевой молот в червленом поле с геральдической розой в верхнем правом углу, — заученно ответил Фалькон. Граф тем временем выложил на стол громаднейший старинный фолиант и пояснил:

— Общий гербовник королевств Заката. Редкая и очень дорогая книга.

Фалькон похолодел: киммериец говорил, будто наследников семьи Остинов не осталось, а земли давно перешли во владения маркграфа Карндана. Сейчас поймают на горячем! В лучшем случае — выгонят!

Геральдический свод, однако, был составлен зим сто назад — Фалькону нескончально повезло. Граф отыскал раздел с изображениями гербов бритунийских дворян, просмотрел страницы посвященные Великому герцогству Райдорскому и наконец узрел искомое.

— Очень уважаемая семья, — сказал Альгейс, — Вы, оказывается, в родстве с немедийскими и аквилюонскими монархами... Судя по

твоему возрасту, ты должен быть семнадцатым или восемнадцатым бароном Остин?

— Восемнадцатый, — осмелел Фалькон.

— Выходит, твоя пра-прабабка приходилась племянницей королю Сигиберту Великого! — было заметно, что граф относится к благородной крови со всей серьезностью. — Вот откуда роза в гербе! Ты младший сын?

— Да, ваша милость. Третий, ненаследный.

— Что ж, я рад приветствовать барона Остина в моем доме. Ты остановился в городе?

— Разумеется.

— Что — значит, «разумеется»? Я буду оскорблен, если родич самого короля Сигибера пре-небрежет гостеприимством графа Безьера!

«Вот так влип, — подумал Фалькон. — Но если подумать, оно и к лучшему».

— Ты один, или со слугой?

— Один, ваша милость. Наша семья небогата и я не могу себе позволить содержать слугу.

— Бедность для дворянина неприятна, но грехом отнюдь не является, — твердо сказал граф. — В моем замке ты найдешь приют и понимание. Надо же, родственник Сигибера Завоевателя!..

На зов его милости примчался стражник и отвел Фалькона в предназначенную для гостя комнату, расположенную в Полуденной башне. Голиард обомлел, увидев постель под балдахи-

ном, мраморную купальню и мебель красного дерева. Граф Безьерский считался очень богатым человеком.

Забрав лютню Фалькон отправился представляться наследнице. Молодая Алиенор вышивала, расположившись в маленьком садике одного из внутренних дворов.

Графиня оказалась некрасивой и грустной девушкой. Волосы убраны под драгоценную сеть, платье из лучшего бархата с отделкой золотой нитью..

Начисто отмытый и приодетый Фалькон рядом с Алиенор казался писанным красавцем — голиард был симпатичным парнем, оказалось вполне достаточно обрезать длинные волосы, подбрить затылок по рыцарскому обычаю и как следует покупаться в водах реки Арье, чтобы перестать выглядеть грязным оборвышем. Теперь у Фалькона во взгляде появилась уверенность, осанка самая что ни на есть дворянская. А то, что худощав и щеки впалые, можно списать на меланхолический склад характера.

«Ты должен стать в замке графа своим человеком» — приказал Конан поутру. Значит, следует завоевать расположение хозяев. Его милости Альгейсу Безьерскому Фалькон понравился только благодаря мнимому родству с величайшим из государей Аквилонии. Но как добиться благосклонности унылой Алиенор? Вроде бы судьба по-

дарила девушке все: богатство, блестящее происхождение, могучего и уважаемого отца...

Внешность не самое важное, да и по большому счету графиня вовсе не уродлива, а просто не слишком красива. Лицо с невыразительными чертами, маленький курносый носик, слишком близко поставленные глаза. Теперь понятно, почему ее милость так любит музыку и прекрасные лэ — она живет в мире грез!

Фалькон сбросил с плеча ремешок лютни и пробежался пальцами по струнам. Получалось очень неплохо. Алиенор подняла взгляд.

Что ж, посмотрим, насколько удачна баллада сочиненная вместе с Риго прошлой ночью!

*Я безумно устал от дорог,
От бесцельных шатаний по свету,
Чтоб всё так же вступать на порог,
Распевая всё те же куплеты,
И всё так же разглядывать слуг,
И всё так же молить о ночлеге,
С каждым годом сильнее испуг
Ожидания первого снега.*

Графиня отложила вышивание и встала. Подошла ближе. Красивый голос, роскошный: то как скользкий атлас, то как прохладный шелк, то как мягкий бархат, то жемчугами рассыплется, то медью зазвенит, а то вдруг прольется, точно ручей на перекате...

*Я безумно устал от огня,
Расплескавшего наземь бериллы,
Я устал — пощадите меня
От базаров и уличной пыли,
От промозглой личины утром,
От глухой беспросветности ночи,
От боязни падения; впрочем,
Если я не разбился вчера,
Завтра чья-нибудь лошадь растопчет.
Я пришёл — забирайте меня
Под крыло всеблагого закона,
Я устал умирать у фургона,
Я пришёл — убивайте меня...*

— Кто вы, сударь? — тихо спросила Алиенор, когда песня была закончена. — Я раньше вас не видела.

— Я — ваш нижайший и преданнейший слуга, госпожа, — поклонился голиард. — Фалькон, барон Остин. По приглашению вашего благородного отца гошу в замке Безье. Счастлив, что сумел уладить слух вашей милости недостойными строчками...

— Отчего же недостойными? Милая баллада. Вашего сочинения?

— Да, — почти не покривил душой Фалькон. — Вам понравилось, госпожа?

— Очень...

Голиард провел с Алиенор время до вечерних сумерек и вдруг вспомнил, что в «Двух Леопар-

дах» его ждет Конан. Пришлось извиниться и спешно уйти. Алиенор проводила нового знакомца мечтательным взглядом.

* * *

— Графиня — добрая и умная девушка, — говорил Фалькон варвару, Эмерту и Риго собравшимся за столом в обеденной зале постоянного двора. — Она очень тяготится непримечательной внешностью и думает, что отец навязывает ей старого и нелюбимого жениха. Кто еще такую возьмет? Династический брак...

— Смотри, не влюбись, — серьезно сказал Конан. — Нежные чувства в таком деле как наше только помеха. Закончим — влюбляйся сколько угодно, но сейчас пострайся воздержаться.

— Как скажешь.

— С графом все прошло гладко?

— Вполне. Месьор Альгейс настоящий рыцарь, суровый и тяжелый на руку. Из-за него могут возникнуть трудности... Без боя он не сдается.

— Ни о каком «боев» и речи быть не может! В таком деле работать надо головой, а не острыми железяками. Мне нужен подробный план замка, расположение сокровищницы и винного погреба...

— Зачем тебе винный погреб? — удивился Риго.

— Какие вы торопливые, месьоры! Давайте договоримся: подробности вы узнаете в самый последний вечер. Это не от недоверия к вам, просто я не хочу, чтобы все сорвалось из-за нелепой случайности. Ну а пока каждый будет заниматься своим делом. Фалькон, отправляйся в замок, увидимся завтра. Смотри в четыре глаза, слушай в шесть ушей! Эмерт, можешь отдохнуть. Риго, ты прогуляешься со мной — будут нужны твои советы. Времени у нас осталось довольно мало, давайте проведем его с пользой.

— Особенно я, — усмехнулся Эмерт. — И так все бока отлежал!

— Ты вступишь в игру в самый последний момент, можешь не беспокоится...

Как уже говорилось, Риго замысел варвара втихую не одобрял — мол, неблагородно. Идея, однако, завораживала своей грандиозностью, да и сам киммериец отлично понимал, что прежние шадизарские приключения рядом с грядущей авантюрой покажутся сущей мелочью. Очень жаль, что славу придется отдать Биркарту из Абсема...

Безьеर, конечно, не мог сравниться с огромным городом вроде Тарантии, где за деньги можно было отыскать любой, даже самый запретный товар, но столица графства все-таки стояла на одной из торговых дорог. Следовательно, проявив некоторую настойчивость, Конан за-

просто узнал где и у кого найдутся требующиеся ему снадобья.

Начинало темнеть, когда варвар и Риго подошли к дверям аккуратного двухэтажного домика с вывеской «Магические принадлежности. Торговля Рамалеса из Карташены. Добро пожаловать».

— Меня заверили, что месьор Рамалес настоящий алхимик, и, возможно, колдун, — сказал киммериец и стукнул в дверь специальным молоточком на цепочке. — Зайдем, взглянем. Глядишь, купим что-нибудь полезное...

Дверь отперла неприятная усатая старуха, настоящая ведьма. Проворчала недовольно:

— Седьмой послеполуденный колокол отбили. Завтра приходите.

— Дело спешное, отлагательств не терпит, — безапелляционно заявил Конан, сразу оттеснив старицу в узкий коридорчик. Хмурый Риго держался позади. — Веди к хозяину.

— Месьор Рамалес ужинать изволят, — воспротивилась старуха. — Сказала же: завтра! Сейчас стражу позову!

— Кто там, домна Аэлис? — послышался звучный высокий голос. В коридор выглянула сам владелец лавки, сравнительно молодой господин с острой бородкой, торчащими как острия пик усиками и черными глазами уроженца Побережья. — Пропусти их.

— Тебе поклон от месьора Гиальберта, — называл Конан имя «ночного короля», который и посоветовал обратиться к алхимику. — Можно поговорить наедине?

— Пройдите в лавку, — посмурнел Рамалес. Вытер губы шелковым платочком. — Аэлис, проводи!

Старуха махнула покрытой коричневатыми пятнами ладонью и бурча что-то наподобие «ни днем, ни ночью житья нет», отвела Конана и пантенца в обширное темное помещение. Почиркала огнivом, затеплила несколько толстенных свечей дававших света больше, чем масляные лампы. Риго едва сдержался от удивленного взглаза.

Никаких сомнений, Рамалес знал свое дело. Это Риго понял, как только прочитал названия книг лежавших на широких полках. Уникальные и весьма дорогие сочинения, списки с них можно встретить лишь в крупнейших книгохранилищах Заката!

На столах ровные ряды склянок с декоктами и порошками, пучки высушенных трав, пузатые колбы, погасший атанор. В углу чучело какого-то ужасного зверя, настоящего монстра напоминающего огромного черного волка с красными глазами.

— Подделка, — шепнул Конан, перехватив заинтересованный взгляд Риго. — Использовано

несколько волчьих шкур выкрашенных в черный цвет, цветные стекляшки вместо глаз и зубы крупной кошки, наверное льва или тигра... На впечатлительных посетителей действует безотказно.

— ...ты совершенно прав, — у Рамалеса, оказывается было очень острый слух. Хозяин стоял в дверях. — Такие чучела делают в Хоршемише, нарочно заказывал. Итак, чем могу служить? Вы не похожи на жителей Безьера, приезжие... Хотя молодой человек выглядит как пурпурный или даже мой соотечественник.

— Называй меня Амра, — сказал Конан. — Гиальберт заверил меня, что почтенный алхимик сумеет составить один эликсирчик...

Рамалес сдвинул брови и посмотрел выжидательно. Киммериец хлопнул себя ладонью по лбу, вспомнил:

— Конечно же! — Конан вынул из пояса стаинный немедийский аурей с дырочкой, пробитой как раз там, где на профиле короля Хагена II находилось ухо. Опознавательный знак «ночных цирюльников». — Вот, возьми.

— С этого и надо было начинать, — сказал алхимик. — Откуда я знаю, кто вас послал на самом деле, Гиальберт или тайная служба короля?

Рамалес лукавил: едва гости переступили порог, Риго почувствовал как по вискам словно провели кисточкой их кроличьего хвостика. «За-

клиниание ключа», позволяющее распознать опасность. Сейчас алхимик использовал другое заклятье, отличающее правду от лжи. Значит, на самом деле маг, пускай и не очень сильный.

— Меня интересует золотой лотос, — без обиняков сказал Конан. — Желательно, в смеси с лотосом синим, пропорция один к семи.

— Очень интересно... — Рамалес только руками развел. — Месьор Амра, ты хоть представляешь сколько стоит подобная смесь? И насколько редки указанные ингредиенты? Достать их невероятно сложно, почти невозможно!

Риго сразу использовал простенькое контрзаклинание и понял: Рамалес просто цену себе набивает. Лотос у него есть, и в нужном количестве!

Алхимик вздрогнул, будто от укуса овода. Заинтересованно взглянул на Риго.

— Вот даже как?.. — протянул месьор Рамалес. — Что же вы сразу не сказали? Давненько не видел в Безьере заезжего мага! Наша отдаленная провинция так скучна и сонна, здесь редко встретишь интересных людей! Целиком к вашим услугам, месьоры. Лотос я разумеется найду и окажу любую возможную помощь. Плата умеренная, я не собираюсь наживаться на собратьях по магическому ремеслу.

Конан покосился на Риго, пурпурный мелко кивнул. Алхимик говорил правду, его можно было не опасаться.

— Возьми, — киммериец передал Рамалесу кошелек с деньгами. — Здесь достаточно серебра для того, чтобы оплатить твои услуги и купить молчание. Последнее особенно важно — когда мы уедем, ты навсегда выбросишь из головы любые воспоминания об этом визите. Договорились?

— По рукам, — не раздумывая согласился алхимик, оценив тяжесть кошеля. — Сколько нужно лотоса?

— Много, — вздохнул Конан. — Если я ничего не путаю, смесь золотого и синего лотоса в надлежащей пропорции вызывает у человека не слишком длительный, но глубокий сон не вредящий здоровью. Усыпить надо примерно стотридцать-двести человек.

— Двести? — у Рамалеса глаза округлились. — Хорошо, допустим... Нужен очень тонкий расчет, в противном случае люди могут заснуть и не проснуться. Пусть нас Митра от этого убережет!..

— К сожалению, нас следует надеяться не столько на помощь богов, сколько на свои знания и ловкость, — сказал варвар. — Из порошка лотоса следует приготовить сонное зелье, которое можно подлить в вино. Четыре тридцативедерные бочки.

Конан знал о чем говорил: через людей «ночного короля» ему удалось подкупить одного из

младших графских виночерпьев, который и рассказал, какие напитки и в каком количестве будут использованы на торжестве. Одну бочку, с вином поплоше, выкатывали страже и слугам, еще три предназначались гостям в самый первый вечер, когда его милость устроит для окрестных дворян праздничный ужин. Этот же виночерпий и должен будет пlesнуть декокт в бочки...

— Задачка интересная, — согласился Рамалес. — Но еще интереснее тот факт, что зелье начнет действовать только когда будет произнесено надлежащее заклинание, обычная смесь золотого и синего лотоса безвредна. Моя помощь потребуется или сами управитесь?

— Сами, — буркнул Риго, уяснив наконец, что именно придумал варвар. — Заклятия управляющие силой лотоса известны любому, даже начинающему магу.

Месьор Рамалес киммерийцу понравился: алхимик не задавал лишних вопросов. Никаких «почему» или «зачем». Возможно, он догадывался, что именно должно произойти — тридцативдерные бочки использовались для хранения вина только в дворянских замках, да и предстоящее совершеннолетие молодой Алиенор наводило на размышления, — однако Рамалес взялся за дело молча. Если потребуется, странные заказчики сами все объяснят.

Среди нескольких разновидностей лотоса наиболее дорогим считался золотой — эти цветы, пыльца которых употреблялась магами для создания множества волшебных снадобий, росли только на болотах в сердце Вендии, неподалеку от городов Бодей и Айодхья, в долине реки Мхета. Синий лотос был более распространен: он произрастал в Стигии и Туране, иногда такие цветы можно было отыскать даже в Пуще Пиктов. Синий и золотой лотос, в отличие от лотоса серого, использовались только в магии и изредка в лекарском искусстве, кроме того они не вызывали привыкания и не считались смертельно ядовитыми.

Рамалес полагал, что запаса золотого лотоса ему хватит на несколько зим вперед: несколько щепоток драгоценного порошка он приобрел за бешеные деньги у перекупщиков в Кордаве, за них пришлось выложить маленькое состояние. Чтобы приготовить обычный магический декокт (например приворотное зелье) обычно хватало двух-трех пылинок, однако для усыпления двух сотен людей придется использовать почти весь наличный запас!

Поздно вечером, когда гости ушли, алхимик пересчитал полученные от месьора Амры деньги и успокоился: серебра оказалось вполне достаточно для покупки новой склянки с лотосом, достаточно съездить в Зингару и отыскать нуж-

ных людей. Синего порошка у Рамалеса хватало с избытком — привозили купцы-шемиты, направлявшиеся по торговому пути из Мессантии через Толозу на Полночь...

Вначале пыльцу предстояло смешать в нужном соотношении, затем бросить в разбавленное бело вино и кипятить на атаноре не меньше шести колоколов, постоянно подливая жидкость и помешивая стеклянной палочкой. Нос и рот следует повязать шарфом, пропитанным отваром листьев рабирийского папоротника — испарения были безопасны, но лучше не рисковать, всяко случается. На память Рамалеса совершенно посторонний человек из любопытства забредший в его лавку сумел пробудить старинный магический предмет сказав несколько обычных слов в определенной последовательности: дремлющая магия среагировала не на саму фразу, а на очередность звуков. В результате алхимику пришлось два дня бегать по городу и ловить выскочившего демоненка призванного создателем следить за честностью торговых сделок — несколько купцов за это время едва не разорились...

К утру декокт был готов, причем жидкости вполне хватило бы для того, чтобы усыпить не двести, а пятьсот человек. Рамалес оставил половину для себя (мало ли пригодится в будущем?), остальное перелил в прозрачный флакон и запечатал его воском. Коснулся жидкости кончиком

иглы, размешал крошечную капельку в плошке с водой и отправился во двор. Заставил выпить смесь цепного пса. Прошептал заклятье.

Как и ожидалось, собака беспробудно дрыхла до полудня, причем дыхание было столь незаметным, что домоправительница, госпожа Аэлис, решила что пес издох.

Что ж, теперь можно свистнуть уличного мальчишку, бросить ему несколько медяков и попросить отнести на постоянный двор «Два Леопарда» короткую записку в которой было лишь три слова: «Состав действует, приходите».

* * *

Оставшиеся до праздника Весеннего Солнцестояния дни киммериец улаживал десятки мелких дел — искал повозки и лошадей, отдавал последние распоряжения жуликам находившимся под командой «ночного короля», ездил в горы в поисках подходящей пещеры, где можно будет спрятать сокровища казны его милости. Словом, забот было предостаточно.

Граф Безъерский, совершенно не подозревая о том, что над его родовым гнездом сгустились тучи и вскоре разразится гроза, тоже был занят. Прибывали гости, благородных дворян следовало разметить, накормить и развлечь. Наиболее знатные устроились в замке, другие на постоя-

лых дворах — в «Двух Леопардах» стало неожиданно тесно. Киммериец принял решение не мозолить глаза месьорам и дамам, после чего договорился с алхимиком Рамалесом и вместе с остальными переехал в его дом, где хватало свободных комнат. Зингарец не был женат, единственным обитателем дома кроме него самого являлась старая управительница совмещавшая роли кухарки и прислуги.

Фалькон навещал варвара раз в день: привозил доклады с поля предстоящей битвы. Теперь Конан мог ходить по крепости графа Безъера с закрытыми глазами, хотя ни разу в крепости не бывал, только снаружи внимательно осмотрел и подъезды изучил. Память Фалькона оказалась феноменальной, он запоминал любые мелочи, включая скрипящую ступеньку на лестнице в донjon или выщербленный камень в винном подвале, о который можно было споткнуться!

— Кстати, возьми эти пергаменты, — сказал киммериец Фалькону во время окончательного сбора накануне Солнцеворота. — В будущем пригодятся.

— Что это? — не понял голиард, разворачивая внушительные листы, кажущиеся довольно старинными. — Ничего себе, королевская печать... Но чья?

— Бритунийского государя Альбиорикса Первого, — фыркнул варвар. — Это твои дворя-

ские грамоты. Фальшивка, конечно, но подкопаться невозможно. Если не ошибешься и будешь играть роль до конца — навсегда останешься бароном из рода Остинов. Видишь ли, король Альбиорикс мне кое-чем обязан...

— Троном, к примеру, — дополнил Эмерт.

— Неважно, — варвар отмахнулся. — Фалькон, слушай очень внимательно: «ночной король», месьор Гиальберт, отправил по моей просьбе в Пайрогио депешу. Голубиной почтой. Альбиорикс человек честный и благодарный, он мне не откажет. Если когда-нибудь у тебя возникнут трудности, обратись к Альбиориксу, он подтвердит твоё происхождение и права на титул. Сошлись на меня, король знает, кто такой Конан из Канахов... В самом крайнем случае ты всегда сможешь укрыться в Бритунии. Далековато, конечно, но вполне достижимо.

— Благодарю, — выдавил Фалькон, не зная, что еще сказать. — Зачем ты все это делаешь для меня?

— А просто так. Ради удовольствия. Просто в один прекрасный день я попрошу у тебя помочь, и ты не сумеешьказать. Верно ведь?..

Когда диспозиция была расписана в точности и каждый твердо знал, что ему делать, Конан потянулся, зевнул и сказал устало:

— Ложимся спать, месьоры. Завтра у нас очень трудный, но и очень интересный день. Же-

лаю каждому удачи. Собираемся в полдень, возле ристалищного поля, за стенами...

* * *

Праздник должен был запомниться как благородным гостям графа, так и обычным горожанам, весьма надолго. Давненько в Безье не было таких грандиозных торжеств, с того дня как двадцать два года назад юный Альгейс принял наследственную корону предков, унаследовав земли и титул.

День Солнцестояния начался с торжественнейшего обряда жертвоприношения на восходе солнца — вставать пришлось затемно. Храм Митры стоял на холме в четверти лиги от города, недовольно мычали жертвенные быки, над взгорьем разносилась песнопения жрецов, полоскались на ветру знамена и штандарты Пуантенских дворян.

Граф Толозы прислал сына Раймона, главы семейств Коменж, Марсалья, Фуа, Бельджок и многих других прибыли лично, с женами и наследниками, светлейший Великий герцог Пуантина Троцеро отправил в Безье легата своего войска и письмо с извинениями — война, приехать никак не получится.

Что ж, причина более чем уважительная! Война — дело священное!

После затянувшегося на два колокола обряда кортеж всадников отправился вниз по дороге, к городу. Там, неподалеку от Восходных ворот, прямиком на зеленом поле, уже были расставлены столы с угощением. Поодаль — сколоченные из досок и задрапированные порчей и шелком трибуны для дам и девиц, которые будут наблюдать за конными и пешими поединками. Кого именно победитель выберет наипрекраснейшей сомнений не было: праздник был посвящен графине Алиенор. Кстати, бок о бок с ее милостью ехал ничем не примечательный месьор, вроде бы родом из Британии. Граф Коменж почему-то решил, что он какой-то отдаленный родственник хозяина и этот слух моментально распространился среди гостей.

Алиенор, что бывало редко, выглядела счастливой и даже немножко кокетничала с незнакомцем, хотя слыла девушкой скромной и меланхоличной. Граф поглядывал на парочку благосклонно, пускай и знал, что за душой барона Остина нет ни единого асса, а женихов и в Пуантене хоть отбавляй: немыслимо богатых, владеющих плодородными землями и роскошными замками. Богатых, но не столь родовитых!

Прежде всего — благородная кровь, кровь Первых Королей! А золота у Безьерского графа в достатке, его любимая дочь никогда не останется нищей...

Кушали и пили обильно и вкусно, на длинных шестах разевались гирлянды из цветов и разноцветных лент. Воины, которым предстояло выйти на битву (согласно древнему правилу праздничных поединков — «до крови, но не до смерти») предпочитали воздерживаться, употребляя лишь разбавленное мускатное вино: если ранят в полное брюхо, вылечить такую рану будет очень сложно, только с помощью магии.

Придворных колдунов с собой привезли только графы Коменж и Фуа — далеко не каждый дворянин имел достаточно средств, чтобы содержать настоящего мага. Риго и месьор Рамалес сразу определили обоих, хватило примитивного «прошузывающего» заклинания.

— Во-он тот, с седой бородой, в алоей хламиде, — указал Риго варвару. Простецов за кольцо гвардейцев не пропускали, горожане могли наблюдать за праздником издалека, но рассмотреть лица и костюмы было вполне возможно. — Если в алом, значит состоит в Конclave Равновесия, а маги Великих Красок довольно сильны, как бы чего не почувствовал...

— Принесла нелегкая на нашу голову, — сплюнул киммериец. — Кто второй?

— Его нашел Рамалес. Видишь цвета барона Виварэ? Синие с желтым? Рядом с его милостью — у него еще жена толстая, в голубом платье, — человек в круглой бархатной шапке с бе-

лым пером? Никаких сомнений, самоучка вроде меня, даже послабее... Этого можно не опасаться.

— Отлично, — слегка успокоившись, кивнул варвар. — Но гильдейский маг, и Алого Конклава — это опасно. Увидишь Юка — гони ко мне!

Юком звали самого шустройго и сообразительного мальчишку, состоявшего при «ночном короле» Безьера. Его Конан выбрал в качестве командира гонцов — таких же быстроногих юнцов, обязанных сообщать киммерийцу о любых изменениях в городе и расположении «передовых отрядов» местного жулья, призванного варварам под свои знамена.

Ристалищное поле было расположено очень удобно, в пологой ложбинке между двумя возвышенностями, на которых и разместились явившиеся посмотреть на пышные дворянские забавы горожане.

«Простецами» считались все, кто не носил титула и не был отпрыском благородных семейств, даже самые богатые купцы в закрытое общество не допускались. Смотреть — смотри, но если соберешься преодолеть запретную границу, обозначенную пиками графской гвардии, тебе не жить. В отличие от Черной реки, где существовало «братьство меча» и любой варвар из Нордхайма (или Киммерии...) мог запросто пить пиво с графским отпрыском, здесь полагали, что люди изначально не равны и никакой простец не

может сравниться с потомком знатнейшей семьи. Такова воля богов.

Кстати, именно поэтому Биркарт из Абсема среди дворян считался вовсе не разбойником, а «искателем приключений», о котором слагали баллады. Ничего, сегодня этот куртуазный миф рассеется как дым.

— Господин Амра! — задумавшийся Конан поморщился, услышав юношеский фальцет. Рядом с варварам стоял улыбающийся оборвыйши, которого явно радовало участие в большом предприятии устроенном «ночным королем». Тем более, что ему обещали целых две серебряных монеты и пять медяков в качестве вознаграждения за легкую работу: бегай туда-сюда и сообщения разноси!

— Ну? — рыкнул варвар, напустив на лицо строгости.

— Месьор Эмерт сообщает, что все готово. Повозки с стоят на боковых улицах, рядом с въездом в замок. Люди готовы, ждут сигнала!

— Передай Эмерту: рановато. И еще, если кто-нибудь посмеет выпить хоть одну кружку вина до вечера — убью. Чтоб были трезвее святого Эпимитриуса! Ясно?

— Ясно, — согласился Юк и тотчас растворился в шумливой толпе.

Внизу как раз начиналось самое интересное: облаченные в доспехи с цветными накидками

дворяне выстраивались для начала поединков. Сначала пеший: стенка не стенку, как говорят в Немедии «бугурт». Затем начнутся конные бои один на один и два на два. В перерывах будут петь трубадуры. Победитель будет объявлен не раньше пятого полуденного колокола, значит развлечений хватит надолго!

Фалькон не бился — не умел, хотя и осознавал, что рано или поздно придется учиться. Зато в запасе имелся отличный голос, добрая лютня и несколько баллад. Полдесятка сочинений других поэтов, и три написанных вместе с Риго за последние дни. Как хорошо, что здесь куртуазный Пуантен, а не суровая Немедия, где за людей признают исключительно тупых дуболовов закованых в железо и с мечами наперевес! Победить в состязании трубадуров, и даже просто участвовать в нем, не менее почетно, чем размахивать клинком!

А Фалькон, похоже, побеждал — не только дурнушка Алиенор (она вовсе не дурнушка, а просто необычная девушка! Не всем же рождаются писанными красавицами!) но и дочери иных дворян бросали ему розы и платочки. Последним соперником остался молодой барон Адемар, смазливый и тонкоголосый, но...

Впервые в жизни Фалькон понял, что им искренне, неподдельно восхищаются. И баллада-то вроде оказалась простенькой: Риго тогда устал и

не выдал ничего оригинальнее плохо рифмованного рассказа о победе Сигиберта Завоевателя над кофийцами в битве при Кершабете! Однако, прекрасные дамы и благородные девицы избрали именно Фалькона. Почему? Да потому, что душу надо вкладывать, самому представлять себя на месте Сигиберта и его оруженосца поведших конницу Аквилонию в последнюю отчаянную атаку решившую исход сражения!

Победителя увенчали венком из лилий. Сам граф Безье подошел, чтобы его поздравить и подарил перстень с черным алмазом — голиард, продав такое кольцо, мог бы жить безбедно зим триста... Фалькону было стыдно, что ему придется обмануть этих достойных людей и помочь Конану в вечернем разграблении замка, принадлежавшего девушке, в которую он почти влюбился. Настолько стыдно, что ему захотелось рассказать обо всем его милости графу Альгейсу, но...

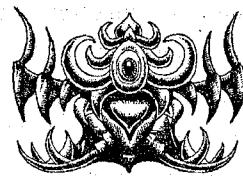
Но он не мог предать Конана. Никак.

«Магия, что ли? — подумал Фалькон. — Почему одна мысль об измене этому варвару становится мне противной?!»

Ответ лежал на поверхности: никто и никогда не делал для презренного голиарда столько хорошего. И это хорошее получалось у Конана просто так, неосознанно и само собой.

Такие люди встречаются редко.

Этого человека нельзя подвести!

Глава пятая

Амра-лев вышел на охоту

Пуантен-Боссония
3-я весенняя луна 1286 года
по основанию Аквилонии.

Риго медленно досчитал до пяти, выдохнул и тихонько произнес заклинание. Пахнуло холдом, значит магия подействовала — спасибо месьору Рамалесу, научил как правильно использовать заклятье личины. Прежде Риго частенько ошибался, новый облик был неустойчив и личина «сползала» спустя буквально четверть квадранса. Сейчас заклинание должно было продержаться самое меньшее половину колокола. Главное — избегать зеркал, они всегда показывают истинный облик человека, зеркало не обманешь!

... Из-под темной арки вышел пожилой мужчина в гербовых цветах Безье, с вышитыми на котте красными леопардами и быстро зашагал к

воротам замка. Стража пропустила его беспрепятственно, каждый знал старшего виночерерия, его милости в лицо, а должность была не менее почетной, чем сокольничий или мажордом.

Всего четверо человек во всем Безье (Риго, Конан и двое громил из числа личных охранников «ночного короля» знали, что настоящий виночерпий, месьор Ланс, сейчас лежит связанный по рукам и ногам с кляпом во рту в подвале одного из городских домов. Причем отнюдь не в одиночестве: киммериец решил заменить еще и бывшего командира замковой стражи, которого не без труда выманили из крепости якобы «срочным сообщением от графа». Роль сотника теперь выполнял Эмерт!)

Солнце только начало клониться к закату, а Риго устал так, словно полный день таскал камни в гору. Раньше магия была для него лишь предметом глубокого интереса и отчасти забавой, но сегодня все изменилось: волшебство должно было сыграть далеко не последнюю роль в намеченном спектакле. На пять заклинаний личины ушло слишком много сил, пуантенец раньше не подозревал, что колдовство способно так выматывать.

А ведь еще предстоит самое главное: торжественный ужин, который окончится самым громким скандалом за всю историю Пуантена. Страховать Риго будет алхимик, но он появится в

главной зале графского замка только вместе с Конаном. Точнее, с Биркартом из Абсема.

Конан-Биркарт и двое его «сыновей» уже находились рядом с крепостью, скрывались в крытой грубой холстиной повозке. В роли наследников барона-разбойника выступали двое наиболее сообразительных помощников месьора Гиальберта — всем троим так же пришлось испытать на себе магию Риго. Получилось похоже, хотя пуантенец видел Биркарта очень недолго, а о внешности сыночков имел самое смутное представление. Ничего, зрителями будут только сам граф Безьеर, да еще несколько избранных, которые Биркарта наверняка никогда не встречали...

Именно за этими «избранными» и должен был прислеживать фальшивый виночерпий, в их бокалы должно попасть обычное вино, без ненужных примесей.

Бои на ристалищном поле закончились больше колокола назад. Обошлось без покалеченных, большинство дворян отделались синяками и ушибами — от сильного удара не защитит и кольчуга с плотным стеганым подкольчужником. Праздник должен был продолжиться в замке, куда и направились месьоры, дамы и девицы. Простецы расходились по домам — больше ничего интересного не увидишь.

Кухня, находившаяся в полуподвале полуночного крыла крепости больше напоминала жерло

вулкана: пылающие зевы печей, кипящие котлы, пышущие жаром огромные сковороды... Накормить предстояло уйму гостей, шесть перемен одних только горячих блюд! По сравнению с кухарями виночерпии не были слишком уж обременены заботами: всего-то разлить вино по кувшинам и доставить их на столы наверху.

— Месьор Ланс? — Риго вздрогнул услышав голос своего помощника, но тотчас опомнился. — Месьор Ланс, все подготовлено. Прикажете подавать?

— Из каких бочек вино? — осведомился пуантенец.

— Согласно вашему давнему приказу: вначале либнумское, трехлетнее мускатное и красное, с виноградников Гайарда.

— Очень хорошо, — кивнул Риго. Это были те самые бочки в которые уже плеснули по несколько капель декокта из лотоса. — Несите в залу, скоро начнется... И не забудьте про стражу с прислугой!

Столы были всего лишь длинными досками, положенными на козлы и покрытыми светлой льняной тканью. Главный стол, за которым расположились самые знатные гости и хозяин замка находился на возвышении перед троном графа, прочие стояли ниже, непосредственно в зале, на застеленном свежей соломой каменном полу. Насколько заметил Риго, стражи в зале не было, ес-

ли не считать пятерых вооруженных церемониальным оружием герольдов. Отлично, просто отлично!

Больше всего пантенец опасался магов. Есть у них нехорошая привычка проверять еду и напитки соответствующими заклятиями: вдруг яд подсыпали? Кроме того, любой уважающий себя маг способен различить привкус лотоса. Оставалось надеяться, что старик в алом и месбор с белым пером, обладающий колдовскими способностями, ничего не заметят. Но если заметят, возникнут серьезные осложнения — маг-равновесник наверняка способен и огненным шаром в противника запустить! Конан, в ответ на сомнения Риго, только отмахнулся и сказал легкомысленное: «Чепуха, выкрутимся!»

«Из петли, что ли, выкрутимся? — подумал Риго. — Если поймают и всего-навсего повесят, буду считать, что обошлось. А ведь за такое могут по старинному обычаям конями разметать — смерть не самая приятная... Отвратительная смерть, говоря откровенно!»

Теперь следовало решить, кого оставить свидетелями. Их должно быть не больше четырех, причем крайне желательно, чтобы никто не оказывал сопротивления. Кроме хозяина замка Риго наметил старого графа Фуа по прозвищу «Рыжий Кочет» и увечного барона Гольфье, у него не было левой руки. Четвертым, вернее четвер-

той, была сама графиня Алиенор — она, извольте видеть, вина не пила вовсе, для девушки принесли кувшин с родниковой водой.

Подозвав прислуживавшего за столом господ оруженосца графа Безьеरского Риго отдал ясный и недвусмысленный приказ: его милости и двоим гостям наливать из отдельного кувшина, вот он стоит. Понятно?

Оруженосец ответил нечто вроде «чего тут непонятного?» и ушел, как раз подавали первую перемену блюд. Риго огляделся и заметил, что начальник стражи (он же Эмерт) ему подмигнул. Значит, можно начинать.

Фалькон сидел внизу и был мрачнее тучи. Ничего, главное чтобы не сделал какую-нибудь невероятную глупость!

Возгласили здравицу благороднейшей Алиенор Безьеरской. Начали преподносить подарки: в основном ларцы с драгоценностями, редкие книги и животных — щенка охотничьей собаки, кречета, дарфарскую обезьянку и несколько ярких птичек в клетках. Затем принялись кушать, заиграли музыканты расположившиеся на балконе над входом в залу.

К Риго подбежал помощник виночерпия, сообщил, что слуг и стражу также угостили вином, как и приказано.

Надо было подождать еще хотя бы половину квадранса, должна быть гарантия того, что

улице превратившийся в россыпь искр. Сигнал осталсяным.

Как Риго не боялся, все прошло на редкость гладко. Каждый участвовавший в грандиозном налете на замок Безьеर точно знал, что ему делать.

* * *

Киммериец отлично представлял себе, как забурлил бы славный Шадизар, случись нечто похожее в этом прекрасном городе — например, ограбление дворца его светлости наместника короны! О таком событии говорили бы зим триста, если не половину тысячелетия!

Лотос действовал безупречно: заснули все, за исключением пяти поварят и не пивших колдовского вина двух конюхов, одного десятника гвардии и одной служанки из покоеv молодой графини. Их моментально нашли, связали и заперли в хлеву нижнего двора.

Для молниеносного захвата крепости хватило тридцати пяти человек, разбитых Конаном на семерки. Вооружение было легким: самострелы, ножи и несколько коротких мечей-гладиев. В распахнутые ворота заехали несколько повозок, из первой выскочил Конан со своими «сыновьями» и резвым шагом направился в главную залу, где уже разворачивались весьма драматичные события.

Граф Безьеरский от бессилия и нанесенного смертельного оскорбления орал в голос, на чем свет стоит кляня негодяев, осмелившихся... осмелившихся... Он просто слов не мог найти, чтобы в точности охарактеризовать происшедшее. Зато от души прошелся по самим разбойникам, их предкам до сотого колена, привычкам, пристрастиям в непотребной любви, внешнему облику и прочих достоинствах и недостатках. Алиенор беззвучно плакала и ее было жаль больше всех: испортили девушке долгожданный праздник. Фуа, Рыжий Кочет, известный скверным нравом и редкой даже среди дворян Полудня вспыльчивостью, только щерил зубы и шипел будто змея. Барон Гольфье предпочитал молчать, наблюдая за происходящим и запоминая в лицо каждого обидчика.

Среди бодрствующих был и Фалькон — голиард решился на импровизацию: вскочил, кинулся к Алиенор, выкрикнув «Не трогайте ее!», но бездушный Эмерт споро приложил по затылку голиарда рукоятью кинжала — от греха подальше. Фалькон рухнул на пол как подкошенный, молодая графиня тонко разрыдалась.

И тут состоялось явления главного героя.

Высокий человек с двумя сопровождающими быстро прошел через залу. Остановились возле стола. Граф Безьеर замолчал и выжидающе посмотрел на незваных гостей.

— Биркарт Абсемский, к услугам вашей милости, — разнесся под сводами низкий бас. — Я искренне сожалею, что пришлось прервать торжество. Вы сможете продолжить веселиться приблизительно через половину колокола...

Месьор Альгейс хотел что-то сказать, но слова застряли в горле. Тем временем Биркарт начал распоряжаться:

— Обыщи мажордома, у него ключи должны быть от сокровищницы, — сказал разбойник одному из сыновей. Повернулся ко второму: — Позови остальных, пусть начнут собирать урожай...

— Ты — барон Абсем? — рявкнул граф.

— Я только что представился, нет нужды делать это вторично...

Лицо его милости приобрело невиданный сине-зеленый оттенок, Риго испугался, что у него сердце не выдержит. Но Безьеर был человеком крепким. В зале появились еще семеро проходивших, как и у предводителя, лицо каждого было прикрыто шарфом или платком. После чего началось и вовсе невообразимое.

— Не снимается! — вопил один из головорезов. — Отрезать вместе с пальцем?

— Никакого ущерба благородным месьорам и дамам! — громыхнула в ответ Биркарт. — Если перстень нельзя снять, оставь!

— Серьги с опалами брать? — осведомлялся другой. — Дешевка ведь!

— Бери!

С заснувших дворян снимали украшения, рыцарские цепи, кольца, броши с каменьями. Гербовую цепь с Безьеरа сорвал лично Биркарт. Посмотрел на перепуганную Алиенор.

— Я пойду наперекор обычаю забирать все, — сказал барон Абсем. — Все-таки у вас день рождения... Оставьте ваши драгоценности себе.

Рыжий Кочет лишь презрительно посмотрел на одного из «сыночков» и прошел через губу:

— Клянусь, однажды я расплавлю это золото и волью его тебе в глотку. Ты должен знать, что слово Фуа высоко ценится...

— Как будет угодно вашей милости, — шутовски раскланялся наследник Биркарта. — А сейчас дозвольте перстенечек...

Забрали даже подарки — все, кроме зверюшек, потом возни с ними не оберешься! В это самое время жулики руководимые лично «ночным королем» опустошали сокровищницу: сундуки грузились на повозки. Вскоре стало ясно, что лошади такой груз не увезут, слишком много золота и серебра в слитках накопил граф Безьеर! Пришлось плечом к плечу, и оставить часть добычи там, где лежала.

— Время, — подсказал Конану Риго, заметив, как один из гостей пошевелился. — Надо успеть уехать из города, стражу на воротах тоже опоили...

— Барон Абсем! — громко и звучно сказал граф Альгейс. — С этого момента я объявляю тебе и твоему роду кровную месть. Месть до седьмого колена, значит мои потомки будут охотиться и на твоих праправнуров!

«Н-да, пощечина-то оглушительная, — про себя согласился с графом киммериец. — Врагу такого не пожелаешь! Ему ведь еще перед гостями объясняться! Воображаю, что начнется в городе этим же вечером! Главное, чтобы месьор Гиальберт со своим жулем не сплоховал, иначе головы полетят!»

— За что вы, месьор, собираетесь мстить? — уже вслух сказал Биркарт, обращаясь к Безье-ру. — За несколько десятков побрякушек с разноцветными камушками? За золото? Поднимите на одну зиму налоги втрое, и вы вернете себе все утерянное. В конце концов, никто не покусился на вашу честь, месьор.

— Что ты знаешь о чести, скотина! — взревел Альгейс.

— ...равно и на честь вашей дочери, — Конан нарочно подливал масла в огонь. — Я ведь мог отдать приказ моим молодцам окончательно испортить ей праздник. Так, чтобы день совершеннолетия девицы, заодно превратился в день, когда дева становится женщиной.

«Он с ума сошел, — обомлел Риго. — Это уже не просто оскорблениe, это... Боги милостивые,

за такое отвечают кровью и только кровью! Очень большой кровью!»

Безье-р стиснул зубы и промолчал.

— Заканчиваем, — приказал Биркарт. — Времени и впрямь мало. Прощайте граф. Надеюсь, это была первая и последняя наша встреча...

Нечто похожее сказал настоящий Биркарт Риго несколько седмиц назад. Видимо, это обычное прощание барона Абсема.

Шесть неприметных повозок прогрохотали по камням мостовой в сторону городских ворот, благополучно их миновали и направились в сторону гор. Стоявший возле одной из створок Рамалес из Зингары прошептал заклинание обязанное направить погоню по ложному следу, вздохнул и пошел домой.

Его никто не видел: месьор Рамалес успешно отводил глаза прохожим, не подозревавшим, какая катастрофа произошла в замке их любимого повелителя.

В гостевой комнате на втором этаже «Лавки магический принадлежностей» Рамалеса уже ждали Конан, Риго и Эмерт на свой страх и риск решившие переждать грядущую бурю в городе.

* * *

Буря грянула чудовищная. Земли Пуантена никогда ничего подобного не видели, за исключением, пожалуй, сражений хайборийцев с Империей Кхарии тысячу двести зим назад...

Бледный и вздрагивающий от любого резкого звука Фалькон пришел в убежище друзей только к вечеру следующего дня, доложиться. Первая же новость потрясла всех до глубины души:

— Я женюсь, — всхлипнул бывший голиа́рд. — Граф и Алиенор не забыли моего вчерашнего поступка и решили, что я настоящий рыцарь... Иштар Благороднейшая, что ж это делается! Я — монастырский подкидыш, балаганный фигляр и самозваный жрец стану наследником графа Безьерского!

— Радоваться надо, а не страдать, — pragmatичный киммериец потрепал Фалькона по плечу. — По-моему Алиенор тебе нравится, вы подружились...

— Она целую ночь плакала на моем плече. Все-таки то, что вы сделали было очень жестоко.

— Ради великой цели можно пойти на некоторые жертвы, — ханжески сказал Эмерт. — Извини, я тебя ударил. Так было нужно.

— Понимаю... Вы хоть понимаете, что натворили?

— Отлично понимаем, — кивнул варвар. — Надо полагать, Альгейс не стал выворачивать город наизнанку, рванул по ложному следу? В гос-

ти к Рамалесу прошлой ночью кое-кто заходил. Тайная служба. Все-таки месьор Рамалес единственный маг в Безье, мог что-то знать... Наша комната находилась под магической завесой, вход не могли увидеть. Надеюсь, обошлось без облав в предместьях?

Увы, не обошлось. Взбешенный граф Альгейс не только отправил погоню по следам Биркарта, но и вполне здраво рассудил, что разбойник мог воспользоваться услугами никчемных людышек с городского дна. Конан не зря принял все возможные меры предосторожности — люди принимавшие непосредственное участие в налете на замок укрылись в горах, прочие мало что знали. Да, приезжал некий незнакомец, высокий, бородатый, много расспрашивал. Вот и все.

На дорогах творилось невообразимое. Обыскивали всех, задерживали каждую подозрительную повозку и ее владельцев, конные отряды рыскали по округе.

Все до единого дворянне поддержали графа: кровная месть до седьмого колена! Рыжий Кочет отправил гонца в свои владения, за подкреплениями — он всегда был человеком дела. Гости категорически отказались разъезжаться: сочувствовали Альгейсу и Алиенор. Было решено продолжить праздник несмотря на печальные обстоятельства, тем более, что граф внезапно решил выдать дочь замуж за гостя из Бритунии,

оказавшегося (подумать только!) родичем короля Сигиберта!

Конечно, многим было жаль своих фамильных ценностей, некоторые из которых были не менее древними, чем сам Пуантен, но...

Составив один план, Конан сразу придумывал другой. Его главной задачей была поимка Биркарта и поиск его золота, а вовсе не казна графа Безьеरского и ценности его друзей. Герцог Пропсперо и Кертис, узнав об этой авантюре, не раздумывая, навесят сотнику Конану Канах на шею мельничный жернов и утопят в Черной реке — ведь пострадавшие были подданными Гайарда!

Сокровища придется вернуть. Все, за исключением оговоренной с месьором Гиальбертом пятнадцатой части из казны графа. Невелика потеря для его милости. Гербовые цепи, фамильные перстни и подарки Алиенор будут возвращены — киммериец не зря искал подходящую пещерку, где Биркарт «припрячет награбленное, пока шум не уляжется».

Гиальберт и его приближенные не возмущались: никто не хотел рассердить Амру-льва, доказавшего, что он не только удачливый пират, но и может претендовать на титул «короля королей» среди «ночных цирюльников» королевства Заката. Посему на третий день после известного происшествия конный разъезд графской гвардии наткнулся в горах на странствующего митриан-

ского монаха, который вроде бы видел недавно полдесятка повозок направлявшихся во-он в ту сторону. Монах изображал Риго, применяя свои способности в убеждении.

И, о счастье, тайное убежище Биркарта было найдено! Пропала только часть похищенного золота и перстень с сапфиром, принадлежавший графине Коменж. Когда варвар услышал про перстень, Гиальберту пришлось вынести нелегкий и напряженный разговор с Амроу-львом. Кольцо нашлось у одного из безье́рских жуликов, который и стал единственной жертвой последних дней. Киммериец не без оснований счел, что перстень украли у него, тем самым нарушив договор «цирюльников», который следовало блюсти свято. Незадачливый ворюга канул в глубины реки Арье и более не всплыл — его убил лично «ночной король». В назидание остальным — у своих воровать нельзя!

— Теперь нам следует не искать Биркарта, а оберегать его от графа Безье́ра и Рыжего Кочета, — сказал Конан остальным, когда буря начал успокаиваться. Жили по-прежнему у Рамалеса, что было в радость самому хозяину и Риго: эти двое могли рассуждать о магии дни напролет. — Кровная месть — штука страшная. Не сомневаюсь, Биркарт уже ринулся в Безье́р сверкая пятками; весть о его выходке разнеслась мгновенно по всему Пуантену! Репутация барона рухнула

навсегда, он обязан найти обидчиков, а поиски придется начинать именно отсюда! С сегодняшнего дня мы обязаны знать о всех приезжих, следить за каждым постоянным двором в городе и предместьях! Риго и месьор Рамалес должны замечать любые магические всплески — Биркарт и впрямь может оказаться колдуном! За дело, месьоры!

— Ты бы еще добавил непременное: «отрабатывайте серебро герцога», — усмехнулся Риго. — Биркарт должен взять след, а трудность как раз в том, что следов мы не оставили.

— Будут следы, — уверенно сказал варвар. — Сам займусь. Надеюсь, никто не против?

* * *

Миновала весьма напряженная седмица. Разъяренные гвардейцы и городская стража (им досталось от графа больше всего, пускай и незаслуженно) загнали безьевских «ночных цирюльников» в глубокое подполье — Гиальберт пожаловался Конану, что совершенно лишился дохода, теперь даже кошелек на рынке не срежешь, стазу поймают! Варвар на это ответил, что довольно скоро ретивость стражи поуменьшится, долго это продолжаться не может. Страсти улягутся, и жизнь вновь станет тихой, размеренной и привычной. «Ночной король» ушел расстроенным,

ему оставалось надеяться лишь на долю от сокровищ Биркарта.

Тайная служба, что интересно, совершенно не следила за приезжими — все думали, что злодей Биркарт предпочел унести ноги как можно дальше и теперь никогда не появится в окрестностях Безье, не смотря даже на то, что его временный тайник был раскрыт и добыча оказалась значительно меньше, чем ожидалось!

Незаменимый Юк вместе с другими мальчишками трижды в день приносил новости: кто прибыл в город, как выглядит, на каком постоянном дворе разместился. Конана интересовали все до единого гости Безье — барон Абсем был человеком опытным, и мог принять какой угодно облик: хоть шемита, хоть митрианского жреца.

На восьмой день Юк сообщил, что через Речные ворота, откуда начиналась дорога на Толозу, в город въехал некий молодой человек. Одет как чужестранец: шаровары, плащ со странной вышивкой, усы висят вниз. Шапка меховая, на эдакой-то жарище! Вооружен «кривым мечом». Судя по описанию — самый настоящий кофиец, в королевстве Страбонуса принято носить сабли и широкие штаны...

— Пойду проверю, — сказал Эмерт. — Поданный Кофа в Пуантене — это подозрительно.

— Ровным счетом ничего подозрительного, — ответил варвар. — Через Безье проходит дорога

с Восхода на Зингару, кого только на ней не встретишь. Сходим вместе, надоело сидеть в четырех стенах!

Конан загодя побрился и оделся в дворянское, теперь он вновь был Арсом из Линна, вассалом герцога Шамарского. Нельзя давать страже повод для любых подозрений.

Остановился кофиец на скромном постоялом дворе «Корень чертополоха» на окраине города. Обычно здесь жили не самые богатые купцы или путешественники, которым «Два Леопарда» и подобные им дорогие заведения были не по карману.

Конан с Эмертом сделали вид, будто зашли перекусить — заказали баранину с рисом, овощи и вино, после чего заняли позицию за боковым столом, откуда просматривались вся обеденная зала, выход на улицу и лестница ведущая на второй этаж.

Ждать пришлось больше половины колокола — киммериец потребовал принести второй кувшин с вином и собрался было предложить Эмерту сыграть в кости, но тут объявился странный гость.

Юк не ошибся: этот человек действительно одевался как самый настоящий кофиец. Выглядит молодо, зим наверное двадцать или двадцать два. Незнакомец усёлся за стол и громко оповестил прислугу, что хочет поесть и выпить.

Варвар ухмыльнулся: есть! Он такой же кофиец, как Конан — подданный Вендин! Пытается говорить с надлежащим акцентом, однако настоящий уроженец Кофа должен шепелявить, это Конан знал очень хорошо, все-таки прожил в Хоршемише больше полугода. Были и другие несุразности: в Кофе дворяне не носят длинные волосы, всегда стригают их скобкой. Сабля не кофийская, а туранская, эфес другой...

— У нас игра в переодевания получается лучше, — удовлетворенно кивнул Эмерт, выслушав тихие объяснения киммерийца. — Впрочем, у этого человека может быть много поводов скрываться под чужой личиной.

— Это мы проверим. Доставай кости, начнем играть, вдруг его заинтересует? Будет повод для разговора...

Кофиец вначале просто наблюдал за игроками (Конан с Эмертом шумели и поднимали ставки), затем все-таки подошел, прихватив с собой кувшин с вином. Представился Валериусом из Хоршемиша (ну конечно, откуда же еще!), сказал, что втроем играть в кости гораздо интереснее. Конан, понятно, не возражал.

Вначале просто играли. Варвар, памятуя шадизарскую науку, даже немного жульничал, но отнюдь не в свою пользу — позволял гостю выигрывать. Выяснилось, что месьор Валериус едет по своим делам в Кордаву, хотя ему было бы

значительно проще добраться из Хоршемиша через Вагаран до Асгалуна, а оттуда плыть морем. Или, что было бы значительно быстрее, спуститься по Красной реке и Хороту до Мессантии — там до столицы Зингары рукой подать.

Конан предпочел говорить правду, вернее полуправду — он вместе с месьором Эмертом приехал в Пуантен из воюющей с пиктами Боссонии купить оружие и фураж, которые затем перевозят в Велитриум на галерах по Громовой. Задержались здесь больше, чем на две седмицы, скоро пора возвращаться.

Начались расспросы: как там на Черной реке, кто из дворян сопровождает Троцеро, как идет война? Киммериец отвечал и рассказывал байки следопытов, придраться было невозможно, поскольку Конан знал обстановку в Боссонии куда лучше многих тысячников аквилонского войска.

— Вы давно в Безье? — осведомился Валериус.

— Приехали незадолго до... — Конан заговорщицки понизил голос и склонился над столом. — До происшествия в замке его милости графа. Жуткое дело, никогда бы не подумал, что такое могло бы случиться!

Кофиец очень заинтересовался — что такое стряслось? Пришлось объяснять, дополняя рассказ невероятными слухами, ходившими по городу.

Если Валериус решит проверить слова Конана, нечто похожее расскажут в любом городском кабаке.

— И что же, никого не нашли? — чересчур настойчиво допытывался кофиец, неожиданно позабыв об акценте. Конан решил, что обращать на это внимания не стоит. — Банда злодеев в тридцать человек, или даже больше, ограбила графа Безье, причем использовала при этом магию, и ничего?

— Если бы нашли, Биркарта с его подручными четвертовали на главной площади при большом стечении народа, — разумно сказал Конан. — И обставили бы церемонию самым пышным образом! Все-таки барон Абсем смертельно оскорбил его милость и всех дворян Пуантена!

— Слухи об этом разбойнике дошли и до Кофа, — Валериус, выслушав Конана помрачнел. — Люди говорят, будто он никогда не привлекает к своим авантюрам посторонних людей... Только Биркарт и двое сыновей.

— Видать, решил изменить привычкам, — развел руками киммериец. — Думается мне, это было самое крупное и дерзкое ограбление в истории Аквилонии, а то и всего Заката!

— Не может быть, чтобы никто ничего не знал, — продолжал настаивать на своем кофиец. — Неужели граф Безье не схватил местных

жуликов и воров? Я бы на *его* месте запытал их до смерти, но своего добился!

— Обычное ворье не способно на такое грандиозное предприятие, — покачал головой Конан. — Это Биркарт и никто другой, голову на отсечение даю! Наверное, посчитал, что славы грабителя с больших и малых дорог ему мало. Никто другой не решился бы на... На подобное! Разве что Амра-лев, знаменитый корсар, но я слышал, будто он давно погиб... Ты надолго останешься в Безьере или завтра поедешь дальше, в Кордаву?

— Дня на три, дам лошади отдохнуть и сам переведу дыхание после долгого пути... — задумчиво сказал Валериус. — Вы, месьоры, живете здесь, в «Корне чертополоха»?

— Нет, — отказался Конан. — У друга, в его собственном доме. Это почти в центре города. Зашли сюда перекусить, и, как видишь, задержались. Понимаю, чужеземцу нелегко в другой стране и кроме нас у тебя нет знакомых в городе, так что если станет скучно, заходи в гости. Улица Белой розы, пятый дом по правую руку, принадлежит Рамалесу из Карташены.

— Тогда до встречи, месьоры. Непременно загляну.

— Так, бегом домой, — сказал варвар, когда они с Эмертом вышли из таверны. — Вывеску лавки придется на время снять, здание ничем не

должно отличаться от жилищ простых обывателей. Увидев, что мы гостим у мага, Валериус обязательно заподозрит неладное!

— Не следует этого делать, — возразил Эмерт. — Достаточно спросить у соседей, где находится дом месьора Рамалеса, они сразу начнут объяснять про лавку магических принадлежностей. Куда проще слово «магических» закрасить и написать «алхимических». Смысл меняется радикально — магия и алхимия хоть и родственны, но все-таки очень серьезно различаются!

— Отлично, займитесь этим вдвоем с Риго, прямо сейчас. Я загляну в гости к его ночному величеству, пусть готовится. Нет сомнений, этот Валериус — один из сыновей Биркарта. Или, что гораздо хуже, нанятый бароном Абсемом наемный убийца, которому поручено разобраться с гнусными оскорбителями его баронской милости... Хотя на наемного убийцу Валериус не похож, тот действовал бы проще, без столь дурацкого маскарада. А если сын Биркарта в городе, значит и сам старый разбойник неподалеку!

Из проулка за стеной «Корня Чертополоха» вынырнул Юк и сразу получил строжайший приказ: следить за чужестранцем, но делать это очень аккуратно и незаметно. Докладывать куда ходил, что делал, с кем разговаривал. Удастся подслушать — еще лучше!

— Подготовку к большой охоте мы провели

идеально, — сказал варвар Эмерту. — Теперь дело за малым: бескровно и тихо взять Биркарта, найти его сокровища и передать их Просперо вместе с самим бароном Абсемом. Пускай герцог решает, что с ним делать.

— Чего тут решать-то? — хмыкнул боссонский лучник. — Герцог или выдаст его графу Альгейсу, или отправит в подземелья замка Гайарда до конца жизни. Я бы выбрал второе.

— Биркарт не должен отвечать за то, что сделали мы, — убежденно сказал Конан. — Я полагаю себя честным человеком и не собираюсь отправлять Абсема прямиком в лапы графа Безьерского... Как освободить его от обвинений и самим не пострадать — придумаем. После выполнения приказа Просперо, разумеется.

* * *

— ...ещё у него на шее амулет, скорее всего магия Алого Пламени Равновесия, — сказал Риго. — Сильный амулет, не исключено что боевой. От обычных охранных амулетов так магией нешибает, я его чувствовал шагов за сто.

Дело было на следующий день после первой встречи с Валериусом — пуштенца и месьора Рамаллеса отправили в «Корень Чертополоха» поутру, незаметно взглянуть на подозрительного типа и сделать свои выводы. Мнения обоих ма-

гов сошлись: колдовскими способностями кофиец не обладал, зато носил с собой самое меньшее три «спящих» амулета, два слабеньких, и один довольно мощный. Конан окончательно уверился в том, что Валериус — один из сыновей Биркарта Абсемского. Подобные амулеты стоили очень дорого, купить их мог только богатый человек (а Валериус внешне не производил впечатления богача), да и мало кто в Хайбории пользуется волшебными предметами, большинство людей магии не доверяет и ее побаивается...

Но больше всего варвара удивило подоспевшее к полудню сообщение Юка. Нанятые Конаном ребята видели Валериуса одновременно в двух разных местах. Валериус первый, в обычном кофийском наряде бездеятельно бродил по городскому базару, приценивался, торговался но ничего не покупал. Валериус второй, одетый как обыкновенный горожанин из числа мастеровых, отирался в предместьях, неподалеку от «Пестрой перепелицы».

— Юк, ты ничего не путаешь? — озадаченно спросил Конан. — Что значит «два одинаковых человека»?

— Совсем одинаковые, господин Амра! — не сомневаясь ответил парнишка. — Я не вру! Лица похожи как две монеты! Только у одного волосы распущенные, а у другого схвачены в хвостик переплетенный серебряной нитью. Ремесленника

встретил случайно один из моих парней следивших за кофийцем поутру, дал знать.

— Фантом? — предположил Эмерт. — Некоторые колдуны умеют создавать собственный бестелесный образ...

— По-моему все гораздо проще, — подумав, сказал Конан. — Сыновья Биркарта могут оказаться близнецами. Неосторожно работают! Но кто кроме глазастых уличных мальчишек разглядит, что два человека находящиеся в разных концах города окажутся... гм... похожи как родные братья? Юк?

— Чего, господин Амра?

— Хватит называть меня «господином», можно просто Амра. С обоих глаз не спускать! Если увидите, что они встречались с высоким человеком с черной бородой и разговаривающим басом — немедленно сообщайте. Этот человек должен вести себя как благородный, хотя кто его знает, бестия...

Юк умчался.

Риго хмурился, Эмерт оставался невозмутим, месьор Рамалес старался не показывать виду, что волнуется: как истинный зингарец он обожал интриги и авантюры, понаблюдать за которыми (а особенно поучаствовать!) в прежние времена в Безье было почти невозможно. Рамалес помогал варвару не только ради денег — острые ощущения ценятся дороже золота!

«Домоправительница, домна Аэлис, подозрительных гостей открыто не одобряла, но помалкивала» — побаивалась колдуна-хозяина. Поэтому когда в дверь постучали молоточком, старуха вздохнула и пошла открывать.

Валериус откликнулся на приглашение и решил навестить мимолетных друзей, у которых намедни выиграл девять монет серебром. Рамалес остался в лавке, Риго приказали сидеть на верху, встретили Валериуса Конан с Эмертом. Разместились в комнате, выводящей окнами на улицу, Алис принесла вино, мясо и лепешки.

— Ваш друг — алхимик? — поинтересовался Валериус. — Любопытно.

— Почему? — вздернул бровь Конан. — Весьма полезное ремесло, уважаемое и древнее.

— Безусловно, — согласился кофиец. — Месьоры, вчера вы сказали, будто являетесь единственными моими знакомцами в Безье и были совершенно правы. Поэтому я воспользовался приглашением и пришел серьезно поговорить.

— О чём же?

— По-моему, вы не те, за кого себя выдаете. Во-первых, дворянина никогда не отправят закупать фурраж, даже при самой острой необходимости. Кроме того, почему это надо делать в Пуантене, а не в Боссонии или Тауране? Во-вторых, вы действительно были на Черной реке, некоторые подробности тамошней жизни знают только

люди участвовавшие в войне с пиктами. Здесь нет никаких сомнений. В третьих, ты, месьор Арс из Линна, никак не походишь на шамарца. Гандер или темриец, это значительно ближе к истине. Имя, кстати, тоже не настоящее.

— Согласен, — кивнул варвар. — Но и ты родился явно не в Хоршемише. Когда в следующий раз надумаешь изображать подданного Кофа обрежь волосы и купи не туранскую, а кофийскую саблю. Кроме того, прислеживай за выговором.

— Можно одно предположение? — спросил Валериус. — Я полагаю, что вы трудитесь или в Латеране, тайной службе короля, или вас нанял граф Безье́рский.

— Дальше? — спокойно произнес Конан.

— Вы хотите изловить Биркарта из Абсема, напавшего на замок его милости? Это единственный вывод, который я могу сделать. Безье́р — маленький и тихий городок, в котором никогда и ничего не происходит. А я вдруг якобы случайно встречаю двоих людей которые интересуются приезжими — ваши вчерашние любознательные взгляды я сразу заметил, — потом выясняется, что за мной следят какие-то оборванцы... Это наводит на размышления о том, кто таковы новые знакомые.

— Можно предположить и другое: мы грабители, которые ищут обеспеченных путешествен-

ников и наметили тебя жертвой. А работаем на здешнего «ночного короля».

— Гиальберт никогда не стал бы вовлекать в свои дела чужеземцев, пуантенская традиция, — уверенно сказал Валериус. — Не смотрите на меня с таким удивлением. Я знаю, кто командует безье́рскими «ночными цирюльниками». Вы действуете сами по себе. Нет?

— Ты прав, сами по себе, — согласился киммериец. — Имя нашего покровителя я, уж извини, открывать не вправе, но мы трудимся в его интересах. Это очень значительная персона, один из самых знатных дворян королевства.

— Снова не вре́шь, — наклонил голову Валериус. — Раскрою маленький секрет. Я владею полезнейшим магическим амулетом, позволяющим отличить правду от лжи. Всегда. При любом разговоре, если, конечно, амулету не противодействует более сильный или заклинание. Вчера, когда вы рассказывали о своей непререкаемой уверенности в том, что графа Безье́ра и его гостей ограбил именно Биркарт из Абсема, амулет подал знак: это ложь. Следовательно, вы знаете, кто осмелился совершить этот... гм... поступок.

— Будет правильнее сказать: мы точно знаем, что это не Биркарт, — Конан про себя выругался. Эх, знать бы раньше про амулет! Теперь придется быть втройне осторожным и строить отве-

ты на вопросы так, чтобы безмозглый сгусток магии заключенный в серебряную оболочку не почувствовал вранья! По счастью за время вчерашней беседы Валериус не спрашивал об этом деле напрямик... А применив магию и затем обнаружив слежку сделал совершенно неправильные выводы! Не будем его разубеждать.

— Выкладывай, кто ты и зачем пришел, — произнес варвар.

— Мне нужна голова человека выдававшего себя за барона Абсема, — твердо сказал Валериус. — Кто я? Вообще-то я могу и солгать, мы ведь изначально находимся в неравных условиях: у меня есть амулет, а вы таким же не владеете. Однако, я дворянин, и желаю чтобы мы доверяли друг другу. Поэтому...

Валериус вынул из-за пазухи цепочку с серебряной побрякушкой в виде глаза, заключенного в треугольник: магический символ истины. Положил на стол. Конан заметил, что на шее гостя висит еще один талисман — фигурка тигра.

— Возьмите амулет и проверьте его действие, — сказал Валериус. — Задайте мне несколько простейших вопросов, если я буду говорить неправду, почувствуете как руку покалывает.

— Давай попробуем, — согласился Конан и положил треугольник себе на ладонь. — Мы входим в Безье или Тарантию.

— В Безье.

Амулет остался холодными и неподвижным.

— Кто сейчас король в Аквилонии, Вилер или Нумедидес?

— Вилер, — небрежно ответил Валериус. Из серебряного треугольника тотчас выскошла крошечная искорка и уколола варвара в пальц.

— Не поспоришь, вещица нужная, — хмыкнул киммериец, бросив амулет обратно на стол. — Ладно, оставим магию и поговорим на чистоту. Условие таково: если не можешь ответить честно, скажи, что отвечать на вопрос не собираешься. Согласен?

— Согласен, — кивнул Валериус. — То, что вы действительно исполняете распоряжения некоей высокой и очень знатной особы я уже выяснил. Не хотите раскрывать ее имя — ничего страшного. Но означенная особа может быть и самим королем. Вы из тайной службы?

— Верно, — абсолютно честно ответил Конан. Как-никак под приказом Просперо стояла еще и подпись графа Кертиса, служившего в Латеране. — Вернее, Латерана крайне заинтересована в этом деле, тайная служба в числе нанимателей. Теперь моя очередь: ты сын барона Биркарта Абсемского?

Валериус опешил — не ожидал такого вопроса. Помолчал, и бросил сквозь зубы.

— Да. Меня действительно зовут Валериус, младший барон Абсем. Именно младший, брат

родился на пять терций раньше меня. Кто напал на замок Безье?

— Пока не скажу, — покачал головой Конан, но быстро изменил свое решение. — Хотя, какая теперь разница... Его зовут Амра-лев. Хочешь, проверь мои слова амулетом. Амра-лев. Бывший корсар зингарской короны, предводитель пиратов Барахас и так далее. Семь смертных приговоров, три в Стигии, два в Аргосе, еще по одному в Асгалуне и Эруке.

Сам того не желая Валериус коснулся серебряного треугольника и понял: это чистейшая правда. Отдернул руку, вспомнив, что по его собственному решению разговор строился на доверии. Потом отодвинул амулет подальше.

— Что ты о нем знаешь?

— Сейчас мой вопрос: зачем вам жизнь Амры? Это очень опасный человек.

— Он оскорбил наш род. Назвался именем отца и совершил гнусное преступление, на которое мы никогда бы не пошли.

Конан с Эмертом переглянулись. Стрела попала в яблочко! Как предсказуемы люди с благородной кровью!

— Вы поможете мне его найти?

— Амрой-львом интересуются и другие, — не покривил душой варвар. — В Асгалуне за его голову дают пять мер золота, а это очень большие деньги.

— Значит, вы всего лишь наемники, если заговорили о золоте, позабыв о приказе «высокой особы»? — улыбнулся Валериус.

— Безусловно, наемники. Но очень удачливые и благоразумные. Иногда выгоднее получить золото, а в другом случае — расположение какого-нибудь короля или герцога. Человека которого мы ищем (Конан нарочно не упомянул имени, вдруг амулет может давать сигналы хозяину на расстоянии!) следует захватить живым. Если он погибнет, наниматель будет крайне разочарован.

— Хорошо-о... — протянул Валериус. — Что ваш наниматель хочет сделать с добычей? Ему ведь нужен пленник, а не труп, если я ничего не путаю!

— Наниматель нужны сокровища этого пленника, — Конан играл в словесные кошки-мышки с огромным удовольствием. Старые приятели в Шадизаре разрыдались бы от умиления! — Предполагается, что он владеет колоссальными богатствами.

— Если Амра-лев проворачивал подобные же авантюры и в других королевствах, то я не удивлен его смертными приговорами и слухами о несметных богатствах, — задумчиво сказал Валериус. — Допустим, после разговора с вашим господином Амра останется жив. Разве он выйдет на свободу?

— Что делать с пленником решит наниматель, — ответствовал Конан опять не упомянув имени «пленника». — Полагаю, ему предстоит длительное заключение, но не смерть. Господин милостив и благороден.

— Очень интересно, очень... — Валериус потер ладони. — Ты сказал, что являешься удачливым и разумным наемником, а таких не перекупишь даже за очень большие деньги. Или все-таки заключишь новый договор? Предлагаю вдвое против прежнего, какой бы ни была сумма.

— Это исключено.

— Так я и думал. Поступим так: выполнишь соглашение с «высокой особой» и поработаешь на меня и моего отца. Достанешь Амру хоть из-под земли! Перед встречей с Биркартом Амра должен быть живым и здоровым, по крайней мере в ясном сознании. Половину денег мы заплатим вперед.

— Надо подумать, — пожал плечами киммериец. — Не в наших правилах браться за другое дело, не закончив первого. Зайди вечером. Хотя нет... Все, что я услышал от тебя сейчас, я хочу услышать лично от Биркarta. Назначьте встречу в любом удобном для вас месте, я приеду один. За такую работу мы просим... Эмерт?

— Тысячу офирских золотых денариев, — невозмутимо сказал лучник. Это были огромные деньги, монеты Офира считались самыми доро-

гими на Закате, а содержание золота к примесям в них было девяносто девять к одному.

Валериус присвистнул. Подумал. Ответил:

— Вы, месьоры, не мелочитесь... Хорошо, я устрою встречу с отцом. Вы должны понимать, что из-за Амры, чтоб его Сет зажрал, на нас сейчас охотится весь Пуантен и меры предосторожности будут самые серьезные. Основания доверять вам полностью у меня нет. Откуда мне известно, вдруг вы этим же вечером отправитесь к графу Безьеरскому, который даст за наши головы пятикратно больше!

— Я и не рассчитывал на такое доверие, — улыбнулся Конан. — Однако я тоже дорожу репутацией и не собираюсь отпугивать возможного нанимателя неосторожными действиями. Безьеर заплатит мне деньги всего однажды и отправит вас на плаху, а в будущем я могу пригодиться месьору Биркарту неоднократно... Когда тебя ждать?

— Вечером. — Валериус поднялся, забрал амулет и шагнул к двери.

— Хорошо, договорились. Да, и не забудь передать брату, чтобы он поменьше разгуливал по городу прикидываясь ремесленником. Если мы заметили двух близнецов, это могут сделать и другие.

Сын знаменитого разбойника запнулся на полу шаге. Заинтересованно взглянул на варвара.

— Забыл спросить, как вы узнали кто я такой и откуда знаете о брате?

— Боги милостивые, это же проще, чем игра в четыре шарика! — фыркнул киммериец. — Сам подумай! Ваша разудалая троица, узнав о событиях в Безьеере, немедленно бросилась искать Амру-льва чтобы отомстить. Так? Появление Биркарта в городе было вполне ожидаемо, оставалось приглядывать за всеми необычными приезжими!

— Значит, ты нарочно искал нас? Зачем?

— Затем, что вы можете помочь изловить человека, который так интересует нанявшего меня... э... дворянина. Вы тоже удачливы.

— Не врешь, — повторил Валериус, покрутив в пальцах амулет. — Ждите меня ближе к закату. Выход сам найду, провожать не нужно.

Спустя несколько мгновений хлопнула дверь, ведущая на улицу.

— Ф-фу... — Конан схватил чашу с вином и залпом выпил. — Видишь, Эмерт, к чему приводит излишняя самоуверенность? Валериус слишком понадеялся на магию амулета! Я ведь сказал чистейшую правду: младший Абсем вместе с братом могут очень даже помочь в поимке их знаменитого папаши!

— Если они начнут трясти ворье и «ночного короля», кто-нибудь обязательно проболтается, — хмуро проворчал боссонец.

— О чём проболтается? О том, что в городе побывал Амра-лев? Это нам только на руку! А вот Юку и его мальчишкам придется на время спрятаться, они знают больше, чем нужно. Как только Юк объявится, заплати ему и прикажи исчезнуть на три-четыре дня.

— Ты ведь совсем недавно не хотел ему платить?

— Жадность — величайший человеческий порок, — наставительно сказал Конан. — Я вот никогда не был жадным, а потому до сих пор жив. Заплати, от нас не убудет...

* * *

Ближе к наступлению ночи, к великому удивлению Риго, Эмерта и месьора Рамалеса, киммериец уехал. Уехал не один, а вместе с Валериусом, что было весьма опасно — семейство Абсем не зря славилось хитростью и изворотливостью. Если они каким-то образом узнали, что варвар есть Амра-лев, Конан рисковал головой. Будь ты хоть самым великим героем наподобие Сигиберта Завоевателя, это не спасет от арбалетного болта прилетевшего из темноты!

К вечеру второго дня всеми овладело нешуточное беспокойство: киммериец не появлялся, вестей от него не было. Риго проклинал себя за то, что не заметил варвара «заклятием следа».

позволявшим отыскать человека даже в том случае, если некие волшебные силы перенесли его на другой край материка! Эмерт, наоборот, был уверен что с Конаном ничего плохого не случится — человек сумевший проникнуть в гробницы стигийского Кеми и вернуться оттуда живым не станет жертвой каких-то разбойников, пускай и весьма известных!

Правоту Эмерта подтвердил сам киммериец, уставший, но очень довольный — он спрыгнул с седла перед домом месьора Рамалеса, сам завел лошадь в конюшню, препоручив ее заботам старой Аэлис и чуть не бегом поднялся на второй этаж. Боссонец дремал, Риго читал взятую из коллекции Рамалеса магическую книгу и выписывал на лист пергамента заинтересовавшие его заклинания.

— Как дела? — варвар шумно ввалился в комнатку. — Пока никаких вопросов! Риго, собирай вещи, даю тебе один колокол.

— В чем дело? — не понял пуантенец.

— Сказал же: никаких вопросов! Дай перо и чистый пергамент, надо написать короткое письмо в Велитриум. Ты отправляешься туда сегодня же, до ночи успеешь проехать пять-шесть лиг...

— А вы?

— Еще один вопрос — стукну чем-нибудь тяжелым! Марш вниз, поешь и собирайся! Одна нога там, другая тоже там! Бегом!

Риго вздохнул, отложил книгу и сгинул за порогом.

— Может быть мне объяснишь? — буркнул Эмерт.

— Чего тут объяснять? — Конан бросил на пол тяжеленную кожаную суму. — Посмотри, чем разжился.

Лучник лениво отстегнул замочки. Сума была полна кожаных мешочков с ремешками, перехватывающими горловины. Эмерт взял один кошелек, открыл и вынул на свет крупную монету густо-желтого золота. На одной стороне монеты была отчеканена «офицкая корона», на другой — воин сжимающий в одной руке меч, в другой кошелек. Нелепый герб офицких торговцев!

— Полтысячи королевских денариев Ианты, — пояснил Конан. — Едва спину не сломал, тяжелые как валуны... Можно купить если не половину Безьера, то четверть точно.

— Взял задаток за свою голову? — Эмерт улыбнулся, что с ним бывало редко.

— Нет, дружище, отнюдь не за голову! Договор звучит так: я обязан доставить Амру-льва к месьору Биркарту в целости и сохранности. Или наоборот, привести Биркарта к Амре — лишь бы последний был жив и здоров на голову, чтобы понять, кто именно пришел его зарезать. Барон с сыночками очень боятся, что «наниматель» за-

пытает меня до умопомешательства, пытаясь узнать где Конан Каах спрятал свои сокровища...

— И где ты их спрятал?

— Невелика тайна. Часть на Барахас, еще во времена Белит скончалася. Часть в скалах на побережье Куша, еще немного в Шеме. Потом расскажу... Зато пышущий жаром от благородного негодования Биркарт совсем позабыл об осторожности и приоткрыл завесу, скрывающую его сокровищницу. Все-таки он человек с выдумкой, я бы никогда не догадался так сделать!

— Так где же?

— Пока это неважно! У нас есть другие дела, включая поимку зловредного Амры!

— Опять темница, — тяжко вздохнул Эмерт. — Зачем ты отправляешь Риго в Боссонию? Да еще и в одиночестве?

— Он не маленький мальчик, доберется! Не мешай пока, письмо напишу...

* * *

В дорогу Риго снарядили добротно: месьор Рамалес отдал ему одну из своих лошадей в качестве заводной, ворчливая домна Аэлис напихала в седельные сумки свежих пирогов с рыбой и мясом и три фляги, две с вином, одна с родниковой водой. Алхимик подарил напоследок список с редкого трактата Гунтрамна из Тарантии

«Алое Пламя Ривнесия, магия земли, воды, воздуха и огня». Выразил надежду, что месьор Риго обязательно заглянет в гости, когда война закончится победой войска его светлости Троцеро.

— Подорожные в полном порядке, дворянская грамота в наличии, — быстро говорил варвар пуантенцу. — Тебя никто не вправе остановить или задержать, если, конечно, снова не нарвешься на каких-нибудь разбойников. В Велитриуме тебе необходимо быть самое позднее через две седмицы, поэтому никаких конных переходов. Отправляйся прежним путем до Вегельина, ищи подходящее судно, а если не будет купеческой галеры, найди речной карак. Вот деньги, оффирского золота хватит, чтобы не только нанять, но и купить корабль. Все равно пострайся не транжириТЬ...

— Что делать в Велитриуме? — осведомился Риго.

— Для начала передашь Простеро эту депешу, там все написано. Затем жди. Я очень постараюсь прислать весточку и сообщить, когда мы вернемся. Так или иначе это должно случится в течении седмицы после твоего появления в Велитриуме. Все понял?

— Просто ждать?

— Да, просто ждать, — нетерпеливо сказал Конан. — Если Кертис или Простеро попросят помочь — поможешь, если нет, тогда отдохнешь и

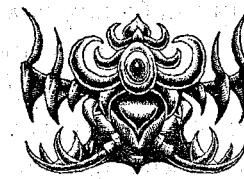
веселись в тамошних кабаках, золота у тебя предостаточно, а цены в Боссонии низкие... Остановись в «Синем ястребе», Ормеа тебя наверняка запомнила, устроит с удобствами. Очень прошу, по дороге не останавливайся и не задерживайся, время дорого!

— Как скажешь...

Риго выехал из Безьеца через Закатные ворота и направился по тракту в ту сторону, где пылало багровое вечернее солнце. Пустил лошадь крупной рысью, заводная шла позади на длинном чембуре. Надо было дотемна успеть добраться до деревеньки Лимга, стоявшей на караванном пути. Не хотелось ночевать под открытым небом.

Последний раз оглянувшись Риго увидел золотисто-розовые стены Безьеца и три башни графского замка возвышавшегося над городом. Как-то там Фалькон поживает, вот интересно? Жаль, что не удалось попрощаться с галиардом-бароном! Ничего, рано или поздно судьба снова с ним сведет — Риго ничуть не удивился нахлунувшей волне магического предчувствия, это случалось частенько.

До свидания Безьец, розовый город на реке Арье! Нас ждут унылые Боссонские болота, ставшие едва ли не родными...

Глава шестая

Ожидаемая встреча

Велитиум

3-я весенняя луна 1286 года
по основанию Аквилонии.

иго добрался до Боссоний быстрее, чем рассчитывал. В гавани Вегельина стояла в ожидании товара парусно-гребная аквилонская галера направлявшаяся на Полночь. Оказалось вполне достаточно показать владельцу судна подорожные и уплатить вперед десять монет серебром. Ветер был попутный, дул со стороны моря, иногда гребцы брались за весла, за время плавания останавливались всего один раз. Риго вздохнул с облегчением на рассвете восьмого дня пути, когда из зыбкого тумана показались высокий берег, деревянные пристани и крутые стены самого крупного форта Боссонии.

Велитриум только просыпался, у ворот и на угловых башнях отчаянно зевала стража из числа наемников, обвисли мокрые пуантенские знамена с серебряными леопардами — все последние дни не прекращались дожди. Первым делом пуантенец направился к «Синему петуху».

Госпожа Ормеа всегда поднималась перед восходом солнца: забот по хозяйству было превеликое множество, следовало присматривать за кухней и начинать готовить еду для постояльцев. Огромная женщина подобно богине-громовержице внезапно появлялась то на дворе, то в конюшне, подгоняла прислугу низким голосом и вообще выглядела в утреннем тумане существом почти потусторонним.

— Граф Риго! — взревела Ормеа, едва пуантенец въехал в ворота постоялого двора и спешился возле коновязи. — Откуда? И где варвар с Эмертом? Остались в Тусцелане? Что ты здесь делаешь один? Комната нужна?

— Зачем столько вопросов сразу? — поморщился пуантенец, еще не привыкший к оглушиющей речи хозяйки. — Встреть, накорми, устрой лошадок на конюшне, тогда и поговорим как достойные люди. Кстати, граф Кертис здесь?

— Уехал, по-моему, в Галпаран, — сказала Ормеа. Попутно рявкнула на конюха, чтобы занялся лошадьми «его милости». — По делам.

Вернется со дня на день. Устал с дороги? Сейчас покушаешь, и спать — почитай, ночь еще!

— Не могу, я к Просперо с донесением...

— Что, пикты беспокоят? — хмыкнула Ормеа. Она была уверена, что Риго приехал из Тусцелана.

— Пикты? Это было бы самое простое...

Подкрепившись, Риго отправился в крепость, к управе. Над боссонскими лесами поднялся бледный солнечный диск, ветер разогнал дымку. В форте начался обычный день, с привычными заботами и тревогами.

— Срочная депеша для его светлости Просперо, — обратился Риго к десятнику пуантенской гвардии дежурившему внизу. — Дело не терпит отлагательств.

— Давай сюда, — вытянул руку десятник. — Передам.

— Лично в руки, — покачал головой Риго. — Нужна личная аудиенция.

— Может, тебе еще встречу с государем Нумедидесом устроить? — нахмурился страж. — Его светлость не принимает.

— Сообщи, что доставлено послание от сотника Конана Канах, — продолжал настаивать Риго. — Его светлость ожидает депешу уже несколько седмий!

— Ладно, доложу, — смилиостивился десятник. — Оставайся здесь.

Вернулся десятник очень быстро, причем его отношение к Риго резко переменилось — теперь он смотрел на визитера не безразлично-лениво, а с большим интересом.

— Топай за мной. Просперо примет тебя немедленно. Что ж ты сразу не сказал?

— Сказал, — огрызнулся Риго. — Депеша срочная! Да видно уши у тебя не на том месте растут.

— Знаешь сколько таких депеш за день приходит? — примирительно сказал страж. — Десятки! Причем одна важнее другой! Чего стоишь, идем.

Его светлость, как видно, проснулся недавно — сидел за столом без колета, в рубашке с кружевами по вороту и рукавам. Глаза красные, наверняка не выспался. Волосы взъерошены.

— Риго, младший граф Кастельно, — поклонился пурпурный.

— Сын старого графа Гугона? — удивился Просперо. — Что же связывает тебя с Конаном?

— Я наёмник, — чуть покраснел Риго. — Теперь служу в Тусцелане. Я ездил вместе с Конаном в Пуантен по поручению вашей светлости.

— В самом деле? — усмехнулся герцог. — И что же, вы таковое поручение исполнили? Невероятно!

Пергаментный свиток перекочевал в руки Просперо. Герцог пробежался взглядом по строч-

кам, затем перечитал заново, уже куда более внимательно. Машинально потянулся к серебряному стаканчику с легким белым вином.

— Глазам своим не верю, — пробормотал Просперо. — Я был уверен, что Кертис неудачно пошутил, наставив на этой авантюре! Граф убеждал меня, что Конан Канах при большом желании может запросто прогуляться на Серые Равнины и привести ко мне в гости самого Нергала, однако... Риго, ты ведь дворянин Пуантена и не имеешь права лгать своему герцогу! Это правда? Вы нашли Биркарта и его сокровища?

— Да, ваша светлость. Дело было сопряжено с большими трудностями и некоторыми осложнениями, но мы действовали по вашему приказу и посчитали, что для его выполнения могут быть использованы любые средства.

— В письме сообщается, что Биркарт лично явится в Велитриум для встречи со мной. Заодно даны рекомендации по... по встрече. Ты читал послание?

— Нет, ваша светлость. Письмо адресовано герцогу Просперо и я был не вправе...

— Прочитай, я дозволяю. Риго взял пергамент, исписанный аквилонскими значками стилизованными под нордхеймские или киммерийские руны. Конан вкратце сообщал, что приказ исполнен (подробности не приводились), что вскоре Биркарт из Абсема и

его сыновья непременно появятся в Велитриуме приблизительно через две седмицы после отправки этого письма, но для того, чтобы их задержать понадобятся некоторые усилия...

Далее следовало подробное описание того, что следовало сделать. Не последняя роль отводилась самому Риго и, как ни удивительно, громкоголосой владелице «Синего ястреба». Впрочем, ничего особенно странного в этом не было, Ормеа, как женщина с внушительным опытом и хваткой бывшего пирата, могла серьезно помочь. Да и в число вышибал «Ястреба» входили трое хмурых личностей из числа бывших корсаров, не пожелавших бросать своего капитана. Может, они и не молоды, но споровки не потеряли.

Внизу приписка: едва письмо будет получено, герцог должен отправить строжайший приказ наместнику Гайарда — захватить митрианский монастырь Солнечного Луча, находящийся в полулиге от города. И очень внимательно пошарить в его подвалах.

— Монастырь? — не понял Просперо. — При чем здесь монастырь Солнечного Луча? Я хорошо помню, его построили зим двенадцать назад на пожертвования какого-то благочестивого дворянина, пожелавшего остаться неизвестным...

— Иштар Лучезарная, — внезапно догадался Риго. — Неизвестный дворянин? По-моему, он

наоборот, очень известен! Сокровищницу Биркарта где только не искали — в горах, в Рабирийских пещерах, на островах Полуденного океана, а месьор барон все эти годы прятал награбленное под носом уластей Пуантена! Темнее всего — под свечой! Кто мог подумать, что жреческая братия осмелится хранить сокровища, добытые неправедным путем!

— А если Конан ошибается? — нахмурился Просперо. — Воображаю, какой шум поднимется, когда в монастыре ничего не найдут! Отцу и мне потом придется очень долго мириться со жрецами, эта братия злопамятна и жадна. Монахи нас окончательно разорят... Доказательство Конан не приводит никаких!

— Доверьтесь киммерийцу, ваша светлость, — убежденно сказал Риго. — Этот человек знает, о чем говорит! Не верите мне, послушайте графа Кертиса — в Латеране хорошо знают, кто такой Амра-лев!

— Ну хорошо, — поразмыслив, согласился герцог. — Надеюсь, Конан действительно не ошибается, поскольку такие ошибки непростительны и наказуемы. Гонца в Гайард отправлю сегодня. Могу я поинтересоваться, как вы отыскали Биркарта?

Риго смущаясь, не зная, что сказать. Безысрская история выставляла Конана в невыгодном свете, она выглядела оскорбительной и недос-

тойной. Просперо, однако, настаивал, и Риго пришлось рассказать о необычном замысле киммерийца. Умолчал только о некоторых деталях — например, о Фальконе и участии в интриге месьора Рамалеса.

К великой неожиданности Риго, герцог постоянно прыгал со смеху, а затем расхохотался до слез.

— Давненько добрые подданные моего отца не получали эдаких щелчков по носу! — рыдал Просперо. — Сбили с них спесь, а? Воображаю себе лица Безьера, Рыжего Кочета и всех остальных, после того как... Ох, не могу! Потрясающее! Они-то думают, что в Пуантене каждый дворянин сам себе король и герцог, а тут появляется какой-то киммерийский варвар и все это скопище королей ставит в неудобное положение!..

— Я не совсем вас понимаю, ваша светлость, — промямлил ошеломленный Риго.

— Ты все отлично понимаешь, друг мой! Ты ведь родился в Пуантене, знаешь наши обычай и традиции!

Все правильно. В отличие от других Великих герцогств — Шамара, Гандерланда, Таурана, и Боссонии, — в Пуантене любой благородный человек владеющий пусть даже самым крошечным земельным леном почитал себя единовластным повелителем, почти независимым от герцога, и уж тем более короля, находящегося где-то в от-

даленной Тарантии. Дело в том, что еще триста зим назад, до восшествия на престол Сигиберта Великого, Пуантен было государством независимым от Трона Альва и более тяготел к Зингаре, чем к Аквилонии. По большому счету, Великое герцогство тогда являло собой буйную дворянскую анархию, где владыка Гайарда был всего лишь первым среди равных.

Сигиберт недаром получил свое прозвище — Завоеватель. Первым делом он решил, что Аквилония обязана владеть важнейшими сухопутными торговыми путями, значительная часть которых проходила через Пуантен, двинул свои непобедимые легионы на Полдень, разгромил в пух и прах дворянское ополчение и подписал с Великим герцогом вассальный договор. Однако, порядки почти не изменились: спесивые пуантенские графы платили подати в казну Тарантии и Гайарда, но особого почтения к высшей власти не испытывали.

Достаточно сказать, что когда Троцеро ввязался в войну в пиктами, две трети дворян Пуантена остались дома, не желая поддержать его светлость. Древние уложения обязывали благородных участвовать в войне только когда враг нападает непосредственно на Пуантен, ну а если герцогу взбрело в голову повоевать за пределами своих земель — пускай воюет сколько угодно, ему никто мешать не собирается. Исконные

вольности не оспоришь и традициями не пре-
небрежешь.

Посему, реакция Простеро на события в Бель-
ере оказалась предсказуемой: молодой герцог не-
долюбивал своих вассалов, равно как и они вы-
казывали почтение к Трону Леопардов только на
словах. Отдельные сумасброды, наподобие того
же Рыжего Кочета, так вообще устраивали не-
мыслимые в других государствах финты — не-
сколько зим назад граф Фуа, раздосадованный
повышением налогов вдруг решил принести
присягу королю Зингары, но умный старик Фер-
друго вежливо отказал, поскольку не хотел ско-
риться с Вилером. Ныне, когда власть в Таран-
тии принадлежала Нумедидесу и его шайке,
пуантенцы окончательно распоясались — неко-
торые втихомолку поговаривали о том, что времена Сигиберта давно прошли, пора бы сбросить
ярмо, надетое великим государем на шею Пуан-
тена. Это уже граничило с государственной из-
меной.

Конан однажды сказал Риго, что Троцеро
вместе с сыном отнюдь не зря потратили боль-
шую часть казны на создание наемного войска:
несколько тысяч отборных головорезов собран-
ных со всего Закатного материка будут хороший
опорой в случае, если придется усмирять раз-
нужденных вассалов или, бери выше, сопротив-
ляться (подумать страшно!) Высокой Короне.

Герцоги Гайарда ведут род от Первых Королей,
что не менее почетно, чем быть представителем
династии Эпимитреев, ныне занимающей Трон
Льва.

Таким образом, если Нумедидес не обзаведет-
ся наследниками (а этого точно не случится, ко-
роль слишком стар и отягощен многими хворя-
ми) Троцеро или его сын теоретически могут
рассчитывать на корону Аквилонии... Риго пред-
почел варвару не отвечать: во первых, такие раз-
говоры слишком опасны, ибо ставят под сомнение
божественное происхождение власти, данной
людям Митрой и другими богами, а во-вторых,
не только династия Гайарда происходила от Аль-
коля с Олайетом. Родословие герцогских семейств
Гандерланда или Таурана не менее благородно,
если один из Великих герцогов решится захва-
тить Трон Льва, гражданской войны не избе-
жать.

... Отсмеявшись, Простеро вновь стал серьезен. Взглянул на Риго.

— Конан не говорил, сколько золота может
быть скоплено Биркартом? Это очень важно, мне
не хотелось бы узнать, что вся кутерьма нача-
лась из-за нескольких тысяч золотых.

— Не знаю, — покачал головой Риго. — Мож-
но посчитать. Барон Абсем разбойничает полто-
ра десятилетия, на его совести грабежи десятков
купеческих караванов, сборщиков податей да и

просто... хм... одиноких путников. Сумма, должно быть, немалая.

— Я всегда знал, что варвары хитроумны и здравомыслящи, но чтобы настолько? — задумчиво произнес Просперо. — И прежде всего — варвары надежны, нордхеймские наемники показали себя с наилучшей стороны. Жаль что Конан, единственный киммериец в войске Черной реки...

— Киммерийцы вообще-то домоседы, — сказал Риго, знавший по рассказам Конана о нравах его союзменников. — Можно сказать, нам повезло в том, что всемогущая судьба заставила варвара покинут родные горы...

— Оставим лирику, — нахмурился Просперо. — Ты понял, что нужно делать? Вот и замечательно, поди потолкуй с хозяйкой этого... как его?.. «Синего ястреба».

— Я остановился на этом постоялом дворе ваша светлость, госпожа Ормеа будет немедленно осведомлена!

— Как только понадобится — немедленно приходи, тебя пропустят ко мне в любое время дня и ночи. Буду ждать известий.

Конану давненько не приходилось заниматься таким сложным делом. Поиски человека, кото-

рый решительно не желает, чтобы его нашли, редко заканчиваются удачей. В давние, а равно и совсем недавние времена за киммерийцем охотились много и охотно — да вот к примеру, всего два года назад, когда варвар потерял благосклонность короля Фердруго и его величество отдал приказ немедлен явить под его светлые очи обнаглевшего капера, осмелившегося посягнуть на суда Башни Кордавы!

Началось все с того, что в одно прекрасное утро капитан Конан, командовавший караком «Вестрел», совершил непростительную ошибку, о которой ему впоследствии пришлось всерьез пожалеть.

Если придерживаться истинного изложения событий, утром было не слишком прекрасным. Оно было самым обыкновенным — серенький рассвет неподалеку от побережья Шема. Застилевший «Вестрел» покачивался на тихих волнах в ожидании, когда ветер разгонит туманную хмару и можно будет определиться, куда идти дальше.

Явление из-за непроглядной стены тумана медленно ползущей торговой галеры было воспринято командой как неожиданный подарок судьбы. Абордаж был проведен образцово — на галере даже пикнуть не успели. За исключением какого-то разряженного типа, в самый неподходящий момент выскочившего на палубу и начав-

шего увлеченно размахивать рапирай, в надежде отбиться от окруживших его морских волков. Нежданному защитнику досталось веслом по голове, после чего оказалось, что в этом мире его больше ничто не волнует.

К тому времени окончательно рассвело и выяснилась еще одна интересная подробность. Над галерой разевалось знамя Зингары. Свои ограбили своих. И не такое случается...

С того времени для «Вестрела» начались сплошные неприятности. Сначала выяснилось, что не обошлось без свидетелей (хотя любой из команды мог поклясться, что в то утро на десяток лиг в округе не маячило ни одного паруса). Свидетель оказался достаточно умен, чтобы не мчаться с доносом в Коронный замок, а попытаться извлечь из печального положения карака пользу для себя. Заодно выяснилась и личность убитого и это добавило трудностей — убитый оказался дальним родственником короля, направлявшимся по делам короны в Шем.

Вопрос был поставлен предельно ясно: или капитан «Вестрела» соглашается выполнить некое довольно опасное поручение, или Фердруго узнает, кто послужил причиной смерти его родича.

К сожалению для нанимателя, его далеко идущим планам не суждено было осуществиться, хотя Конан честно пытался исполнить все

взятые обязательства. В игру вмешались новые участники, и события приняли иной, совершенно непредсказуемый оборот. В итоге кое-кто отправился на встречу со своими предками, команда «Вестрела» слегка разбогатела, но, к общему огорчению, лишилась своего любимца — юнги Вайда по прозвищу Крысенок. Карак вернулся в гавань Кордавы.

Корсары были глубоко уверены, что их злоключения на этом закончились, но, как выяснилось, заблуждались. Кто-то все же доложил королю о событиях далекого туманного утра. «Вестрелу» стало необходимо как можно исчезнуть. Фердруго не простит убийства (пусть и невольного), любимого родственника к тому же в последнее время между королевскими корсарами и правителем страны были не самые лучшие отношения. Несколько команд, недовольных порядками в городе, взбунтовались и ушли на Барахас, а на прочих капитанов власти Кордавы начали поглядывать с плохо скрываемым подозрением.

Кроме того, была еще одна немаловажная вещь, ради которой стоило поскорее выйти в море. Это какой же мерзавец осмелился заикнуться, что капитан «Вестрела» нарушает присягу? Единственный раз — не в счет!

Конан искренне полагал себя вполне честным человеком. Раз уж он пообещал служить короне

Зингары — варвар сдержит свое слово. Ошибки бывают у всех, да и кто бы мог подумать, что на дурацкой тихоходной галере окажется не то вну- чатый племянник, не то пятиюродный брат его величества!

Рассказывать о продолжении этой малоприят- ной истории долго, но закончилась она далеко не лучшим образом. Заступничество принцессы Чабелы, дочери и прямой наследницы Фердруго, не помогло — ее высочество симпатизировала варвару, особенно после невероятно опасного приключения с «Короной Кобры» в которой Конан и принцесса невольно приняли самое живое участие. Чабела, отличавшаяся железным ха- рактером и истинно зингарским упрямством внача- ле уговаривала отца, потом ставила условия, затеи и вовсе поругалась с венценосным родите- лем, однако не менее упрямый Фердруго в нака- зание заточил дочь в ее собственных покоях и объявил награду за голову Амры-льва. Очень приличную награду, надо заметить.

Забегая далее в будущее скажем, что после смерти пожилого монарха унаследовавшая трон Чабела (теперь уже не принцесса, а полновласт- ная королева) отменила данный указ — Конан к тому времени занял престол Аквилонии и разы- скивать по обвинению в преступлении короля соседней дружественной державы было, по мень- шей мере, нелепо. Кроме того, Чабела и варвар

сохранили дружбу на всю жизнь. Однако, пока Фердруго был жив, на киммерийца велась ожив- ленная охота — к ней подключились пираты Ба- рагас да и некоторые бывшие соратники по кор- сарскому ремеслу.

Варвару пришлось незамедлительно уносить ноги. Он оставил корабль на попечение первого помощника, Сигурда из Ванахейма, высадился на берег в Шеме и направился на Полночь, по- дальше от Побережья. Из Асгалуна в Ианту, из Ианты в Бельверус, оттуда в Бритунию. Оторва- ться от погони удалось в Немедии, варвар ушел от преследователей только благодаря выработан- ному долгими годами умению замечать и путать следы — за спиной киммерийца маячили луч- шие охотники за головами способные отыскать человека хоть в Вендии, хоть в Пасиртайской степи. Последнего из охотников Конан убил на границе Трона Дракона и Бритунии.

Скрываться пришлось почти год. Варвар за это время успел поработать охранником купече- ских караванов ходивших между Пайрогией и Султанапуром, потом прибылся к отряду Но- чной Стражи, осенью активно поучаствовал в по- давлении мятежа бешеных оборотней в Погра- ни- чье. А когда решил, что ярость короля Фердруго постыла, вместе с Эмертом отправился в Боссо- нию — уж на Черной-то реке вряд ли встретишь людей, слышавших о приказе короля Зингары.

доставить к нему Амру-льва живым или мертвым!

Необходимо упомянуть, что Конан получил письмо от принцессы Чабелы — на всякий случай он оставил верной подруге сведения о некоторых хороших друзьях, да и кто обратит внимание на сложенный вчетверо и запечатанный воском лист пергамента на котором написано: «Отвезти в Аквилонию, Тарантия, улица Черного коня, таверна «Свинья и ухват», передать хозяину, чтобы сохранил для КК». Ничего особенного, обычное послание, каких тысячи.

Варвар, однако, по пути в Боссонию задержавшись в Тарантии на два дня, зашел в «Свинью и ухват», встретился с содержателем грязноватого заведения (им был знакомец времен знаменитой банды Одноглазого Ордо) и вскрыв печать прочитал достаточно ясное: «Отец, кажется, про тебя забыл. Все равно будь осторожен. Люблю. Ч.»

— Любит она, надо же... — проворчал Конан, сжигая пергамент в очаге. — Интересно, сколько поклонников Чабела успела сменить за последние два года? Но все равно приятно...

Киммериец отдавал себе отчет в том, что если бы очень захотелось, он сумел бы стать неплохим охотником за головами. Тот, кто умеет прятаться и уходить от погони всегда отыщет другого человека хотя бы потому, что отлично знает как можно оставаться незаметным. Конан,

однако, твердо знал, что это ремесло не для него — всегда можно найти занятие поинтереснее.

Задачка поставленная Просперо — изловить легендарного Биркарта из Абсема — варвару показалась достаточно сложной для того, чтобы взяться за ее решение. Но оказалось, что известные слова Сигиберта Завоевателя, «в простоте — половина победы» применимы и к легендарному разбойнику. Ухватить его за хвост оказалось довольно легко, главное теперь не выпустить в самый последний момент!

* * *

— А ну вставай! — грохотнуло над ухом Риго. В тот же момент его шлепнули по спине с такой силой, что сбылось дыхание. Меховое одеяло смягчило удар лишь отчасти. — Вставай, лежебока! Рассветает!

— Тысяча зеленых демонов! — взвыл пуантенец. — Ормеа, я тебя убью однажды!

— Попробуй, — жизнерадостно осклабилась великанша. — Подеремся на абордажных палашах? Можно на не заточенных! Спорим, что я тебя сделаю после первых двух ударов лезвие о лезвие?

— Не будем спорить, — моментально отказался Риго и протер глаза большими пальцами. — Что стряслось?

— Депеша тебе, от Амры. Возьми.

— Эрлик-воитель, наконец-то!

Прошло шесть дней с появления Риго в Велитриуме. Все это время он обильно ел, много спал и постоянно тревожился за Конана. Госпожа Ормеа, убежденная, что мужчина обязательно должен быть крупным и сильным закармливала тощего пурпуренца буквально на убой но, что характерно, дополнительных денег за это не требовала. Ей вполне хватало того, что Риго был другом Амры-льва. Периодически Ормеа подсывала пурпуренцу ласковых и говорчивых девиц из числа кабацкой прислуги (платила им сама), непрекращаю утверждая, что это помогает от прыщей на роже. И верно, помогает.

Отказаться от столь радушного гостеприимства было невозможно. Ормеа, сама детей не имевшая, приютила Риго под своим обширным крыльышком и теперь иногда называла потомка графов Кастельно «сынком». Никто не спорит, зингарка была добрая, но уж больно навязчивая, громкая и грубоватая!

Не взирая на отдельные недостатки, Ормеа прекрасно разбиралась не только в ремесле кабачицы, но и понимала толк в сомнительных авантюрах — пиратского прошлого не изживешь. Хозяйка говорила Риго, что на море ей пришлось пережить и ужасный пожар на корабле, когда карак забросали горшками с горючей сме-

сью катапульты с боевых галер Астгалуна, и пять кораблекрушений, и самые кровопролитные сражения. Так что поимку какого-то разбойника ей можно поручить с чистой совестью. Ормеа не подведет.

И не подвела. Но давайте обо всем по порядку.

«Письмо» оказалось написанным на кусочке дерева, на щепочке. Всего три слова рунами, вырезанными ножом: «Будем завтра. Готовьтесь».

— Что значит «завтра»? — вслух сказал Риго. — Завтра — это сегодня, или следующий день? Как доставлено? Ормеа?

— Щепочку принес голубь, из Далариума, городок ниже по течению Громовой.

— Знаю, я там был. И что дальше?

— Ты ведь знаешь, хозяева постоянных дворов в ближайшей округе всегда содержат голубятни. Предупредить о состоятельном путешественнике, или наоборот, о возможной опасности. Я отправляла туда пяток своих голубей, это один из них. До Далариума двадцать семь лиг по прямой, голубь прилетел в четвертый полуночный час, значит был отправлен вечером. «Завтра» — это сегодня. Если едут на лошадях и вышли с утра, значит объявятся к закату. Если на корабле — в середине дня, к четвертому-пятому часу после полудня.

«Разумно, — подумал Риго. — С хозяйкой не споришь. И как поступать теперь?»

Ормеа быстро разрешила все сомнения, диспозиция была расписана подробно и заранее. Командовать хозяйка умела лучше, чем готовить, хотя ее медвежатина с сыром и чесноком в Велитриуме почиталась за божественное яство. Даже герцогу на трапезу относили, гвардейцы отрекомендовали!

Вышибалы в «Синем ястребе» были изрядные. Три бывших пирата, двоим уже исполнилось сорок пять, последнему, самому грозному, было глубоко за пятьдесят. Звали его Ортегой из Альяла, что в неподалеку от Мессантии, королевство Аргос. Конан об этом человеке отзывался с уважением, а это многое значит.

Ортега ничуть не выглядел грозным. Все привыкли, что кабацкий вышибала больше напоминает серого горного медведя, плечи шире дверного косяка, ростом с дом, рожа зверская. Да ничего подобного! Месьор Ортега ростом был невелик, поменьше Риго, сложения худощавого и на первый взгляд довольно хлипкого, короткообрзанные волосы седые, лицом приветлив и симпатичен. Похож на добродушного дедушку, опекающего выводок внучат. Но если Ортега выходил из себя, он превращался в монстра. В Нордхейме таких именовали словом «бъерсерк», что на аквилонский переводилось примерно как «бешеный», хотя на самом деле его точное значение таково: «медведь-оборотень». Сила медведя и

неистовство оборотня, сочетаемые в одном человеке...

Когда зингарка решила обосноваться в Велитриуме, кое-кому это не понравилось — кабацкое дело спокон веку принадлежало боссонцам, чужаков сюда не пускали. Так вот, Ортега в одиночку отбился от девятерых громил присланных содержателями других постоянных дворов Велитриума. Пятерых убил, трех покалечил, последнего, самого молодого, живым-здоровым отправил к заказчикам — передать, что если кто-нибудь еще раз побеспокоит госпожу Ормеа, могут возникнуть осложнения. Какие осложнения? Очень просто: Ортега сам, в одиночестве, придет поговорить по душам, а закончится такой разговор весьма печально. Еще вопросы есть?

Вопросов не было. Появление «Синего ястреба» в Велитриуме теперь не вызывало лишних возражений.

Поговаривали о том, что Ортегу невозможно убить. РаниТЬ — сколько угодно, но от ран аргосец оправляется быстро, словно боевой пес. Когда в прошлом году пикты атаковали Велитриум и попытались штурмовать форт, Ортега четырежды был ранен стрелами и отравленным дротиком, однако выжил и через три дня встал на ноги. Он с одного удара мог завалить любого буйна, пускай и самого здоровенного. Ортега никогда, ничего и никого не боялся — страх исчез

навсегда после памятного пожара на караке, о котором так любит рассказывать хозяйка.

В жизни обычной Ортега был вежлив, сдержан, вина пил мало и ухлестывал за сравнительно молодой вдовой державшей на соседней улочке лавку по торговле сукном.

Эту лавку, кстати, все подозрительные личности ошивавшиеся в Велитриуме, обходили стороной — знали, что вдовушку опекает непредсказуемый вышибала. Риго потерял дар речи, когда узнал, что бывший пират происходит из весьма уважаемой в Аргосе дворянской семьи — он тоже был ненаследным сыном, отправившимся искать приключений...

— ...насколько они опасны? — вопрошал аргосец, когда хозяйка приказала ему обговорить все подробности предстоящего дела с Риго. К молодому дворянину Ортега относился с полнейшей серьезностью, не взирая на внешнюю невзрачность и нежный возраст. Если Риго ходит в команде (пускай и сухопутной!) того самого Амры-льва, значит он того достоин. — Каким оружием владеют? Чего от них ждать?

— Я знаю только о младшем брате, Валериусе, — ответил Риго. — Конан... То есть Амра-лев, говорил, что Валериус наверняка не способен ни на что большее, кроме обычного боя на мечах. Однако, у Валериуса есть магические предметы. Их называют «спящими».

— Понимаю, видел однажды, — кивнул Ортега. — Я имел дело с магией... Достаточно произнести нужное словечко, и волшебство пробудится. Откуда ты знаешь про это?

— Я... мне...

— Не нужно мялить, — улыбнулся вышибала. — Ты маг, правильно?

— Откуда ты знаешь?

— Не следует недооценивать наблюдательность других людей. Ты явно не человек меча. Сидишь в своей комнате, читаешь книжку. Прости, я в твоё отсутствие заглянул, поинтересовался. Это ведь сочинение Гунтрамна Тарантийского, «Магия Равновесия»?

— Ортега, никто не должен знать о том, что я владею магическими способностями.

— Никто знать и не будет. Я неразговорчив. Но я обязан понимать, с кем имею дело. Продолжим. Мы говорили про амулеты Валериуса.

— Один из них отличает правду от лжи. На что способен второй амулет я не знаю. О третьем могу сказать только то, что он выглядит как прыгающий тигр. Медальон из серебра, в нем заключена немалая сила, я это чувствовал.

— Ай, как скверно... — покачал головой Ортега. — Я однажды видел «Коготь тигра». В Стигии, зим двадцать назад.

— «Коготь тигра»? — сдвинул брови Риго. — Что это?

— Вещь редкая и во многом примечательная, — сказал пожилой вышибала. — Распространенное заблуждение гласит: боевую магию могут применять только Тьма и Свет, Равновесие предпочитает решать дела миром. Ничего подобного! Магия Алого Пламени способна сопротивляться. Ее сила — в природе. Пробуждая «Коготь тигра» ты призываешь на помощь мощь природной жизни, воплощающуюся в огромную полосатую кошку из джунглей Вендии, которая будет защищать своего хозяина. Этот предмет редок и очень дорог, их было изготовлено всего штук пятьдесят или чуть больше... Если один из семьи Абсем владеет «Когтем тигра», возможно таковой есть и у двух других. Ты ведь колдун? Сможешь остановить его пробуждение?

— Не уверен, — сказал Риго. — То есть, вообще не смогу. Колдовской предмет сильнее, моих способностей не хватит. Я придерживаюсь магии Света и потом я никогда не учился волшебству всерьез!

— Ничего страшного, как-нибудь прорвемся. Магию можно обмануть, можно попросту не допустить ее использования... Положись на меня и госпожу Ормеа.

— Тогда каков твой план? Что ты собираешься делать?

— Молод ты еще, Риго. Полагаешься на «планы». Амра-лев четко приказал: когда в «Синем

ястребе» появятся необычные постояльцы, приготовить для них комнату для общей встречи и держать арбалеты наготове. Этим я и займусь. Беги к его светлости, пускай приходит...

Задуманное Конаном слегка отдавало сумасшедшинкой. В письме герцогу варвар указывал, что Биркарт вместе с сыновьями попадется в ловушку, приманкой в которой будут непосредственно Амра-лев и таинственный «заказчик», сиречь его светлость Просперо. Сам Просперо отнесся к этому с любопытством, но без особой ретивости. Дворянским обычаям было противно участие в сомнительных спектаклях авторство которых принадлежало варварам из Киммерии. Впрочем, уговаривать Просперо не пришлось — наследник трона Гайарда понимал, что на кон поставлено немалое количество золота, которое позволит армии Черной реки продержаться хотя бы до следующей осени или даже зимы.

Риго страшно было подумать о том, что надежды Просперо могут оказаться неоправданы. Если Конан ошибся — быть беде. Очень большой беде для всех, кто связан с этой историей.

* * *

К пристаням, находившимся в широченной излучине Громовой, почти одновременно причалили сразу пять кораблей. Три купеческие гале-

ры, военный карак и речной «дортель», как обычно назывался небольшой быстроходный кораблик вмещавший от силы десять человек и несколько сундуков с грузом. Самое быстроходное судно, способное идти против течения.

С кораблей сошли разные люди. Наёмники, собирающиеся вступить в войско Черной реки, торговцы, доставившие груз в Велитриум, не особо торопливые посланники направлявшиеся по купеческим делам, несколько королевских чиновников.

Вечерело, низкие тучи разогнали ветер, впервые за много дней показалось голубое небо. Приезжие разбрелись по постоянным дворам и тавернам, в которых можно было снять не комнату, а просто лавку для ночевки. В «Синего ястреба» заглянули двое — в высоком темноволосом человеке можно было узнать Конана, второй был Валериусом из Абсема, который должен был убедиться, что в «Ястребе» нет засады.

Ничего подозрительного Валериус не обнаружил, самый обычный постоянный двор. Пьяноватые наёмники, хихикающие девки, несколько гвардейцев Гайарда. Густо пахнет кухней и пивом. А кроме того, по убеждению Валериуса, именно здесь, в «Синем ястребе» находится Амра-лев.

Конан заверил Биркарта и его сыновей, что гарантирует им встречу с известным пиратом в

Велитриуме. Почему именно там? «Заказчик» живет в Боссонии, Амра тоже окажется там. Никакой лжи — амулет молчал, показывая, что месьор Арс из Линна не кривит душой. Осторожный Биркарт предпочел, чтобы вначале «Ястреба» посетили Арс и Валериус, Эмерт оставил с господином бароном и его старшим сыном, «на всякий случай», сиречь боссонцу пришлось сыграть роль заложника.

— Где Амра? — Валериус повернулся к Конану.

— Здесь, в таверне, — усмехнулся варвар. — Можешь сходить за отцом и братом, встретимся в комнате наверху, левый коридор, самая последняя дверь. Там вы увидите Амру-льва, как и договаривались живым-здоровым.

— Странный ты человек, месьор Арс, — процедил Валериус, сжимая в кулаке амулет. — Ты всегда говоришь правду. Хоть бы один раз солгал! Таким как ты нельзя доверять.

— Это почему же? — искренне возмутился киммериец.

— Потому что нельзя говорить правду всегда и постоянно.

— А еще нельзя подозревать всех до единого людей в злонамеренных кознях, — парировал варвар. — Я вам обещал устроить встречу с Амрой-львом? Пожалуйста! Он здесь, в этой таверне. И я обещаю, что он на вас не нападет!

Можно было бы добавить, что Амра сидит за столом прямо напротив Валериуса, и что нападать он точно не будет, только защищаться. Конан предпочел обойтись без лишних слов и опять подумал о том, что магия — штука ненадежная.

— Наверх пойдем все вместе, — сказал Валериус. — Оставайся тут, я быстро вернусь...

Конан взглянул на хозяйку, глыбой возвышавшейся над стойкой. Ормеа подмигнула и наклонила голову, значит все готово. Отлично.

Биркарт, его наследники-близнецы и Эмерт появились меньше чем через квадранс. Барон выглядел спокойным, братья наоборот, смотрели настороженно. Когда к ним присоединился варвар, в игру вступила Ормеа, получившая подробнейшие инструкции от Риго.

— Господин Арс из Аинна? — хозяйка подошла к киммерийцу. — Все сделано так, как вы и просили.

— О чём он просил? — немедленно встрял Валериус.

— Вам, месьоры нужна была тихая комнатка для встречи с человеком известным как Амра-лев, правильно? Поднимитесь по лестнице. Если начнете шуметь вас никто не услышит, гостей из левого крыла я на денек переселила.

Биркарт взглянул на сына, тот пожал плечами — женщина-великан тоже не врет.

У двери Конан повернулся к барону и тихо сказал:

— Я выполнил все условия сделки, но есть одна деталь, о которой пришлось умолчать.

— В чём дело? — Биркарт отступил на шаг назад.

— С вами хочет поговорить высокая особа, та самая о которой я упоминал.

— Кажется, я просил не вмешивать в дело других людей!

— Это касается дальнейшей судьбы Амрыльва. Может быть, вас сумеют разубедить в том, что этот человек заслуживает смерти.

Валериус опять промолчал.

— Что за особа? — сдвинул брови барон.

— Увидите...

Комната оказалась самой обычной. Десять шагов в длину, пять в ширину, окно с деревянной решёткой затянуто полупрозрачной слюдой. У стены лежанка застеленная мехами, стол с кувшином вина и несколькими оловянными бокалами, несколько табуретов. В единственном кресле восседает утонченно-красивый молодой человек в очень богатом синем колете. На груди светился алмазами, сапфирами и лазурным аметистом драгоценная цепь с гербом Пуантена.

— Проходите месьоры, — сказал Просперо. — Давно хотел увидеться с вами, барон Абсемский. Клянусь, я не причиню вам вреда. Мы погово-

рим, и в зависимости от результатов этого разговора вы либо покинете Велитриум, либо останетесь здесь, у меня на службе.

— Ваша светлость? — Биркарт ошеломленно застыл. Покосился на Конана, но варвар только руками развел — вот вам та самая «особа». На всякий случай дополнил вслух:

— Просперо Пуантенский, мой заказчик. Я трудился по его приказу.

Валериус воздел к потолку глаза. Вот так неожиданность!

— Повторяю, месьоры — присаживайтесь, отведите вина, это настоящий «Либнум». Господин барон, не держите ладонь на рукояти меча. Вы ведь не хотите наброситься с оружием на своего господина?

— Прошу извинить, ваша светлость, — опомнился Биркарт и церемонно поклонился. — Я должен был здесь увидеться с совершенно другим человеком, пиратом с Побережья...

— Знаю, — кивнул герцог. — Вы готовы меня выслушать, господин барон?

— Целиком к услугам владыки Пуантена, — молва не ошибалась, Биркарт был вежлив и благовоспитан. Никогда не подумаешь, что он пятнадцать зим тиранил мирных путешественников на дорогах Полудня. — Для меня большая честь быть приглашенным к столу наследника Великого герцога.

Расселись, Конан разлил вино по бокалам. Разудалое семейство Абсем выглядело смущенно и, отчасти, подавленно — они не понимали, в чем смысл этой интриги. Просперо держал паузу, словно раздумывая как начать разговор. Эмерт и Конан оставались невозмутимы.

— Я наслышан о неприятном происшествии в замке Безьеर, — наконец сказал Просперо. — Более того, я отлично осведомлен о том, что барон Абсемский невиновен в этом прискорбном инциденте.

— Рад это слышать, ваша светлость, — наклонил голову Биркарт. — Увы, но моя честь поругана и я жажду отмщения негодяю, назвавшемуся моим именем...

— Кстати о чести, — любезно улыбнулся Просперо. — Полагаю, что вы не вправе рассуждать о столь высоких материях. Согласитесь, что ваши... гм... поступки в течении последних зим мало совместимы с данным понятием и общепринятыми представлениями о дворянском достоинстве. Разве я не прав?

— Не осмелюсь спорить с вашей светлостью, — покорно сказал Биркарт. — Однако, мне нанесено оскорбление, и я не смотря на все прегрешения остаюсь дворянином. Дворянином, которого оскорбил какой-то безродный пират! Здесь я в своем исконном праве! Этот наемник, — барон указал на Конана, — сообщил мне,

что Амра-лев находится в Велитриуме и я склонен верить месьору Арсу. Если вы с Амрой закончили, отдайте его мне.

— А что взамен?

— Обещание навсегда покинуть Пуантен, — не раздумывая сказал Биркарт. — Больше здесь обо мне никогда не услышат, клянусь...

— Вы скупец, барон.

— Не стану же я предлагать своему герцогу золото! Это недостойно!

— К сожалению, вам даже золота теперь не предложить, — усмехнулся Просперо. — Я получил голубиной почтой забавное сообщение из Гайарда: наместник короны по моему прямому указанию обыскал монастырь Солнечного Луча, что неподалеку от деревеньки Фарга. Знаете что именно там нашли гвардейцы? Сорок два сундука с золотом и серебром, множество драгоценностей и других вещей, некогда похищенных у моих добрых подданных. Еще в хранилище свитков монастыря, в тайном отделении, обнаружилось множество закладных писем, по которым можно получить деньги — невероятную сумму! — в торговых домах Асталуна, Эрука, Мессантии и Ианты. Кому могли бы принадлежать все эти сокровища, не знаете?

Лицо Биркарта вытянулось, один из близнецов покраснел до корней волос, второй наоборот, стал бледным как смерть.

— Барон Абсем, я хотел бы сделать вам предложение, достоянное дворянина. Останьтесь в войске Черной реки. Искупите свои прегрешения верной службой моему отцу, светлейшему герцогу Троцеро. И забудьте о мести.

— С первым я готов согласится, — выдавил Биркарт, но со вторым — никогда.

— Даже если узнаете, что Амра действовал по моему распоряжению? Ваш обидчик — я. Это я приказал найти вас и вашу сокровищницу. Ответственность за происшедшее в Безье — на мне. Если вы доселе считаете себя оскорблённым, вызовите меня на поединок.

«Биркарт — труп, — подумал Конан. — Просперо непревзойденный фехтовальщик, он с пятнадцати зим выигрывает все турниры в которых принимает участие! Поединок будет означать только одно: прелестные крошки барона Абсема останутся сиротами».

— Я найду способ очистить ваше имя от подозрений в ограблении графа Безье и его гостей, — продолжил герцог. — Обещаю, что клятва кровной мести будет снята. Если вы не согласны — уезжайте навсегда из Аквилонии и дайте слово, что не будете преследовать Амрульва. Мне жаль, что вы остались нищим, но неправедное золото пойдет на благое дело: мне и моему отцу необходимо продолжать войну с дикарями...

— Значит, вот для чего вы послали Амру в Пуантен, — потрясенно сказал Биркарт. — Ловко, ничего не скажешь. Дайте хотя бы посмотреть на этого удальца! Месьор Арс обещал!

— Он сидит по левую руку от вас, барон.

Конан встал и чуть поклонился.

— Уговор исполнен, — сказал киммериец. — Перед тобой, Биркарт из Абсема, собственно лично Амра-лев, в здравом рассудке и при телесном здоровье. Я хотел бы получить вторую половину вознаграждения, осталось еще пятьсот денариев...

* * *

— ...самое сложное в таком деле, понравиться человеку, — Конан, Эмерт и Риго вместе с хозяйкой «Синего ястреба» отмечали удачное завершение дела. Здесь же присутствовал свалившийся как снег на голову граф Кертис, примчавшийся из Галпарана нынешним вечером. — Понравиться, вызвать доверие, и тогда он сам посвятит вас во все свои тайны или в большинство из них. На втором месте по важности стоит душевное несогласие. Биркарт потерял осторожность по весьма глупой причине: поставил личную честь выше интересов семьи. Я бы на его месте, услышав о событиях в Безьере, немедленно убрался бы из Пуантена или залег на дно зим

зак на пять. Тут и последнему болвану было бы понятно, что барона Абсема хотят заставить его выйти на свет, совершить ошибку! И он, конечно же, совершил сразу несколько непростительнейших оплошностей!

— Верно, никогда не следует руководствоваться эмоциями, — подтвердил граф Кертис, пивший наравне со всеми. — Лучше выждать, посмотреть что произойдет в последствии, как изменится положение! Одного не пойму, как ты узнал про монастырь?

— Нет ничего проще, — ответил варвар. — Валериус отвез меня на место встречи с отцом, я поставил непременное условие: деньги вперед, иначе не видать вам Амры! Разумеется, такой огромной суммы у Биркарта с собой не было. Я заупрямился — или золото будет выплачено немедленно, или никакой сделки. Они искренне верили в то, что я выдам им Амру-льва, амulet-to не лгал! Биркарт предложил: съездим в окрестности Гайарда, я найду деньги, дорога туда-обратно займет два дня. Мы остановились в деревне Фарга, пока я отдыхал на постоялом дворе барон с сыночками куда-то уехали, но вернулись быстро, всего через полтора колокола. Ход дальнейших рассуждений понятен?

— Более чем, — кивнул аквилонский граф. — Гор возле Гайарда нет, в пещере сокровища не спрячешь. Можно предположить, что клад зако-

иан в лесу, но это ужасно неудобно: выкопать, взять золото, потом закопать обратно. Город далеко. Зато рядом небольшой, но процветающий монастырь. Деньги можно одолжить у жреца-настоятеля, однако откуда в монастыре, пусть даже богатом, возьмется такая непомерная сумма? Полтысячи денариев Ианты, это очень много, на пожертвованиях столько не заработкаешь...

— Приятно поговорить с умным человеком, — фыркнул варвар. — Я боялся одного: вдруг Биркарт хранит в монастыре только небольшую часть своих богатств? Однако он был настолько самоуверен, что сложил все яйца в одну корзину! Кто заподозрит благочестивых митрианских монахов в том, что они помогают знаменитому разбойнику? В деревенской таверне я услышал интересную сплетню: якобы знаменитый Биркарт из Абсема однажды этот монастырь ограбил, утащил из казны аж двести серебряных монет! Мелковато для него, вам не кажется? И потом, это был единственный случай, когда барон грабил жрецов — упаси Митра, проклянут!

— Подозрительно, — согласился Риго. — Он явно сделал это для отвода глаз, чтобы все видели — обитель Солнечного Луча тоже пострадала!

— В дальнейшем было еще проще, — продолжил киммериец. — Магия слишком прямолинейна, слишком предсказуема. Амулет реагировал только на прямую ложь, как если бы я

назвал черное белым. Я обещал выдать им Амру-льва в Велитриуме? Обещал, и слово сдержал. Я сказал Биркарту, что знаю, кто совершил нападение на замок Безьеर? Еще бы мне об этом не знать! «Высокая особа», сиречь Просперо, мой наниматель? Безусловно. Для того, чтобы обмануть амулет было достаточно недоговорки и полуправды. В результате Биркарт заглотил наживку вместе с крючком.

— Очень жаль, что тайная служба Аквилонии не вправе действовать подобными методами, — вздохнул Кертис. — Мы гонялись за ним много зим, а барон Абсем всегда уходил от погони. Но было достаточно вывести его из себя этой жуткой выходкой, и он сам полез в ловушку. Дело, кажущееся невероятно сложным, на поверку оказалось довольно простым. Немного сообразительности, чуть больше наглости, и в качестве третьей приправы — самая малость волшебства. Получилась гремучая смесь, не хуже «зингарского огня». Дымок от разожженного вами пожара будет чувствоватьсь еще несколько зим... Кстати, Просперо сейчас ломает голову: как уговорить графа Безьера снять клятву кровной мести и заодно выгородить некоего Амру-льва.

— Амра-лев, к сожалению, мертв, — улыбнулся киммериец. — Я чувствую, что уже никогда не вернусь на море. Остался Конан Канах, сотник войска Черной реки. Который к событи-

ям в Безье совершенно непричастен, это всем известно.

— Послушай, — понизил голос граф Кертис, — иди работать к нам, в Латерану. Хорошее жалование, выслуга, интересная жизнь... Как оно?

— Только этого мне еще и не хватало, — отмахнулся варвар. — Здесь, в войске, я служу герцогам Пуантена, а у вас в тайном ведомстве придется присягать Нумедидесу. Признаюсь честно: я этого короля... ну... не уважаю.

— А кто его уважает? — непринужденно поинтересовался Кертис. — История знает многих дурных королей, Нумедидес не первый и не последний. Аквилония останется и после Нумедидеса, за тысячу двести зим наше королевство и не такое видывало...

— После Нумедидеса? — покачал головой Риго. — Наследника нет и не будет, трон перейдет к последнему Эпимитрею, графу Диону...

— Ничтожество почище Нумедидеса, — сокрушенno отозвался Кертис. — Балуется лотосом, ума не больше, чем у уличного сводника.

— Не скажи, сводник как раз должен быть очень умен, чтобы не проиграть соперникам, — рассмеялся Конан и вновь стал серьезным. — Получается, что Эпимитреи скоро потеряют трон?

— Нумедидес может протянуть еще зим десять, — сказал граф. — Но я в этом не уверен,

он совсем сдал от пьянства и излишеств. Если коронуют Диона — случится катастрофа, Аквилония развалится. То же самое произойдет, если власть захватит один из Великих герцогов.

— Можно пригласить человека со стороны, — предложил Риго. — У короля Немедии четыре сына, не нравятся немедийцы — позвать племянника Ариостро Арросского...

— Не получится, — уныло поморщился Кертис. — Аквилонией спокон веку правили наследники Эпимитриуса или Алькоя с Олайетом, чужака не примет дворянство. Я не вижу никакого выхода, и барон Гленнор тоже не видит...

— Гленнор — это кто? — уточнил Риго.

— Глава Латераны, один из самых влиятельных людей королевства при Вилере. Мы очень опасаемся, что государство погибнет...

Подвыпивший Кертис, видимо от огорчения и безнадежности, рассказал страшные вещи. Аквилония и впрямь стояла на краю пропасти и вот почему.

В Немедии Великими герцогствами управляют ближайшие родственники монарха — сыновья, дяди или братья — то в Аквилонии бразды власти в крупнейших фефах держат герцогские династии, ведущие родословную от первых королей, Алькоя и Олайета. Династии эти, по большому счету, никак меж собой не связаны и частенько враждуют промеж собой. Пример: сто

авадцать зим тому, всегда отличавшиеся свое-нравием владыки Пуантена заявили о выходе из состава Аквилонии — герцогам Гайарда не понравилась политика короля Арнульфа V. Арнульф, ничуть не чинясь, отправил на усмиление бунтовщиков три легиона, каковые быстро вразумили Великого герцога, доходчиво растолковав, что Аквилония — суть единая страна и неподчинение Трону Льва чревато крупными неприятностями.

Сигиберт Завоеватель завещал своим потомкам нехитрую истину: всегда поддерживай равновесие в государстве. Если канцлер у тебя из Таурана, то казначейство отдай пуантенцам, военный коллегиум — выходцу из Гандерской династии, и лишь тайную службу оставь себе. Сделай так, чтобы каждая династия получила свою долю власти и никому не было обидно.

Нумедидес, в угоду фаворитам из Шамара, равновесие разрушил. Нынешний канцлер Редрик приходится Великому герцогу Даргену Шамарскому родным дядюшкой, сам герцог осыпан звездопадом совершенно незаслуженных орденов и теперь является командующим войском, его сын Альфарус назначен легатом гвардии, граф Гедрих Аларский (тоже какой-то родственник) теперь генеральный казначей... Все прочие, а особенно герцог Троцеро Пуантенский, искренне возмущены таким положением вещей, но с коро-

лем ведь не поспоришь — мигом окажешься в списке изменников и мятежников.

Но и это еще не все. Известно, что в статьях государственных расходов всегда отводится одна тридцатая часть на воровство чиновников — ничего не поделаешь, человеческую природу не исправишь. Воровали, воруют и будут воровать. Такое было и при Вилере, и при тяжелом на руку Сигиберте Великом. Однако недавно стало известно, что казны исчезла пятая часть всех налоговых поступлений. Бороться с казнокрадством на государственном уровне сотрудники тайной службы могут только путем героического и всеобщего самоубийства.

И это тоже не все. В позапрошлом году глава военного коллегиума, герцог Дарген, своим приказом распустил четыре самых боеспособных легиона, оберегавших границу с пиктами — о, великий полководец! Их светлость посчитали, будто пикты угрозы не представляют и дикиари никогда не решатся атаковать великую Аквилонию, а если такая дурь и заскочит в головы варваров, то с ними запросто справится одна гвардейская сотня. Результат известен — затяжная война с Зогар Сагом.

Еще один пример рачительного управления страной, не менее показательный. Король (читай — придворная клика) внезапно решил, что военный морской флот Аквилонии не нужен —

слишком дорого его содержание, а кроме того Аквилония есть держава сугубо сухопутная и континентальная. Все военные корабли, квартировавшие по договору с Зингарой в гаванях Кордавы и Карташены, были... Верно, были проданы королю Фердруго, каковой в два раза усилил флот королевских корсаров и лихо разгромил на море соперников-аргосцев. Деньги от продажи кораблей осели в домашних сундуках известных персон, названных поименно чуть выше. У Аквилонии теперь осталось четыре десятка речных гребных галер для торговли с Полуденным побережьем по Хороту и Ширке. Не удивительно, что над Троном Льва втихомолку смеются все прибрежные державы.

— Дела обстоят гораздо хуже, чем я думал, — пожевал губами киммериец. — Одна напасть хуже другой, тут и не поймешь, от кого следует защищать королевство — от пиктов или от его величества и шамарских ворюг. Так мы долго не протянем.

— Кто «мы»? — опять вздохнул граф. — Из всех присутствующих за этим столом коренными аквилонцами можно считать только меня и Эмерта. Риго из Пуантена, а это все-таки немножко не Аквилония. Госпожа Ормеа — зингарка, ты киммериец...

— А мне будет жалко Аквилонию, — некстати вставила чуть захмелевшая хозяйка «Синего

ястреба». — Очень хорошее государство, налоги куда меньше чем у нас... Свергните вы этого дурацкого короля и дело с концом!

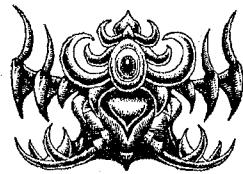
— За такие слова можно и на плаху отправиться, — заметил Кертис. — Здесь-то все свои, можно говорить свободно, но при чужих людях постарайся не распускать язык, договорились?

— Договорились, — проворчала Ормеа. — Но это не изменит моего мнения.

— Равно как и моего, — сказал граф. — Ну-медиеса надо убирать, но кого посадить на его место — загадка из загадок, решить которую не может никто...

— Давайте вот за что выпьем, — предложил Конан. — Очень хорошо, что вся эта история обошлась без ненужной крови! Я знал, что во время разговора Биркарта с Простеро за перегородкой сидят твои, Ормеа, парни с арбалетами и больше всего боялся, что барон Абсемский поведет себя неправильно и его придется убить... В конце концов, он не такой уж и плохой человек.

— Все остались живы, и это главное, — согласно кивнул Риго. — Надеюсь, удача всегда будет нам сопутствовать!

Глава седьмая

Затишье кончилось

Тусцелан
3-я весенняя луна 1286 года
по основанию Аквилонии.

десь ничего не изменилось. Вновь ползут над рекой рваные клочья тумана, сереет за водным потоком хмурая Пуща да подзывают ночами волки. Стоящий на возвышенности Тусцелан плывет над морем желтоватой хмари будто невиданный корабль, тяжелый и грозный. С противоположного берега, должно быть, захватывающее зрелище.

Пока варвар, Риго и Эмерт были в длительной отлучке пикты дважды переправлялись через реку, обычные беспокоящие набеги, даже без попыток штурма. Пошумели под стенами, поки-

дались стрелами, и опять в Пущу — вплавь или на долбленах, узких юрких лодочек.

Недовольный всем белым светом (он всегда был недоволен) полутысячник Рагнар рассказал варвару, что тучи сгущаются: пиктов видели возле соседних фортоў Мосаман и Саглариум, дикари начали проникать на восходный берег все чаще, если зимой и во время распутицы дороги были сравнительно безопасны, то теперь путешествовать по Боссонии желательно в составе крупного обоза или вместе с отрядами наемников.

Некоторые из следопытов ходили за реку, разведать, что происходит в ближайшей округе. Кто непосредственно ходил? Да вот хотя бы Имарос из Арелаты, тот самый полоумный коринфиец. Поговори с ним, Конан... Если, конечно, Имарос пожелает разговаривать.

Среди следопытов Тусцелана месьор Имарос и впрямь почтался ненормальным. По сравнению с ним молчун-Эмерт покажется человеком веселым и общительным, нелюдимый и косноязычный, Имарос не имел друзей и даже приятелей. Пил много, но когда речь заходила о деле, воздерживался. Преображался он только в лесу — в тусклых глазах появлялись веселые огоньки, движения становились быстрыми и уверенными. Сам Имарос однажды обмолвился, что в лесу ему гораздо лучше, чем среди людей

и Конан был склонен коринфийцу верить: на душе этого человека, в его прошлом, лежало неизвестное никому черное пятно, какое-то преступление о котором лучше было и не знать, наверное...

Варвар сумел наладить с Имаросом вполне сносные отношения — он разговаривал с угрюмым коринфийцем только о Пуще, о повадках зверей и птиц, о пиктах и всем том, что не касалось обычной жизни в Тусцелане. Обсуждать с Имаросом других людей было бессмысленно, а пиктов он за таковых не считал — так и говорил «зверолюди». Он был единственным следопытом всегда возвращавшимся в форт без пленных, предпочитал не оставлять в живых ни единого встреченного дикаря. Была тому причиной природная жестокость или что иное, Конан не знал.

— Ездил на Полдень, в Пуантен, — запросто сказал варвар, подсаживаясь за стол к Имаросу, коротавшему время в безымянной таверне. — Там леса уже совсем зеленые, возле зингарского лимеса, — его видно с борта корабля, плывущего по Громовой, — почки тоже совсем распустились...

— У зингарцев, между лимесом и Пушкой, выжженная простреливаемая полоса, без деревьев и травы, — хрюпло ответил Имарос. — Шириной почти в четверть лиги. Ни одна тварь не подберется, а если и подберется, ее минном нашпигу-

ют стрелами с земляного вала, сторожевых башенок и малых форточек... Сам знаешь, Кордава укрепляла лимес долгими десятилетиями, это тебе не наши крепостишки, наспех построенные и отдаленные друг от друга.

Имарос был отнюдь не стар, наверняка ровесник Конана, которому было тридцать восемь зим. На лбу глубокие морщины, глаза цвета неопределенного, не то серые, не то зеленые, черты лица острые, будто у хорька.

— Я был в Пуще, — сказал коринфиец, зная, что ожидает от него Конан. — Плохо дело, варвар. Пушка меняется и в худшую сторону, и никто не сможет остановить эти изменения.

— Подробнее можно? — попросил Конан.

— Я живу на Черной реке восемь зим, значительно дольше тебя. Всякого навидался. Тамошние чудища-страшилища стали едва ли не родными, а значит и не опасными. Когда ты хорошо знаешь врага, он перестает быть опасен, верно? Ты отлично знаешь, как спрятаться от любого монстра, как его обмануть, как уйти, запутав следы или наоборот, как быстро убить зверя...

— В Пуще обитают не только звери, — справедливо заметил киммериец.

— Ты меня не удивил, — Имарос изобразил на лице некое подобие улыбки. — Ходячие покойники это так, ерунда. Вещь привычная и даже обыденная, вроде комаров. По крайней мере

я не слышал, чтобы кто-нибудь из наших погиб в схватке с таким мертвецом, — коринфиец понизил голос и нагнулся к варвару. Защептал горячо: — После минувшей зимы там появились новые существа. Раньше таких никто никогда не видел. Самая настоящая нежить, агрессивная и кровожадная. Я напуган, варвар, очень напуган. Думаю, не пора ли уносить ноги из Боссонии.

Конан посмотрел на Имароса озадаченно. Казалось, что напугать этого человека было решительно невозможно, только Имарос отваживался в одиночку отправляться в Пущу на целую седмицу, а то и полторы, причем он всегда возвращался без единой царапины. Прошлой осенью в Тусцелане (не без вздоха облегчения) решили, что Имарос погиб — он отсутствовал целых шестнадцать дней.

Всеобщее удивление было безмерно, когда невозмутимый коринфиец переправился на аквилонский берег в отобранной у пиктов долбленке, явился к сотнику и бросил на стол сплетенную из бересты сумку, в которой обнаружилось ровно сорок пиктских ушей, все левые. Следопыты за каждого десятерых убитых пиктов получали по золотому кесарию...

Как Имарос расправился с четырьмя десятками дикарей было неизвестно, из оружия он взял в Пущу только маленький охотничий лук и два ножа. Тогда его и стали втихомолку и за глаза

назвать полуумным. Ничего, Рагнар честно заплатил.

— Зверолюди нашли способ призывать чудовищ Черной Бездны, — уверенно говорил варвару Имарос. — Я никогда не учился демонологии и не читал умных книжек про магию Первозданного мрака, но чувствую, понимаешь, чувствую... Плынет по лесу эдакая тень, сотворенная будто из множества черных точек, холодом от нее несет замогильным, пахнет как во время грозы...

— Несомненно, магия, — кивнул Конан. — Сильное колдовство всегда вызывает ощущение холода.

— Это еще что! — киммериец невольно отодвинул подальше, от Имароса несло сложным ароматом кислого винного перегара и гнилых зубов. — Знаешь, что такое баньши?

— Конечно знаю, — ответил варвар. — У нас в Киммерии иногда можно встретить. Злые духи холмов, иногда селятся в забытых могильниках. Воют по ночам.

— Воют... — передразнил киммерийца Имарос. — Не ложись спать этой ночью, постой на стенах, послушай. В пуще никогда не было баниши, а теперь вот появились. Только, думается мне, что нечто похуже — я от страха едва не умер, как услышал. Оно выло совсем рядом, шагах в трехстах или пятистах, ветер поднялся, с ветки свалилась дохлая белка. Маленькие жи-

вотные беспричинно умирают только когда чувствуют магию Бездны... Жутко оно выло, вот как! Карлики опять же...

— Какие еще карлики? — удивился Конан. — Подгорные гномы? Такие как в Граскаале или Эйглофиате? Откуда они здесь?

— Балда, — поморщился коринфиец. — Гляди. Редкий трофей, да только Рагнар денег за него не дает.

Имарос вытащил из-под стола потрепанный холщовый мешок, развязал тесемки и вытащил оттуда какой-то непонятный шарообразный предмет. Левой рукой расстелил на столе тряпицу, чтобы не класть гадость на доски.

Предмет оказался головой непонятного существа. Будто бы мгновенно состарившийся ребенок. Имарос хорошенъко просолил свою добычу чтобы не протухла, но можно было хорошо рассмотреть дряблую коричневатую кожу, щель рта (скоро — пасти) от уха до уха. Собственно ушей, впрочем, не было — так, маленький нарост размером с фалангу пальца и дырочкой посередине. Глаза крупные, круглые, покрыты пленкой словно у змеи или ящерицы. Нос отсутствует, только две вертикальные прорези, прикрытые лоскутками кожи. Череп лысый, в складках, без единого волоска.

Больше всего варвара потрясли зубы странной твари: за тонким, ниточкой, синеватыми гу-

бами скрывался внушительный арсенал. Зубки росли в несколько рядов, будто у акулы, они были треугольными и очень острыми. Целых шесть клыков, четыре сверху, два снизу.

— Я ночевал на дереве, так безопаснее, — ответил Имарос на немой вопрос киммерийца. — Устраиваясь на широкой ветке, привязываясь веревкой на всякий случай, и спи себе спокойно... На рассвете просыпаюсь от писка, словно внизу мыши резвятся. Да только не мыши это были. Двенадцать штук вот таких... — он ткнул пальцем в засоленную голову. — Каждый ростом с пятилетнего ребенка. Передвигаются по лесу прыжками, верещат, друг в дружку ветками и камушками кидаются. Я затаился, лежу смотрю, что будет дальше. Вдруг карлики утихли, спрятались в траве, ни единый листик не шелохнется. Из кустов выходит росомаха, здоровенная, клыкастая, такая любому охотнику сможет отпор дать. И тут началось! Карлики навалились на бедного зверя всей гурьбой, начали в клочья рвать. У них на ручках еще коготки есть, острые — жуть...

— И дальше что?

— Не догадываешься? — зло ощерился Имарос. — Росомаха и пикнуть не успела! Налетели на нее словно муравьи на гусеницу. Убили и сожрали. Только голый скелет да шкура остались. Кровищи — море. Я совсем было стушевался, ес-

ли заметят — конец! Очень уж ловко они с росомахой расправились, тут двумя кинжалами не отобьешься! Карлики ушли в сторону Полуденного заката, я подождал два квадранса, решил спускаться — что, всю жизнь на дереве сидеть? Думаю, надо в сторону реки пробираться, я и так забрался слишком далеко, по краю Мертвых полей прошел.

— Ничего себе! — воскликнул Конан. — К Мертвым полям соваться может только... Только...

— Только сумасшедший, хочешь сказать? — Имарос нехорошо посмотрел на киммерийца. — Ничего, я знаю что меня в форте почтят как безумного убийцу. Мне не обидно, я на самом деле безумный убийца, ту ничего не поделаешь... Дальше рассказывать?

— А как же!

— Поля оставил по левую руку, лес по правую там, если не знаешь, хорошая тропка есть, только не звериная. Звери к Мертвым полям не подходят, боятся колдовства, там земля магией пропитана как мох водой. А мне не страшно, хвала богам днем иду, когда Чернота Ока Митры опасается. Но все равно неуютно, камни под ногами подрагивают, будто под землей ворочается кто-то. Пар из-под земли выбивается, тухлыми яйцами воняет. Вдруг чувствуешь удар в спину, будто дубиной заехали от души. На ногах не устоял, свалился. Хорошо капюшон был набро-

шен, иначе с меня скользь сняли бы! Маленький мерзавец сзади напал, наверное прыгнул со всего размаху, надеялся оглушить. Лапами в голову и плечи вцепился. Я перевернулся на спину, отстегнул застежки плаща. Это жизнь и спасло, карлик запутался коготками в плотном войлоке. Выхватываю кинжал, он у меня хороший, иранистанский, век не затупится... Оттяпал проклятой твари голову с одного удара. Знаешь что самое интересное?

— Не знаю, — помотал головой киммериец.

— Умирало оно долго, противно... Безголовое тело вначале бегать принялось кругами, будто курица назначенная на убой. Голова шипит, пасть разевает, глазенки зеленым светом горят. Вот, погляди как мой плащ разжевала.

В толстой грубой ткани зияла внушительная дыра, которую Имарос не удосужился зачинить.

— Потом оно издохло, — продолжил Имарос. — Над тельцем и головой светящийся туман образовался, желтоватый такой. Принял форму черепа или страшной рожи какого-то демона и сразу рассеялся. Я с собой «Масло Эпимитриуса» ношу, освященное на монастырском алтаре, от нечисти может защитить. Взял пузыrek, капнул на труп — дым, вонь, бледное пламя... Натуральные Темные Силы, и среди дня! Как тебе такое?

— Скверно, — согласился варвар. — Зачем голову прихватил, раз нечисть?

— Так она же мертвая, — хмыкнул Имарос. — Да и награду хотелось получить, но его милость господин полутысячник пожадничал, сказал что платит за головы пиктов, а не демонят.

— Не прав Рагнар, — сказал Конан. — Я с ним поговорю.

— Не надо.

— Как скажешь. Выкини эту гадость в реку, мало ли что.

— Уговорил, сделаю сегодня же. В лесах зверолюдей появились не только черные тени и карлики, — Имарос явно не хотел отпускать варвара, поскольку он был единственным человеком в Тусцелане, с которым коринфиец мог поговорить. — Помнишь развалины у Кривого ручья? Ты ведь там ходил осенью?

— Ходил, — ответил Конан. — В двух лигах от берега реки, там еще озерцо рядом и расщепленный молнией дуб?

— Как думаешь, кто построил эту башню?

Назвать «башней» немаленькое сооружение округлой формы от которого остался только фундамент из огромных валунов и следы кладки из внушительных блоков серого гранита, мог только откровенно пристрастный человек. С первого взгляда и не поймешь, что груда покрытых мхом, лишайниками и зарослями густой травы темно-красных и сероватых камней некогда яв-

лялась творением человеческих рук. Или не-человеческих, что так же вполне возможно.

— Я слышал, будто часть кхарийцев, поднявших мятеж против своего императора, бежала после поражения восстания в Пущу, — подумав, сказал Конан. — Может, это они? Но ведь земли пиктов когда-то занимали и лемурийцы, и атланты... Никто точно не знает, слишком давно было. Развалины выглядят очень древними. Раньше там не замечалось ничего опасного, только бестельесные призраки.

— Теперь не только призраки, — хмуро ответил Имарос. — У башни появился хозяин, вполне материальный. Слышал, что Фергус из Темры погиб?

— Не может быть... — ахнул Конан, услышав имя одного из самых знаменитых следопытов Тусцелана. — Вообще-то я только вчера вечером приехал, еще не все новости узнал. Что с ним случилось?

— Фергус вместе со своим темрийцами, Коннахтом и Дугалом, отправились в Пущу полторы седмицы назад. Вернулся только Дугал, сейчас лежит в лекарской, раны у него серьезные... Рассказал странные вещи. Ночью они остановились возле башни, знали, что там сравнительно тихо, а зверолюди к развалинам не подходят. Едва стемнело, над башней появилась огненная корона, холодное багровое пламя. А из него вышло...

Нечто. Высоченный человек в черном, на голове шлем в виде морды быка, в руках подобие косы, только лезвий два. Фергуса оно раскромсало за несколько мгновений, Коннахт попытался сопротивляться, но тоже сразу погиб. Дугалу повезло, успел сбежать, причем ничуть этого не смущается, и впрямь следовало уносить ноги как можно быстрее!

— Как же его ранили?

— По словам Дугала хозяин башни не отходит далеко от своих владений, там словно невидимая граница проведена. Демон задел темрийца лезвием два раза, Дугал решил что жизнь закончена, но вырвался за круг. Нечто дальше не пошло, просто стояло и смотрело... Кажется, Дугал слегка повредился рассудком .

— Ну и дела, — вздохнул киммериец. — Положение все хуже и хуже.

— Сотник как-то упоминал, что ты одно время был Ночным Стражем, — вдруг переменил тему Имарос. — Гильдия известная, да и создана была сразу после падения Ахерона нарочно для истребления нечисти, нежити и жутких тварей, которых наплодили кхарийцы. Я думаю, что герцогу Троцеро следовало бы обязательно привлечь Гильдию, это ведь их прямая обязанность — бороться с наследием Кхарии!

— Неплохая мысль, — ответил Конан и призадумался.

Варвар действительно пока что не встречал на Черной Реке Ночных Стражей и было этим немало озадачен: почему вдруг древнее братство охотников на монстров доселе не заинтересовалось событиями в Боссонии и Пуще?..

* * *

«Гильдией» Ночные Стражи именовали сами себя, не смотря на то, что ни в едином королевстве эта странное сообщество не платит податей, наподобие гильдий каких-нибудь шорников, гуртовщиков или купцов. Кроме того, власти государств, расположенных к Закату от моря Вилайет никак не контролируют деятельность Ночной Стражи (и совершенно не стремятся к тому).

В отличие от всех прочих торговых и ремесленных сообществ у охотников нет какого-либо руководства, за исключением Совета Хранителей, имеющего резиденцию в столице Немедии Бельверусе. Совет занимается исключительно помощью разбросанным по всему материку отрядам охотников и отвечает за сбор сведений, которые могут быть полезны Ночной Страже, а заодно и за магическую поддержку — известно, что конклавы магов Алого Пламени Равновесия и Золотого Лотоса симпатизируют охотникам.

Говоря коротко, Ночная Стража занимается истреблением как чудовищ, сохранившихся с

древнейших времен, так и уничтожением прорывающейся в мир людей из Черной Бездны нечистой силы. Ремесло не только труднейшее и требующее доскональных знаний о мире монстров, но и смертельно опасное. Я ничуть не удивлен тому, что Конан некогда попробовал себя и на этом поприще — киммериец любит приключения и опасность, они всегда являлись неотъемлемой частью его жизни.

Конан знал, что в каждом из хайборийских королевств действует от двух до семи отрядов Ночной Стражи, все зависит от размеров государства.

Ватаги охотников бывают и очень небольшими (полдесятка человек), и довольно внушительными — до полусотни охотников. Некоторые охотятся только за живыми существами, наподобие болотных ящеров, мантикор, гигантских сколопендр и прочих малоприятных зверюг, другие уничтожают исключительно нежить, нечисть и небыть, трети совмещают оба занятия. Чаще всего охотников специально нанимают: появился у провинциального графа вурдалак в родовом некрополе — зови Стражей, плати определенную сумму и через день можешь украшать головой твари главную залу своего замка. Бывает, что известные волшебники просят охотников поймать для них какое-нибудь редкое и опасное животное.

Впрочем, чаще всего приходится сталкиваться с более мелкими, но не менее неприятными заданиями. Вампир поселился невдалеке от деревни. В лесу завелся этеркап, который ловит отправившихся на промысел бортников или дровосеков. В болотах неподалеку от дворянского замка обосновался оборотень. В крупном городе начали исчезать маленькие дети; причина — прячущийся в катакомбах носферат. И так далее почти до бесконечности.

Киммериец и раньше полагал, что жизнь на Закате далеко не безопасна даже в отсутствие войн или эпидемий, но в действительности все оказалось куда сложнее — рядом с человеком обитает весьма значительное количество как живых, так и не-живых тварей, имеющих прискорбную страсть разнообразить свое меню нашими сородичами или использовать человеческую плоть в магических целях. Нет никаких сомнений, что в отсутствии Ночной Стражи жизнь людей стала бы совершенно невыносима, однако древняя Гильдия долгие столетия стояла на страже общей безопасности королевств Заката. Жаль только, что охотники не всегда успевают вовремя.

Начало истории охотников на монстров было положено чуть менее полутора тысяч зим назад, во времена падения Кхарии — в те времена кхарийцы, пытаясь защититься от хайборийского нашествия, при помощи колдовства создали не-

вероятное количество чудовищ, которыми умели повелевать. После крушения Ахерона и почти поголовного уничтожения обитателей империи завоевателями (немногие успели укрыться в землях, сейчас именуемых Стигией) размножившиеся и неуправляемые твари стали истинным бедствием для новых хозяев земель Заката. Тогда-то вожди хайборийцев и решили создать особые отряды по уничтожению монстров — ремесло считалось почетным, в Ночную Стражу шли сыновья князей и военачальников. Со временем, когда большая часть континента была очищена от невероятно расплодившейся нечисти, первые короли Аквилонии Алькой и Олайет утвердили Устав гильдии, почти не изменившийся доныне, а святой Эпимитриус принял охотников под свое покровительство.

За двенадцать столетий Ночная Стража многому научилась — опыт трудов был огромен и уникален. Если бы Хранители озабочились составлением общего свода по демонологии, пользуясь знаниями охотников, рядом с ним все учёные трактаты наших мудрецов показались бы записками недоучившегося школьяра.

Хранители располагали сведениями о нескольких сотнях чудовищ, их привычках, особенностях и пристрастиях, большинство опытных Стражей знали об Универсуме монстров все или почти все.

Каждый охотник для собрата по ремеслу роднее единокровного и единоутробного брата, ибо не будь в рядах Стражи непреложного закона взаимовыручки и верности своим соратникам, гильдия не просуществовала бы тысячу триста зим. Паршивые овцы, конечно, встречаются, но это случается куда реже чем можно себе представить — не обладая нужными качествами долго в рядах гильдии не продержишься — или погибнешь, или тебя настоятельно попросят уйти из отряда.

Сколько всего ватаг Ночных Стражей ныне действует по закатную сторону Кезанкийских гор в точности известно только Хранителям — верховным руководителям древней гильдии. Ночные Стражи никогда и ни под каким видом не вмешиваются в политику или дела купеческие, получают за свои труды столько, сколько может заплатить обратившийся к охотникам за помощью человек (обычно это немалые деньги) и свято блюдут свой Кодекс, созданный еще во времена Эпимитриуса, и, как утверждают, при деятельном участии святого.

Между отрядами и Хранителями постоянно поддерживается связь — соколиная или голубиня почта, магия, гонцы. Посему, если однажды придется мобилизовать все силы Ночной Стражи для отпора чему-нибудь совсем жуткому и непобедимому, Гильдия сможет выставить неболь-

шое, но исключительно боеспособное войско, вооруженное накопленными за столетия знаниями и опытом, а заодно и волшебством — во многих отрядах ходят волшебники, полагающие это опасное ремесло более чем достойным для магика. Кроме того, Ночную Стражу открыто поддерживают магические ордена Равновесия и Золотого Лотоса — последний возглавляется известным волшебником, Пелиасом из Кофа.

Благодаря отлаженному веками механизму и умелому управлению со стороны Хранителей, коих избирают из числа самых опытных и уважаемых Стражей, отряды охотников направляются туда, где они наиболее нужны. Однако, у Конана создавалось впечатление, что разгул нечисти, вылезшей из пиктских лесов, Гильдию почти не волновал, а это было довольно странно — нарушился тысячелетний Кодекс, уложения которого в прежние времена выполнялись свято!

Все прошлое лето Конан ходил в одном из отрядов Ночной Стражи, которым командовал некий Гвайнард из Гандерланда. Этот гандер вступил в гильдию аж в 1276 году, следовательно занимался столь тяжким делом полные двадцать зим. О том, что Гвайнард действительно является знатоком своего ремесла говорил тот факт, что он посейчас жив и не покалечен — охотники гибнут куда чаще, чем можно себе представить. В Бритунии он набрал свой собственный отряд,

который благополучно истреблял монстров на землях обширного герцогства Райдорского.

Киммериец всегда был непоседой, и, как ни жаль было расставаться с охотниками, осенью ему пришлось покинуть Бритунию. На память остался амулет Ночной Стражи — серебряная голова волка на цепочке. Заключенная в амулете магия позволяла различить нечисть и предупреждала владельца о магической опасности, а заодно амулет мог позволить охотнику дать знать командиру отряда о возможной беде. Как однажды сказал Гвайнард, «если ты однажды становишься охотником, останешься им на всю жизнь...»

Имарос подал неплохую идею: через Гвайнарда можно было напрямую выйти на Хранителей, попытаться объяснить им, что притаившееся за Черной рекой Нечто может угрожать не только маленькой Боссонии, но и всему Закату!

Впрочем, довольно сомнительно, что Гильдия не осведомлена о происходящем. Но почему тогда Хранители выжидают?

«Разберемся, — решил Конан. — Для начала надо попробовать связаться с Гвайнардом. А в том, что Черную реку и Бритунию разделяют тысячи лиг, нет ничего страшного...»

* * *

После долгого разговора с мрачным Имаросом киммериец встретился еще с несколькими наиболее опытными следопытами и пришел к неприятному выводу: сила, пробуждающаяся в Пуще, становится чересчур опасной и совершенно непредсказуемой. Но о какой «предсказуемости» может идти речь в отношении пиктов, Зогар Сага, неизвестной магии и прочих мрачных чудес таинственных лесов распространяющихся до самого Закатного океана?

Каждый из следопытов убежденно твердил: если так будет продолжаться, то походы в Пушу станут не просто трудны, а самоубийственны. Только за эту весну погибло больше следопытов, чем за весь прошлый год, причем это были видавшие виды, бывалые люди, раньше ухитрившиеся избегать, казалось бы, неминуемой смерти! Многие уходят в леса и не возвращаются, другие становятся калеками. К стенам Мосамана несколько дней тому пикты подбросили головы и отрубленные руки пятерых аквилонцев, осмелившихся переправиться на запретный берег...

Все больше приходило сообщений не только о привычных «странных» Пуще, но и о недобрых знаках, к большинству из которых киммериец раньше относится с презрительной усмешкой: мол, предрассудки и сказки для детишек. Однако, когда взрослый и серьезный человек, наемник с внушительным опытом, участвовав-

ший в полудесятке войн, упавшим голосом рассказывает о пляске скелетов на заброшенном жальнике или огненных колесах, катящихся по небесам, невольно начинаешь задумываться — что грядет?

Какие новые бедствия ожидают Боссонию? И, конечно, чем закончится эта затянувшаяся и чересчур непонятная война с призраками.

Почему с призраками? Да потому, что пикты как появляются, так и исчезают в своих окаянных дебрях; потому, что Троцеро и его наследник недооценивают опасность, потому, что магия и меч — вещи несовместные! Если светлайший герцог не придумает, как противодействовать главной силе Пущи — истекающему из нее страху, — война будет проиграна и все предыдущие усилия окажутся тщетны!

Именно так варвар и сказал Риго, вернувшись в общинный дом. Пуантенец выслушал сотника с о всей серьезностью и только повторил давно высказанное:

— Устраним причину войны — она закончится сама собой. Пикты вернулся к тысячелетнему уединению, Аквилония закрепится в междуречье Черной и Громовой, а мы с тобой разъедемся по домам, пускай ты и утверждаешь, что дом Конана Канах — весь этот мир... Я действительно надумал после войны съездить в Шадизар, очень уж хочется посмотреть как там люди живут!

— В отличие от нас — хорошо живут, — прорвачал Конан. — Может хоть ты чем-нибудь порадуешь? Дочитал Орибазия?

— Слог у него чудовищный, — признался Риго. — Иногда невозможно понять, что именно Орибазий хочет сказать. В старину все мудрецы так писали, ученость показывали... Как тебе такое: «*И вот говорят иные: нет лжи и нет истины, ибо есть зеркальные отражения друг друга, взаимно друг друга исказжающие. Но коли есть сущности и отражения их, то и есть отражения неискаженные и есть искаженные. И те, что неискаженные, есть истина, а те, кои искажены, и есть ложь. И постигнут суть лишь те, кои стремятся к истине, ибо имеют истинные намерения, а иные, провозглашающие ложь равной истине, сути не постигнут, ибо ищут ее в несущем и к несущем стремятся.*

— Это он о чём? — Конан потряс головой, словно стремился избавиться от морока.

— Рассуждения о Свете и Тьме, — фыркнул Риго. — Вся книга такая. Почитать, как Орибазий пиктов описывает?

— Лучше не надо, язык сломаешь, — не раздумывая отказался киммериец. — Ты можешь человеческим языком объяснить, что Орибазий нашел в Пуще если вообще нашел? Про культы дикарей и почитание смерти, точнее жизни в смерти, мы уже разговаривали. Меня прежде всего интересуют источники магической силы.

— Нет, о таком Орибазий не упоминает. Сам должен понимать, изучить Пушу во всех подробностях было недоступно даже Орибазию. Он был прежде всего бытописатель, во вторую очередь маг, и уж затем географ. Зато оно много и прилежно описывает наследие кхарищев, которого якобы в Пуще предостаточно. Тут и некоторые татуировки жрецов, подозрительно схожие с символами Ахерона, и некоторые изображение, виденные им на древних развалинах.

— Опять кхарийцы, — вздохнул Конан. — Говорил же, хватит винить разнесчастных подданных Пифона в любой беде! Пиво прокисло — кхарийцы, в животе пучит — опять кхарийцы, лошадь дурман-травы объелась и сдохла — снова кхарийцы виноваты! Никто не видел ни одного живого подданного Ахерона больше тысячи зим!

— А Стигия? — пожал плечами Риго.

— А что Стигия? Наследники Ахерона — да, но только не кхарийцы. Те были белокожие, как мы с тобой, а стигийцы смуглые.

— Скажи пожалуйста, где обычно могут сокрываться всякие древности? Сокровища, к примеру?

— Нет ничего проще: заброшенные храмы, тайные гробницы, забытые святилища!

— Вот-вот, заброшенные, тайные и забытые! Именно такой «гробницей» является Пуша. Дикарям секреты древних либо не интересны, либо

не нужны. Кое-что они, возможно переняли, сохранили часть преданий и некоторые магические умения Ахерона, не исключено, что сохраняют некое тайное знание...

— Тайненькое знаньице? — съязвил Конан. — Да ведь никто из живущих сейчас даже не представляет, почему и как рухнула колоссальная империя Кхарии! Версия о том, что пришли злые варвары-хайборийцы и покрошили Пифон в мелкую щепку меня не устраивает, слишком просто. Было что-то еще, что-то гораздо более страшное! Тысячелетние государства не исчезают в никуда за зиму или две! Исключением была Атлантида, но это совсем другое дело...

— Орибазий, между прочим, очень подробно рассказывает о гибели Ахерона, — будто невзначай заметил Риго. — Якобы он нашел какие-то древние рукописи. Прочитать?

— Лучше своими словами перескажи, не могу я слушать эту муть!

— Это вовсе не муть, а высокое наречие ученых мужей, — рассмеялся пуантенец. — Ладно, слушай. По большому счету, кхарийцы сами себя уничтожили...

* * *

— ...как это ни удивительно, великое государство существовавшее более двух тысяч зим не

оставило после себя почти никаких следов. — начал рассказ Риго. — Это вовсе не означает, что кхарийцы не являлись талантливым и многоуменным народом — сохранившиеся до наших дней единичные рукописи, трактаты, развалины зданий, непреложно свидетельствуют: Империя действительно достигла невероятных высот во многих областях человеческих знаний, а особенно в магии. Именно магия и стала главной причиной падения Кхарии.

Собственно в последние десятилетия Ахерона жизнь в государстве проистекала довольно вяло и благополучно. Называя вещи своими именами, кхарийцы попросту зажрались. Ради блага сравнительно небольшого народа трудились сотни покоренных племен, армия отвыкла от больших войн и растеряла славу самого непобедимого и дисциплинированного войска обитаемого мира, владыки Кхарии увлеклись колдовством, в котором видели основу своей власти и безопасности. Короче говоря, Империя постепенно подтачивалась изнутри и было достаточно одного сильного удара, чтобы этот колосс рухнул, и более не поднялся.

Ударов было нанесено сразу несколько, причем каждый из них являлся смертельным. Во-первых, многочисленные племена хайборийцев, явившиеся с Полуночи и Восхода начали войну за порубежные провинции Кхарии, а когда вож-

ди варваров уяснили, что слухи о несокрушимой мощи имперской армии несколько преувеличены, началось полномасштабное вторжение несметных дикарских орд на земли Ахерона.

Во-вторых, после нескольких крупных поражений, когда ситуация стала угрожающей, правители Империи приняли решение не стесняться в средствах и использовать в войне магию. Последствия этого шага стали роковыми, и вот почему. Последние императоры сделали ставку не на вооруженный отпор хайборийцам всеми доступными военными силами, а на свои знания в колдовстве. Результатом изощреннейших магических опытов стало появление на землях Закатного материка невероятного количества монстров, созданных кхарийцами — как ни странно, эти твари не только представляли собой значительную опасность, но и подчинялись своим хозяевам-людям. Однако, лихие опыты подданных Ахерона закончились плачевно — природа не вынесла столь невероятного надругательства над собой, мир переполнился магией и она неожиданно вышла из-под контроля кхарийцев.

Всем известно, чем является так называемая «Буря Перемен» — буйство сорвавшегося с цепи колдовства, когда заклинания не направляются волей мага, а действуют сами по себе, переплетаясь в самых невероятных сочетаниях. Подобные магические штормы способны натворить немало

бед, однако они всегда кратковременны — обычайная Буря Перемен продолжается не более суток, вдобавок это явление считается крайне редким и встретиться с ним можно исключительно в странах, где волшебство доселе является главным занятием большей части подданных — в Гиперборее и Стигии.

Катастрофа, произошедшая в Кхарии, являлась своеобразной Бурей Перемен, только продолжалась она несколько зим и захватила огромные территории. Взбесившееся бесконтрольное колдовство уничтожало целые города, порождало к жизни совсем уж невиданных чудовищ, открывались врата в мир духов, откуда вылезали такие мерзопакостные демоны, что и подумать страшно. Заигравшиеся с магией кхарийцы сами погубили свое государство и свой народ, ужасный колдовской шторм бушевавший над материком не щадил никого и ничего, хотя, надо признать, на некоторое время остановил хайборийское нашествие.

О том, что происходило в эти смутные времена свидетельств почти не сохранилось, но общая картина приблизительно ясна. Происходили невероятные искажения пространства, тварной материи и времени, волны магии, подобно морскому прибою, уничтожающему песчаные домики на пляже, стирали с лица земли селения и храмы, люди сходили с ума или просто-напросто ис-

чезали из нашей Сфера, перемещенные магией в такие места, о которых лучше не говорить перед наступлением ночи. Бесчинствовали вышедшие из подчинения кхарийцев монстры, которые, вдобавок еще и скрещивались меж собой, давая потомство, являвшее собой абсолютно непредсказуемых и невиданных зверюг...

Ужас и Тьма надолго охватили материк, казалось что спасения нет. Однако, Буря, исчерпав себя, закончилась спустя десять-пятнадцать зим, и к этому времени благоразумно отступившие на Полночь хайборийцы могли взять остатки Кхарии голыми руками, поскольку от Империи осталось несколько жалких обломков, крошечных государств, отчасти сумевших защититься от магического шторма. Дальнейшее представить не сложно: разрозненные княжества были уничтожены, на троны вновь образовавшихся государств взошли самые выдающиеся вожди хайборийских племен, святой Эпимитриус вместе с первыми королями, Алькоем и Олайетом, начали создавать на груде развалин, оставшейся от Кхарии, Аквилонию и Немедию, а у наших предков появилось новое увлекательное и опасное занятие — устраниТЬ последствия колдовской бури. Именно тогда и появилась гильдия Ночной Стражи, которая взялась за уничтожение бродивших по землям континента монстров, уцелевших после падения Ахерона.

Как уже сказано выше, Кхария не оставила после себя практически никакого наследия — все было уничтожено. Хайборийцам пришлось не восстанавливать ушедший в небытие мир, а буквально строить его заново. Все наши знания, алфавит, все достижения мысли и разума, все что сделано нашими руками — все это принадлежит нам и только нам, хайборийцам. Да, такие города как Тарантия или Бельверус построены на древних кхарийских фундаментах, да мы помним о том, что почти тысячу триста зим назад одна цивилизация сменила другую, но мы никогда не использовали наследства предшественников. Его просто не осталось.

... Около полусотни рукописей, разбросанных по самым крупным библиотекам стран Заката, примерно столько же магических предметов, найденных в чудом сохранившихся гробницах или в развалинах кхарийских храмов, монеты, нехитрая утварь — вот все, чем мы располагаем. И, конечно, в этот же список можно включить сохранившихся в отдаленных чащобах монстров и древнюю магию Ахерона, которая изредка дает о себе знать...

И кто знает, может быть под забытыми руинами кхарийских городов доселе дремлет нечто столь опасное, что все перипетии прошлогодней войны за Боссонию покажутся рядом с этим сузящими пустяками...

— Я подозревал, что все происходило примерно так, — сказал Конан, выслушав Риго. — Теперь представляешь, насколько опасным может быть сочетание бесстрашия дикарей, которыми, по мнению кхарийцев, были наши предки, и опасность исходящая от магии, особенно «ничейной», никем не контролируемой?

— Более чем, — грустно сказал пущантец. — Рассказать, чем все кончилось? Орибазий дотщен, расписал страниц на сто...

— Если вкратце — давай.

... Жил тысячу триста зим назад император Ахтонотеп Восьмой, и был он редкостным неудачником. Нет, вовсе не потому, что не умел править, пил горькую как Нумедидес или вместо «важных государственных дел» отдавал предпочтение развлечениям с актрисами и прочими гетерами. Просто он родился в крайне плохое время, был слишком молод, советники Ахтонотепа не понимали, что времена величия империи Ахерона миновали окончательно и бесповоротно, а самой Кхарии оставалось существовать считанные дни.

Материк все еще содрогался в судорогах, порожденных чудовищным магическим штормом, бушевавшим на протяжении долгих зим, давали о себе знать последние отголоски колдовской бури, сметавшей на своем пути целые области государства, а зловредные хайборийцы продолжали

ли наступать на владения Ахтонотепа Последнего, безжалостно уничтожая последние остатки империи.

Надо заметить, что благодаря умелым магам столицы, Пифон, выстояла во времена долгой Бури Перемен и разрушению не подверглась — колдуны смогли защитить город-дворец от магии, однако были бессильны остановить приближающиеся орды варваров, как ни старались... И вот настал страшный день: к стенам Пифона, защищал каковой сравнительно немногочисленный отряд гвардии императора, подошло неисчислимое войско Алькоя, который вскоре станет Первым Королем Аквилюнии. Справедливости ради стоит заметить, что совсем уж «неисчислимым» оно не являлось — уцелевший в этой кутерьме летописец полагает, что хайборийцев было около двенадцати тысяч, что примерно соответствует трем нынешним аквилюнским легионам.

Пифон, однако, был неплохо укреплен и мог выдержать сравнительно долгую осаду, но что значат полторы тысячи гвардейцев против восьмикратно превосходящего по силам противника? Не успеешь отбить один штурм, как сразу начинается другой. Придворные маги Ахтонотепа тоже участвовали в отражении атак Алькоя, использовали самое изощренное боевое волшебство, но хайборийцев все равно было слишком много,

да и подкрепления к ним подходили с пугающей регулярностью.

Приблизительно на шестой-седьмой день активной осады, стало ясно — Пифон не устоит, а это значит, что Кхария окончательно прекратит свое существование. Сдаваться или договариваться с врагом смысла не имело, поскольку хайборийцы пленных не щадили, да и хотелось им поглядеть, что за секреты таятся в огромных сокровищницах императорского дворца — эти варвары совсем как дети, все забывают при одной мысли о красивых и блестящих побрякушках...

Начался решительный штурм. Ахтонотеп и его приближенные уяснили — это конец. И тогда было принято решение использовать самые крайние меры, сиречь открыть прямой проход между миром людей, и Черной Бездной, обителью Первозданного Зла. Каков смысл? Да очень просто! Оттуда немедленно полезут орды демонов, которым все равно кого убивать — кхарийцев или хайборийцев. Маг, имя которого история не сохранила, пообещал Ахтонотепу, что сможет укрыть императорский дворец магической завесой, которая защитит его от иномировых чудовищ, а когда все закончится, портал в Бездну будет захлопнут.

Как всегда получается в подобных случаях, этот красивый и почти беспроигрышный план пошел кувырком с самого начала. Двор импера-

тора и остатки гвардии укрылись во дворце (большая часть Пифона к этому времени уже была захвачена варварами), колдун забрался в свою башню, открыл Книгу Душ и начал священно действовать, если, конечно, данное слово применимо к проводимому им черному обряду.

Проход в Бездну открылся, да только не совсем туда, куда требовалось — известно, что Нижняя Сфера неоднородна, там существует несколько разных областей, в которых живут совершенно различные разновидности демонов. Причем, эти существа, подобно людям, враждуют между собой и борются за влияние в Бездне ничуть не хуже, чем мелкие дворянчики, ведущие свои «частные» войны за владение каким-нибудь лесом или плодородным полем, которое непременно следует оттяпать у соседа.

Маг рассчитывал связать порталом столицу и ту область Нижнего Мира, что именуется «Огненной бездной», населенной тварями под названием «баатэзу» — единственными демонами, с которыми человек был способен договориться и которые могли подчиняться приказам знающего волшебника. Но произошла ошибка — или заклинание было записано неверно, или просто маг слишком торопился...

Произошла катастрофа.

Огненное кольцо портала, возникшее в самом центре Пифона, выплеснуло из себя жутчайших

тварей, ранее в обитаемом людьми мире невиданных, причем преобладали среди них таннари, демоны хаоса. Это были абсолютно безжалостные и жуткие чудища, ненавидевшие все и вся, включая своих собратьев по Бездне, на которых таннари сразу же и набросились. Кроме того, таннари было решительно плевать на всякие там магические защиты, созданные жалкими людишками, будь они волшебниками хоть в тысячном колене.

Летопись умалчивает, что именно творилось в Пифоне в тот знаменательный день, но известно, что чудом выживший в этой безумной заварухе Алькой увел из-под стен полностью разрушенного Пифона всего лишь четыреста человек из двенадцати тысяч. Этот несомненный факт дает представление о происходившем в столице империи кошмаре.

Если бы портал не закрылся, неизвестно, что произошло бы с Универсумом людей в дальнейшем, но за избавление человечества от возможной гибели стоит благодарить того, кто убил неудачливого мага пряником над Книгой Душ — пролившаяся на страницу с заклинанием кровь волшебника запечатала портал. Может быть, в башню колдуна прорвались варвары, может демоны, но так или иначе напасть сгинула. Не сумевшие вернуться в свой мир чудища разбрелись кто куда и по мере сил продолжали пакос-

тить людям, дымящиеся руины Пифона стали проклятым и запретным местом, о котором вскоре забыли, а последний император Ахтонотеп погиб вместе со всеми остальными.

На этом история Кхарийской империи прервалась навсегда.

* * *

— Звучит устрашающе, — поморщился Конан. Варвару хотелось спать, давно миновала полночь. — Интересно, откуда Орибазий все это узнал? Насколько я понимаю, упоминаний книг и библиотек, где они хранятся, в трактате нет?

— Думаешь, он все это выдумал?

— Вовсе нет, не похоже на выдумку. Выходит, если кто-то из кхарийцев уцелел и спрятался в Пуще, а затем начал обучать дикарей своим знаниям, то... То у нас могут быть серьезные неприятности! Спрашивается, почему пикты ждали так долго? Тринадцать веков? Силы копили?

— Понятия не имею, — вздохнул Риго. А насчет неприятностей... тихо... что это за звук?

Через отдушины под потолком в дом проник заполошный перезвон колокола, висевшего над главной башней Тусцелана.

— Сигнал общей тревоги, вот что! — рявкнул киммериец, хватая валявшиеся возле лаки сапоги. — Вставай, пойдем посмотрим! Если Рагнар

поднял переполох из-за двух десятков дикарей, переправившихся на наш берег, быть ему битым. Не посмотрю на чин полутысячника!

Расталкивая поднимавшихся на стены лучников Конан, Риго и с трудом проснувшийся Эмерт прорвались на Полуденную башню, нависшую над рекой. Огляделись. Киммериец только зубы стиснул и выругался.

Над непроницаемой стеной леса на противоположном берегу разлилось холодное синевато-зеленое сияние с белыми искрами, будто светящийся туман, медленно приближавшийся к форту. Было невероятно холодно, будто в разгар зимы, а не перед началом лета. Слух различил едва слышные всплески сливавшиеся в непрерывное журчание — по волнам Черной реки хлопали весла сотен долбленок.

— Мы что же, оказались на острие удара? — пытаясь оставаться спокойным проговорил Конан. — Ну что ж, попробуйте взять. Кто как, а я умирать пока не собираюсь, еще свое королевство не отвоевал...

— Чего? — выдавил Риго.

— Есть одно интересное пророчество, потом расскажу. Чего стоишь?

— А что надо делать?

— Беги к нордлингам, позови Сигвальда. Жрец Доннара нам очень пригодится! Кажется, предстоит штурм.

Первые ручейки светящегося тумана затопившего Пущу сползли на волны реки и словно бы отпрянули — магия Первозданного Зла отчего-то не терпит проточной воды.

— Лучникам — стрелы на тетиву! — заорал Конан, вспомнив, что он все-таки сотник. — Подпустить лодки ближе к берегу, стрелы, беречь! Кто струсит — убью своими руками!

Киммериец обнажил клинок и стал ждать штурма.

Конец первой части

Содержание

<i>Керк Монро</i>	
<i>Хранительница жизни. Повесть</i>	5
<i>Олаф Локнит</i>	
<i>Черная река. Роман</i>	109

Литературно-художественное издание

Монро Керк
Локнит Олаф

КОНАН ПРОТИВ ЗОГАР-САГА

Руководитель проекта Дмитрий Ивахнов

Составитель Андрей Мартынов

Серийное оформление: Дмитрий Визелский

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.Д.003857.05.06 от 05.05.2006 г.

ООО «Издательство АСТ»

170002, Россия, г. Тверь, пр. Чайковского, д. 27/32

Наши электронные адреса: WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

Издательство «Северо-Запад Пресс»

190121, г. Санкт-Петербург,

Наб. кан. Грибоедова, 148-150, пом. 5Н, лит.А

conan@sp.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ООО « Типография издательско-полиграфического
объединения профсоюзов Профиздат»,
144003, г. Электросталь, Московская область, ул. Тевояна, д. 25

САЈА О КОНАН^Е

КОНАН и тень ветра	КОНАН и принц Зантары	КОНАН и хемукина пустыни	КОНАН и духи гор	КОНАН и сокровища старателей	КОНАН и нефритовый кубок	КОНАН и убийцы чудовищ	КОНАН и странники морей	КОНАН и путь героев
73	74	75	76	77	78	79	80	81
КОНАН и владыка леса	КОНАН и нарада наемника	КОНАН и легион зарн	КОНАН и пламя возмездия	КОНАН и трон ведьмы	КОНАН и честь империи	КОНАН и месть бела	КОНАН и камень желания	КОНАН и волчья башня
82	83	84	85	86	87	88	89	90
КОНАН и калита варвара	КОНАН и скриптор мага	КОНАН и золотая пантера	КОНАН и легион лемурий	КОНАН и ярость тиганов	КОНАН и тайна песков	КОНАН и раб тайсмана	КОНАН и поход обреченных	КОНАН и чары колдуны
91	92	93	94	95	96	97	98	99
КОНАН герой хлыборий	КОНАН и черное солнице	КОНАН и заложники рока	КОНАН и патология сна	КОНАН и ритуал луны	КОНАН и альб сплит	КОНАН и темный охотник	КОНАН и калики асуры	КОНАН и суд богини
100	101	102	103	104	105	106	107	108
КОНАН и цирт вендин	КОНАН и ланки ахерона	КОНАН и драматичный остров	КОНАН и демоны степей	КОНАН и зароден юга	КОНАН и узники камня	КОНАН и красное братьство	КОНАН и глаз глазка	КОНАН и царь оборотня
109	110	111	112	113	114	115	116	117
КОНАН и фонтан жизни	КОНАН и река забвения	КОНАН и дамана дикарей	КОНАН и земля принцаков	КОНАН и браку смерти	КОНАН и слепой жрец	КОНАН и неудачные награды	КОНАН и морок чащи	КОНАН и круг время
118	119	120	121	122	123	124	125	126
КОНАН и дочь арундов	КОНАН и Ужас Харли	КОНАН и мистики шема	КОНАН и огненные сиянияще	КОНАН и вони из прокопов	КОНАН против загар-сага			
127	128	129	130	131	132			

ISBN 5-17-042194-X

9 785170 421947

СЕВЕРО - ЗАПАД ПРЕСС